

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Выпускъ 27-й.

Съ 2 таблицами и 56 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. О. Кирибаума. Новоисаакіевская, 20.
1908.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммисіи

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
А. В. Орѣшниковъ. Окуловскій кладъ Русскихъ денегъ (съ 2 табл.).	1— 14
В. В. Латышевъ. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи. Находки 1907 года (съ 35 рис.)	15— 41
В. В. Шнорпиль. Боспорскія надписи, найденныя въ 1907 году (съ 13 рис. и дополненіемъ В. Л.)	42— 54
М. И. Ростовцевъ. Новыя латинскія надписи съ юга Россіи (съ 4 рис.).	55— 67
В. В. Шнорпиль. Три свинцовыя пластинки съ надписями изъ Ольвіи (съ 4 рис.)	68— 74
G. M. Hirst. Ольвійскіе култы. Перев. съ англ. П. В. Латышева.	75—144

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

27-ème livraison.

Table des matières.

	Pages.
A. Oréschnikov. Monnaies russes trouvées à Okoulovo (av. 2 planches).	1— 14
B. Latyshev. Inscriptions trouvées au sud de la Russie en 1907 (av. 35 fig.).	15— 41
L. Škorpil. Inscriptions du Bospore trouvées en 1907 (av. 13 fig. et un supplément par B. L.).	42— 54
M. Rostovtzev. Inscriptions latines du sud de la Russie (av. 4 fig.).	55— 67
L. Škorpil. Trois tablettes inscrites en plomb trouvées à Olbia (av. 4 fig.).	68— 74
G. M. Hirst. The cults of Olbia. Trad. de l'anglais par M. P. Latyshev.	75—144

Окуловскій владъ Русскихъ денегъ.

Нижеописанныя 55 серебряныхъ денегъ изображены на прилагаемыхъ таблицахъ I и II.

1. Слѣды изображенія четвероногого животнаго и круговой надписи, отъ которой замѣтны буквы КН . . . . Э.

Обр. Слѣды надписи среди линейнаго ободка; замѣтны буквы Э, КН и Н.

20 д. Подобная монета описана въ изд. Имп. Росс. Истор. Музея, вып. I, „Русскія монеты до 1547 г.“, № 493, табл. VIII, рис. 352, среди денегъ вел. кн. Василя Дмитріевича Московскаго.

2. Слѣды изображенія человѣка; видны руки съ мечемъ и сѣкирою и маленькая человѣческая голова передъ ними, обращенная вправо; линейный ободокъ. Отъ круговой надписи сохранились буквы А Ж (отъ слова: княжа).

Обр. Слѣды подражанія восточной надписи и тамга среди линейнаго ободка.

19 д. Подобная монета описана *ibid.*, № 783, т. XIII, рис. 641, среди денегъ князя Петра Дмитріевича Дмитровскаго.

3. Кентавръ (видна передняя часть) вправо, передъ нимъ тамга; ободка линейный и изъ точекъ. Другая сторона деньги не отчеканилась ясно; замѣтны слѣды ободковъ линейнаго и изъ точекъ.

18½ д. Описана *ib.*, № 793, т. XIII, рис. 647, среди денегъ того же князя.

4. Плохо отчеканившееся поясное изображеніе человѣка впрямь. Среди линейныхъ ободковъ слѣды надписи КТ (?) . . . ЭТПЛ.

Обр. Слѣды вѣтки растенія, вѣроятно, хвоста фантастическаго животнаго и буква Ж (отъ слова: княжа?).

18½ д. Ср. *ib.*, № 831, т. XIV, рис. 692 и № 831, т. XVIII, рис. 831, гдѣ подобныя деньги описаны среди Ростовскихъ.

5. Птица, летящая влѣво.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

14 д. Часть деньги отломана. Ср. *ib.*, № 843, т. XV, рис. 706, среди денегъ вел. князя Дмитрія Константиновича Суздальско-Нижегородскаго.

6. Бѣгущее вправо животное среди линейнаго ободка.

Обр. Слѣды подражанія восточной надписи.

18 д. Ср. *ib.*, № 859, т. XV, рис. 725 и слѣд., гдѣ подобная деньга описана среди монетъ Василя Кирдяпы.

7. Плохо отчеканившееся изображение сидящаго человѣка съ мечемъ, влѣво, среди линейнаго ободка. Замѣтны слѣды буквъ круговой надписи.

Обр. Неясное изображение (тамги?) среди линейнаго четырехольниа.

17 д. Нѣсколько схожая деньга описана *ib.*, № 910, т. XVII, рис. 792, принадлежащая, повидимому, князю Даніилу.

8. Слѣды пояснаго изображенія человѣка съ мечемъ и сѣкирою, вправо, среди линейнаго ободка. Слѣды буквъ круговой надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. Ср. *ib.*, № 985, т. XIX, рис. 888.

9. Слѣды какого-то изображенія среди линейнаго ободка. Въ круговой надписи буквы ЧЛ (отъ слова печать).

Обр. Человѣческая голова вправо; надъ нею подражаніе восточной надписи.

19 д. Типъ подобной деньги, повидимому, не изданъ.

10. Человѣческая голова вправо, передъ нею, бокомъ, надпись *توقتمش* —Токтамышъ¹⁾.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. Подобная деньга, повидимому, не издана.

11. Животное вправо, передъ нимъ человѣкъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. См. *ibid.* № 988, т. XX, рис. 893 и 894.

¹⁾ Всѣ восточныя надписи на деньгахъ этого клада разобраны А. К. Марковымъ, которому приношу искреннюю благодарность.

12. Человѣкъ въ ростъ, влѣво, съ шапкою на головѣ, въ одной рукѣ держитъ сѣкиру или мечъ, въ другой кружокъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ д. Подобная денга, повидимому, не издана.

13. Два стоящіе лицомъ другъ къ другу человѣка, держащіе руками предметъ, похожій на дерево; линейный ободокъ. Въ круговой надписи замѣтны буквы ЛН (отъ словъ: Василий или великаго?).

Обр. Сѣтка и черточки.

18½ д. См. *ibid.* № 986, т. XIX, рис. 889 и слѣд.

14. Денга, подобная предыдущей, но другого чекана. 16 д.

15. Изображенія, какъ на предыдущихъ денгахъ, но надъ головою человѣка дуга (шляпа?).

17 д. *Ib.*, т. XIX, рис. 892.

16. Тоже, но другого чекана. 17½ д.

17. Всадникъ вправо среди линейнаго ободка; слѣды буквъ круговой надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. *Ib.*, № 976, т. XIX, рис. 878.

18. Тоже, но другого чекана. 16 д.

19. Слѣды изображенія Кентавра и тамги подъ нимъ; ободки линейный и изъ точекъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. *Ib.*, № 920—921, т. XVII, рис. 810—812.

20. Тоже, но другого чекана. 17 д.

21. Тоже, но другого чекана. 19 д.

22. Птица вправо, съ приподнятыми крыльями и съ большими лапами.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½ д. *Ib.*, № 998, т. XX, рис. 909.

23. Птица вправо.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½ д. *Ib.*, № 1005, т. XX, рис. 916.

24. Птица среди линейнаго ободка; слѣды круговой надписи.

Обр. Изображеніе не отчеканилось или изгладилось.

18 д. *Ib.*, № 1005.

25. Четвероногое животное съ обращенною назадъ головою, прыгающее вправо.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

19 д. Лицевая сторона сходна съ описанною Шубертомъ въ его „Описанія Русскихъ монетъ и медалей“ (Спб. 1843 г.) подъ № 224 деньгою, изображенною въ его атласѣ на т. III, рис. 224. Авторъ относитъ деньгу къ Василю Дмитриевичу Московскому.

26. Бѣгущее вправо животное; линейный ободокъ. Въ круговой надписи видны буквы *НД* (отъ слова *Василій?*).

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. См. выше № 6.

27. Крылатое четвероногое вправо; линейный ободокъ. Слѣды круговой надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи и тамга.

19 д. *ib.*, № 967, т. XIX, рис. 863.

28. Изображеніе Кентавра среди линейнаго ободка.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. См. выше №№ 19—21, но другого чекана.

29. Среди линейнаго ободка слѣды, повидимому, подражанія восточной надписи. Подобные-же слѣды и въ полѣ монеты.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. Деньга подобнаго типа, но другого чекана, описана въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“ № 1020, т. XXI, рис. 935.

30. Деньга, подобная предыдущей, но другого чекана. 17 д.

31. Имя хана *جانى* Джани (бекъ) среди линейнаго ободка.

Обр. Подражаніе восточной надписи. 18 д.

32. Подражаніе восточной надписи на обѣихъ сторонахъ деньги.

16 д. Ср. *ib.*, № 1019, т. XXI, рис. 934.

33. Тоже. 17 д.

34. Тоже. 16 д.

35. Имя хана *توقتمش* Токтамышъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д.

36—39. На четырехъ деньгахъ имя хана Токтамыша среди линейнаго круга.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½, 16½, 17 и 17 долей. Всѣ четыре чекана разные.

40—52. Тринадцать денегъ разныхъ чекановъ съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ подражаній восточнымъ надписямъ.

19 д. (№ 40), 18 д. (№ 41), 17 д. (№№ 42 и 43), 18 д. (№№ 44 и 45), 16½ д. (№ 46), 18½ д. (№ 47), 17½ д. (№ 48), 20 д. (№ 49), 17 д. (№№ 50 и 51), 16 д. (№ 52).

53. Суннитскій символъ обратной стороны монеть Узбека.

Обр. Надпись ضرب خوارزم чеканъ Ховарезма.

20½ д.

54. Слѣды надписи съ именемъ хана توقتشъ Токтамышъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ д.

55. Подражаніе восточной надписи на обѣихъ сторонахъ деньги. 20½ д.

Остальные, нижеописанные 16 экз. серебряныхъ денегъ Окуловскаго клада на таблицѣ не изображены.

56. Человѣкъ впрямь, подъ головою дуга (шляпа?), въ лѣвой рукѣ мечъ.

Обр. Крестообразная, съ кружками на концахъ, тамга, по сторонамъ ея черточки.

18 д. См. „Русскія монеты до 1547 г.“ № 983, т. XIX, рис. 886. Деньга сломана пополамъ.

57—59. Три деньги разныхъ чекановъ съ неясными изображеніями, повидимому, Кентавра среди ободковъ линейнаго и изъ точекъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ и двѣ по 18 д. Ср. ib., №№ 920—924.

60—71. Двѣнадцать денегъ плохой сохранности, повидимому, разныхъ чекановъ, съ изображеніями подражаній восточнымъ надписямъ.

Вѣсъ: 1 экз.=16 д., 1 экз.=16½ д., 2 экз.=по 17 д., 2 экз.=по 17½ д., 4 экз.=по 18 д., 1 экз.=19 д., 1 экз.=19½ д.

Описанный кладъ найденъ въ 1906 г. близъ с. Окулова, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ., подъ Воскресенскими горами, гдѣ прежде, по преданію, былъ монастырь.

Кромѣ 71 экз. серебряныхъ денегъ, въ кладѣ находился маленькій, мѣрою 23 × 18 миллим., мѣдный четырехконечный крестъ-гѣльникъ и слитокъ мѣди, величиной и формой съ зерно боба.

Изъ описанныхъ 71 экз. восемь монетъ—№№ 1 по 7 и № 26 распределяются между слѣдующими князьями: одна в. в. Василия Дмитриевича Московскаго, по прежнему опредѣленію, хотя, по мѣсту находки, можетъ быть отнесена и Василию Кирдягѣ, когда онъ былъ великимъ княземъ Нижегородскимъ (1387—1391); но этотъ вопросъ окончательно можетъ рѣшиться при дальнѣйшихъ находкахъ денегъ подобнаго типа въ Нижегородской губ. Двѣ деньги князя Петра Дмитровскаго; четыре Суздальско-Нижегородскихъ князей и одна (впрочемъ, предположительно) Ростовская. Всѣ остальные относятся къ той категоріи Русскихъ денегъ удѣльно-вѣчевого періода, которая еще ждетъ точнаго опредѣленія.

Всякій, знакомый съ Русскими деньгами XIV и первой четверти XV столѣтія, знаетъ, какую трудность, иногда невозможность, представляетъ значительная часть ихъ для опредѣленія; многія не имѣютъ никакихъ надписей, или же имѣютъ такія лаконическія надписи: „печать великаго князя“, „печать князя“; другія на обѣихъ сторонахъ имѣютъ подражанія восточнымъ легендамъ, безъ слѣда русской надписи, и т. д., такъ что опредѣлить мѣсто ихъ чекана, т. е. монетнаго двора (не говоря уже объ имени князя, при которомъ онѣ были чеканены), можно лишь путемъ топографическимъ, т. е. опредѣленіемъ мѣста находокъ денегъ одного типа въ одной и той-же мѣстности. Такимъ путемъ опредѣлены, между прочимъ, деньги князя Ивана Борисовича Кашинскаго ¹⁾.

Деньги съ одними подражаніями восточнымъ надписямъ, безъ признака русскихъ, подобныя изображеннымъ почти на всей прилагаемой II таблицѣ, извѣстны въ нумизматической литературѣ: Френъ видѣлъ кладъ, найденный близъ Казани, состоявшій изъ 400 монетъ, изъ которыхъ едва четвертая часть состояла изъ оригинальныхъ татарскихъ монетъ, остальные же были копіи съ татарскихъ, съ однѣми арабскими надписями, сдѣланными русскими денежниками ²⁾. Иверсенъ въ „Трудахъ VI Археолог. Съѣзда“ описываетъ кладъ серебряныхъ денегъ вѣсомъ 1 ф. 29 зол., найденный въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., въ которомъ, въ числѣ монетъ Суздальско-Нижегородскихъ князей, составлявшихъ главную часть вклада, были и русско-татарскія ³⁾. Обѣ находки, къ которымъ теперь надо присоединить нашъ Окуловскій

¹⁾ См. *Труды Московскаго Нумизматическаго Общества*, т. II, стр. 333—334.

²⁾ См. Русскія монеты до 1547 г., стр. 85, примѣчаніе.

³⁾ См. *ib.*, стр. 194.

кладъ, сдѣланы на территоріи, которую занимало въ XIV — XV стол. (или граничило съ нею) великое княжество Суздальско-Нижегородское.

Такимъ образомъ, въ виду повторяющихся находокъ однородныхъ монетъ въ одной области, вопросъ о мѣстѣ чекана русскихъ денегъ, представляющихъ копіи съ татарскихъ, которыя не совсѣмъ точно называютъ русско-татарскими, рѣшается, по моему, въ положительномъ смыслѣ: онѣ чеканены въ великомъ княжествѣ Суздальско-Нижегородскомъ. Что эти деньги не татарскія и не копіи, сдѣланныя на татарскихъ монетныхъ дворахъ, — доказательствомъ могутъ служить ихъ внѣшніе признаки: продолговатая форма, такъ какъ онѣ чеканились на расплющенной проволоцѣ и послѣ чеканки каждая монета отрубалась; мѣсто отруба, около узкаго конца, замѣтно почти на каждой деньгѣ. Татарскія же деньги всѣ круглыя, такъ какъ чеканились на заготовленныхъ ранѣ серебряныхъ кружкахъ ¹⁾).

Искаженіе арабскихъ надписей на русскихъ деньгахъ происходило, безъ сомнѣнія, отъ незнанія русскими денежниками арабскаго языка. Подобныя же безграмотныя копіи надписей встрѣчаются и на джучидскихъ монетахъ, считаемыхъ нѣкоторыми собирателями за произведенія русскихъ чеканщиковъ, но которыя покойный баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, несмотря на легкій вѣсъ нѣкоторыхъ, считалъ несомнѣнно чеканенными на золотоордынскихъ монетныхъ дворахъ ²⁾). Подобныя же джучидскія монеты съ искаженными надписями описаны А. К. Марковымъ въ его „Инвентарномъ каталогѣ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа“, стр. 512 и сл., гдѣ авторъ называетъ ихъ „варварскими подражаніями“. Безъ сомнѣнія, это не „варварскія подражанія“, а обыкновенныя джучидскія монеты, что доказываетъ ихъ одинаковый вѣсъ съ монетами, имѣющими правильныя надписи, но только матрицы ихъ вырѣзаны неумѣлыми или даже совсѣмъ безграмотными рѣзчиками. Появленіе подобныхъ подражаній у Татаръ можно объяснить недостаткомъ искусныхъ рѣзчиковъ при огромномъ количествѣ выпускаемыхъ съ монетныхъ дворовъ монетъ; для скорѣйшаго изготовленія матрицъ брались въ помощь искуснымъ денежникамъ менѣе искусныя.

¹⁾ Разница между русскими и татарскими деньгами, происшедшая отъ разныхъ техническихъ приѣмовъ чеканки тѣхъ и другихъ, наглядно представлена на послѣдней XXI таблицѣ «Русскихъ монетъ до 1547 г.», рис. 957—958 и предыдущіе.

²⁾ См. «Русскія монеты до 1547 г.», примѣчаніе къ №№ 1042—1043.

Шесть денегъ, описанныхъ здѣсь подь №№ 35—39 и 54, указываютъ на ихъ подражаніе монетамъ Токтамыша; слѣдовательно, появленіе ихъ и, по всему вѣроятію, всѣхъ остальныхъ денегъ нашего клада съ подражаніями восточнымъ легендамъ, прототиповъ которыхъ возстановить не возможно, должно быть отнесено къ концу XIV или къ началу XV стол., т. е. во времени послѣ Токтамыша, послѣднія монеты котораго чеканены въ 799 г. гиджры (1397 г.). Такимъ образомъ, попытку нѣкоторыхъ русскихъ нумизматовъ относить русскія подражанія татарскимъ монетамъ къ XIII вѣку можно считать неудачною ¹⁾.

На сравнительно позднее происхожденіе нашихъ подражаній указываетъ уменьшенный вѣсъ ихъ отъ 16 до 19 д. (единичные экземпляры вѣсятъ 20 и 20½ д.) относительно другихъ русскихъ денегъ (кромѣ Рязанскихъ), напр. Дмитрія Донского, нѣкоторые экземпляры котораго вѣсятъ 24 доли, Дмитрія Константиновича—въ 22—23 доли ²⁾ и видѣнной мною въ коллекціи П. В. Зубова деньги съ надписью „печать великаго князя“, вѣсомъ въ 25 долей. Деньги съ такими колебаніями вѣса, какъ 16—17 д. съ одной стороны и 24—25 д. съ другой, одновременно чеканены быть не могли. Повидимому, послѣ Дмитрія Донского, при Василии Дмитриевичѣ Московскомъ, произошло какое-то измѣненіе въ вѣсѣ денегъ, который уменьшился до 7—8 долей въ деньги.

Рѣшать вопросъ о вѣсѣ русскихъ денегъ XIV и начала XV стол. я пока не могу, такъ какъ необходимо изслѣдовать болѣе обширный матеріалъ, нежели какой я имѣю въ настоящее время, но позволю себѣ сдѣлать о вѣсѣ нѣсколько предположеній общаго характера на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми располагаю.

Удѣльно-вѣчевая Русь, не имѣя собственной монеты до второй половины XIV вѣка, естественно должна была пользоваться чужеземною, что подтверждается многочисленными кладами арабскихъ, джучидскихъ, западно-европейскихъ и др. монетъ, находимыми по всей территоріи древней Руси. Въ данномъ случаѣ меня интересуютъ находки монетъ XIII—XIV стол., которыя выражаются въ многочисленныхъ кладахъ золотоордынскихъ монетъ. Подчиненіе Руси Татарамъ особенно отра-

¹⁾ См. ст. Чернева въ *Annuaire de la Société française de numismatique*, t. XII, p. 427.

²⁾ Ср. *Reichelsche Münzsammlung* №№ 15, 18; Русскія монеты до 1547 г., №№ 844—845.

зилось на княжествахъ средней Россіи: Московскомъ, Суздальско-Нижегородскомъ, Рязанскомъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ Золотой Ордой болѣе, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, которые не подверглись нашествію Татаръ. Имѣя частыя сношенія съ Татарами, Русь, конечно, должна была пользоваться ихъ монетами, такъ какъ не имѣла своихъ; другими словами, она подчинилась закону, по которому всякое государство, не имѣвшее ранѣе собственной монеты, принимаетъ монету той страны, съ которой наиболѣе связано торговыми сношеніями. Такъ было въ древности, при Грекахъ и Римлянахъ, то же мы должны видѣть и на Руси въ концѣ XIV вѣка, когда стали впервые послѣ нашествія Татаръ чеканить собственную монету.

Такимъ образомъ, заимствованіе нами монетной системы у Татаръ весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ относительно княжествъ Московскаго, Нижегородскаго и Рязанскаго; но разнообразіе вѣса монетъ первыхъ двухъ княжествъ (съ удѣлами) съ одной стороны и Рязанскаго съ другой вызываетъ нѣкоторое недоразумѣніе: у первыхъ двухъ, какъ я выше сказалъ, самые тяжелые экземпляры монетъ князей XIV стол. вѣсятъ 25 долей, въ Рязани въ то же время отъ 26 до 30 долей. Случайностью это быть не могло. Не предрѣшая вопроса, я позволю себѣ только высказать взглядъ на причины, вызвавшія такую разницу въ вѣсѣ: прежде всего необходимо установить, какой былъ вѣсъ татарской деньги въ интересующую насъ эпоху? Матеріаль, собранный П. С. Савельевымъ въ его трудѣ „Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ“ и т. д., показываетъ, что въ эпоху Токтамыша вѣсъ татарскихъ денегъ на всѣхъ монетныхъ дворахъ его былъ не одинаковъ, а дѣлился на двѣ рѣзкія по вѣсу группы: монетные дворы Сарая, Новаго Сарая, Азака, Крыма, Новаго Крыма, Хаджи Тархана, Сарайчука, Харезма чеканили монеты одной системы, отъ 27 до 32 долей, дворы же Дербента, Шемахи, Шабрана, Баку—другой, болѣе тяжеловѣсной системы, отъ 38 до 45 долей. При преемникахъ Токтамыша—Шадибекѣ, Пуладъ-ханѣ, Тимуръ-ханѣ, Джеллалъ-Эддинѣ и т. д. — вѣсъ денегъ, чеканенныхъ на монетныхъ дворахъ, находившихся на территоріи теперешней Европейской Россіи, судя по экземплярамъ, описаннымъ у Савельева, остается тотъ-же, что и при Токтамышѣ; исключеніемъ являются деньги, чеканенныя на Булгарскомъ монетномъ дворѣ, вѣсъ которыхъ рѣзко отличается отъ вѣса денегъ прочихъ монетныхъ дворовъ, если ихъ не считать *дробными*

частями, приблизительно половинною, обыкновенной золотоордынской монеты. Я перевѣшалъ значительное количество монетъ преемниковъ Токтамыша, чеканенныхъ въ Булгарѣ (изъ превосходнаго собранія П. В. Зубова), и получилась слѣдующая картина ¹⁾: монеты Шадыбека 805 г. гиджры (1403 г.) вѣсятъ 16½, 17 д.; Пуладъ-хана 815 г. (1412 г.)—17, 17½ д., того же хана, но чеканенныя въ 815 году на монетномъ дворѣ въ Раджанѣ, по объясненію А. К. Маркова, въ Рязани ²⁾,—15 и 16 д.; Джеллаль-Эддина 814 г. (1411 г.)—13½, 15 и 16 д. и, наконецъ, Кибяка 817 г. (1414 г.)—13½ д.

Приведенныя цифры вѣса денегъ болгарскаго чекана очень близки къ вѣсу денегъ нашихъ подражаній татарскимъ монетамъ, что и наводитъ меня на мысль о тѣсной связи системъ татарской, принятой у Волжскихъ Булгаръ въ началѣ XV ст., и русской.

Суздальско-Нижегородское княжество, монетнымъ дворамъ котораго я отношу русскія подражанія джучидскимъ монетамъ, по своему географическому положенію должно было имѣть наиболѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Волжскими Булгарами, монеты которыхъ, безъ сомнѣнія, обращались среди русскаго населенія ³⁾. Со введеніемъ собственныхъ монетныхъ дворовъ русскіе князья, конечно, должны были чеканить такую монету, къ которой народъ наиболѣе привыкъ, т. е. похожую и по внѣшности и по вѣсу на татарскую. Этого вопроса коснулся проф. И. И. Кауфманъ въ своемъ изслѣдованіи „Русскій вѣсь, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторіей русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшаго времени“ ⁴⁾. Авторъ признаетъ вліяніе татарской монетной системы на русскую и устанавливаетъ связь между тою и другою слѣдующими доводами: вѣсь татарской деньги XIV вѣка = 32 дол. т. е. 1/3 золотника; вѣсь денегъ Дмитрія Донскаго, на основаніи вѣсовъ, приводимыхъ въ каталогахъ, = 20, даже 21 доли. „Сопоставленіе этихъ чиселъ, говоритъ авторъ, наводитъ меня на мысль, что когда приступали къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить три русскія; т. е.

¹⁾ Всѣхъ вѣсовъ приводить не стану, возьму по году отъ каждого хана.

²⁾ Объ этомъ болѣе подробно см. ниже.

³⁾ О торговлѣ съ Волжскими Булгарами см. Аристовъ, Промышленность древней Руси, стр. 190—197.

⁴⁾ См. *Записки Нумизм. отд. Имп. Русск. Арх. О-ва*, т. I, вып. 1-й, стр. 128 и сл.

нормальный вѣсъ русской деньги установленъ въ $\frac{2}{3}$ вѣса татарской деньги, ибо двѣ трети 32 долей составляютъ $21\frac{1}{3}$ доли“.

Приводимые доводы уважаемаго автора едва-ли могутъ быть убѣдительны. Принятый имъ средній вѣсъ татарской деньги времени Токтамыша, какъ это видно по Екатеринбургскому и Тетюшскому вкладамъ, легче 32 долей на 1 или $1\frac{1}{2}$ доли. Во всякомъ случаѣ вопросъ о вѣсѣ татарскихъ денегъ еще не изслѣдованъ и требуетъ специальной разработки. Затѣмъ вѣсъ денегъ Дмитрія Донского, выведенный авторомъ въ $21\frac{1}{3}$ доли, не сходится съ дѣйствительнымъ вѣсомъ полновѣсныхъ экземпляровъ, которые, какъ я выше сказалъ, имѣютъ 24—25 долей. Такимъ образомъ, несмотря на остроуміе доказательствъ, вопросъ по прежнему не доведенъ до конца.

Если мы можемъ довазать фактами, что русскія деньги въ 16, 17 долей могли быть вычеканены по образцу денегъ болгарскаго чекана начала XV ст., то какъ согласовать вѣсъ денегъ болѣе стараго чекана времени Донского и, вѣроятно, первыхъ лѣтъ княженія Василя Дмитріевича съ вѣсомъ современныхъ имъ татарскихъ денегъ? Цифры вѣса нашихъ денегъ въ 24—25 д. не встрѣчаются, за исключеніемъ единичныхъ экземпляровъ, среди монетъ Токтамыша, которыя всѣ тяжелѣе, и единственное объясненіе, которое я могъ бы допустить,—это существованіе денегъ соответствующаго вѣса въ 24—25 долей болгарскаго чекана времени Токтамыша, которыя намъ пока еще не извѣстны.

Окуловскій кладъ, по своему составу, можно назвать кладомъ нижегородскихъ денегъ, чеканенныхъ на монетномъ дворѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества. Исключеніемъ являются монеты №№ 2 и 3 князя Петра Дмитріевича Дмитровскаго, т. е. изъ удѣла великаго князя Московскаго. Кромѣ князя Дмитровскаго, другой князь съ именемъ Петра не извѣстенъ, такъ что вѣрность опредѣленія монетъ этого князя внѣ сомнѣнія¹⁾.

Другая монета (№ 1) отнесена мною къ в. к. Василю Дмитріевичу Московскому (см. Русск. мон. до 1547 г., № 493) по внѣшнимъ признакамъ, т. е. по характеру рисунка буквъ, который болѣе свойствененъ деньгамъ московскимъ, нежели нижегородскимъ. Конечно, эта деньга,

¹⁾ Въ *Зап. отд. Русск. и Слав. археологій Имп. Русск. Арх. О.*, т. VII, вып. II, г. Павловъ-Сильванскій издалъ мѣстную грамоту XIV в. въ копіи XVIII в., въ которой упомянуты три князя Суздальско-Нижегородскаго княжества, въ числѣ ихъ Петръ Ивановичъ Березопольскій, до сихъ поръ не извѣстный ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ. Впрочемъ, подлинность оригинала этой мѣстной грамоты времени в. к. Дмитрія Константиновича нѣкоторыми учеными оспаривается.

на основаніи ея находки въ Нижегородскомъ княжествѣ, можетъ принадлежать и Василию Кирдяпѣ, носившему великокняжескій титулъ, но, по моему наблюденію, стиль денегъ Кирдяпы иной, и я все-же остался бы при прежнемъ опредѣленіи, тѣмъ болѣе, что двѣ деньги князя Дмитровскаго указываютъ, что въ княжествѣ Нижегородскомъ были въ обращеніи деньги изъ Московскаго княжества.

Деньга № 4, по своей плохой сохранности, ничего не прибавляетъ для болѣе точнаго опредѣленія ея къ небольшой литературѣ о подобныхъ деньгахъ, приведенной въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“, №№ 831 и 831*, гдѣ онѣ отнесены предположительно къ Ростовскимъ.

Выше я коснулся вѣса Рязанскихъ денегъ, который рѣзко отличался отъ одновременныхъ денегъ Московскихъ и Нижегородскихъ.

Рязанскія деньги, чеканенныя, по моей классификаціи (см. Русскія монеты до 1547 г., стр. 73—80), до начала княженія Ивана Ѳедоровича¹⁾, вѣсятъ отъ 23 до 31 доли; начиная съ Ивана Ѳедоровича, средній вѣсъ Рязанскихъ денегъ равенъ приблизительно 21 долѣ²⁾. Исключеніе представляетъ одна, впервые описанная Черепнинымъ въ *Трудахъ Рязанской Уч. Архивной Коммисіи* т. XIX, стр. 168, слѣдующаго типа деньга, тогда же, по моей просьбѣ, присланная мнѣ покойнымъ ея владѣльцемъ:

Лиц. Слѣды трехстрочной надписи . . . | . . . ВН | . ВАНЪ | среди линейнаго обода.

Обр. Рязанская тамга. На полѣ монеты замѣтны слѣды арабской надписи и ободки линейный и бусовый.

Вѣсъ 25 долей.

Въ собраніи графа Н. П. Толстого находится другой экземпляръ деньга этого типа съ болѣе полною надписью: . . . ЗЪБ | ВВН | ВАН. . | Вѣсъ 26¹/₂ долей. Другихъ подобныхъ денегъ мнѣ не случалось встрѣчать. Деньга, описанная Черепнинымъ, отнесена къ Ивану Ѳедоровичу; этому

¹⁾ Годъ вокняженія Ивана Ѳедоровича точно не извѣстенъ; самый поздній годъ считаютъ 1427 (см. Экземплярскій, Вел. и уд. князья Сѣверной Руси, II, 596); покойный А. И. Черепнинъ означилъ годъ его вокняженія 1429, впрочемъ, безъ указанія источника, откуда имъ взятъ этотъ годъ (см. *Труды Ряз. Уч. Арх. Комм.* 1904 г., т. XIX, в. 2-й, стр. 168):

²⁾ См. Н. И. Булычовъ. Тамбовскій кладъ Рязанскихъ денегъ, въ *Изв. И. Археолог. Комм.*, вып. II (1904 г.), стр. 3. Средній вѣсъ Тамбовскаго клада вычисленъ авторомъ въ 20,8 доли.

опредѣленію противорѣчить лишь тяжелый для монетъ Ивана Ѳедоровича вѣсъ, который, какъ мы видѣли, равнялся 21 долѣ или немного менѣе. Но въ первые года его княженія деньги могли имѣть вѣсъ денегъ предшествовавшаго княженія, или же возможно предположить, что надпись „князь великій Иванъ“ относится не къ Ивану Ѳедоровичу, а къ Ивану Владиміровичу Пронскому, занимавшему нѣкоторое время Рязанскій столъ.

Свѣдѣнія о событіяхъ этого времени очень скудны. Лѣтописи ¹⁾ рассказываютъ, что въ 1407 или 1408 г. князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій пришелъ изъ Орды отъ Булатъ-Салтана (Пуладъ-ханъ) съ пожалованіемъ и честью на Русь и сѣлъ въ Пронскѣ и съ нимъ пришелъ посолъ царевъ. Въ 1408 г. онъ пошелъ съ Татарами на Рязань, гдѣ княжилъ въ то время Ѳедоръ Ольговичъ, согналъ Рязанскаго князя съ его стола и, какъ гласитъ Никоновская лѣтопись (XI, 203), „сле на обѣихъ княженіяхъ на Рязанскомъ и на Пронскомъ“. Ѳедоръ Ольговичъ, при помощи Московскаго великаго князя, пошелъ на Ивана Владиміровича, но оба они были разбиты княземъ Пронскимъ; однако-же вскорѣ помирились и каждый занялъ свой столъ. Взятіе княземъ Пронскимъ Рязани упоминается и въ Родословныхъ ²⁾, гдѣ Иванъ Владиміровичъ, какъ и въ лѣтописи, именуется великимъ княземъ. Владѣніе Рязанью было кратковременно, можетъ быть продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, но вполне допустимо, что Иванъ Владиміровичъ успѣлъ отчеканить въ 1408 г. тотъ типъ монетъ съ надписью „князь великій Иванъ“, который изданъ Черепнинымъ.

Дальнѣйшія событія въ Рязани покрыты мракомъ. Если справедливо предположеніе А. К. Маркова, что наименованіе монетнаго двора Раджанъ на легковѣсныхъ деньгахъ Пуладъ-хана 815 г. гиджры (= 1412 г.) ³⁾ означаетъ Рязань, то получается новый фактъ въ исторіи Рязанскаго княжества: въ его столицѣ въ 1412 г. властвуютъ Татары, которые тамъ устраиваютъ монетный дворъ.

Необходимо впрочемъ замѣтить, что столицей Рязанскаго княжества въ XIV—XV ст. былъ Переяславль, теперешній губернский городъ

¹⁾ П. С. Р. Л. XI, 202—204 (Ник.); VII, 243—244; VIII, 82 (Воскр.); XV, 480 (Тверск.).

²⁾ *Временникъ*, кн. X, стр. 33, 194 и 195: Въ лѣто 6916 (=1408), князь великій Иванъ Володимировичъ Дмитріевича Провьскаго, пришедъ съ Татары, подъ княземъ Ѳедоромъ Олговичемъ Рязань взялъ и сѣлъ на Рязани.

³⁾ См. Савельевъ, Монеты Джучидовъ, стр. 326; Френъ, *Recensio*, p. 371 № 15.

Рязань, а древняя столица княжества — Рязань, была разорена въ XIII вѣкѣ Татарами; она лежала на Овѣ противъ теперешняго города Спасска; въ настоящее время тамъ с. Старая Рязань. На монетахъ мы встрѣчаемъ какъ наименованіе Переяславль на пулахъ, такъ и Рязань на серебряныхъ деньгахъ¹⁾. Но слово Рязань на монетахъ, какъ и въ лѣтописяхъ, могло относиться ко всей области, а не къ городу. Татары же могли монетный дворъ устроить близъ древней Рязани, давъ ему названіе Раджанъ.

Во время нашествія Едигея (въ 1408—9 гг.) Рязань была во власти Татаръ: „Вся бо земля плѣнена быть, наченъ отъ земли Рязанскія и до Галича и до Бѣлоозера“, говоритъ лѣтописецъ (Воскр. VIII, 84), но, повидимому, вскорѣ освободилась, такъ какъ отъ 1411 г. (Ник. XI, 215) мы имѣемъ извѣстіе, что Татары приходили на Рязань изгономъ, но были прогнаны, а взятые плѣнные отняты.

Такимъ образомъ, если вѣсъ денегъ московскихъ и суздальско-нижегородскихъ въ XIV и началѣ XV ст. приближался къ вѣсу татарскихъ денегъ болгарскаго чекана, то въ Рязанскомъ княжествѣ, за тотъ-же періодъ, обращались деньги, близкія по вѣсу съ татарскими, чеканенными на прочихъ золотоордынскихъ монетныхъ дворахъ, кромѣ кавказскихъ.

А. Орѣшниковъ.

Декабрь 1907 г.

¹⁾ См. Русскія монеты до 1547 г., №№ 443—446.

Эпиграфическія новости изъ южной Россіи.

(Находки 1907 года).

I. Херсонесскія надписи ¹⁾.

Памяти К. К. Косцюшко-Валюжинича.

а. Надгробныя надписи.

1. Обломанный со всѣхъ сторонъ и разбитый на 2 части кусокъ мраморной плиты, наибольшая уцѣл. выш. 0,085 м., наиб. шир. 0,07, толщ. 0,025, съ рельефнымъ изображеніемъ, отъ котораго сохранились только три сильно выпуклыя ножки отъ дельфины и налѣво отъ нея часть мужской ноги (ступня и часть икры). Подъ рельефомъ была вырѣзана надгробная надпись (выш. буквъ 0,015—0,02 м.), отъ которой сохранились части четырехъ строкъ.

Найдень у оборонительной стѣны. Фотографическій снимокъ ($\frac{1}{3}$) и эстампажъ (№ 326).

[Ὁ δεῖνα Δ]ιονυσίου Ζήσας ἔτη [. . .
.....]α Ζήσασα ἔτη . . .
..... Ζήσας ἔτη κ'. Αὐ . . .
..... ἠδικησα . . . .

¹⁾ Всѣ издаваемые здѣсь Херсонесскія надписи, за исключеніемъ №№ 27, 28 и 29, найдены при раскопкахъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, нынѣ уже покойнаго († 14 декабря 1907 г.), и издаются по фотографическимъ снимкамъ или эстампамъ, присланнымъ имъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію съ подробными описаніями внѣшняго вида и величины камней и указаніями мѣстъ ихъ находки. Въ скобкахъ отмѣчаются №№ по общему списку эпиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ въ Херсонесѣ съ начала раскопокъ.

Обломокъ происходитъ, повидимому, отъ „семейнаго“ надгробнаго памятника, подъ которымъ были погребены мужъ, жена и 20-лѣтній сынъ. Число лѣтъ жизни жены не было проставлено на камнѣ. Последняя строка не поддается восстановленію. По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена ко II в. по Р. Хр.

2. Прекрасно сохранившееся мраморное надгробіе, сверху стесанное въ видѣ фронтона, выш. 0,38 м., шир. 0,27, толщ. 0,08—0,10 м. Въ узкой гладкой рамкѣ изображены рельефомъ бородатый мужчина и женщина, возлежащія на ложѣ съ точеными ножками, съ чашечками или плодами въ лѣвой рукѣ; передъ ложемъ стоитъ трехногій столикъ, уставленный разными яствами, а слѣва отъ него—мальчикъ, держащій въ поднятой правой рукѣ, повидимому, небольшой сосудъ. Подъ рельефомъ старательно вырѣзана надпись римской эпохи (выс. буквъ 0,01—0,015 м.; последняя строка мельче предыдущихъ).

Памятникъ вынутъ изъ стѣны зданія византійской эпохи у Карантинной бухты. Фотограф. снимокъ (¼) и эстампажъ (№ 312).

Σωτήριχος θεῶς Παρθ-
ένου ζήσας ἔτη π' καὶ
ἡ σύμβιος αὐτοῦ Κόνχα
ζήσασα ἔτη . .

Памятникъ былъ поставленъ на могилѣ Сотириха, скончавшагося 80 лѣтъ отъ роду, и супруги его Конхи, число лѣтъ жизни которой на камнѣ

не обозначено ¹⁾. Слова „богини Дѣвы“, поставленные послѣ имени Сотиріа въ род. падежѣ, обозначаютъ, безъ сомнѣнія, его принадлежность къ числу служителей культа этой богини, но какую именно, опредѣлить нельзя: можно объяснить эти родит. падежи, какъ опредѣленіе къ подразумѣваемому (или, быть можетъ, случайно пропущенному по опискѣ) существительному (ἱερεὺς ²⁾) или какъ gen. possessivi въ томъ смыслѣ, что Сотиріхъ былъ рабомъ при храмѣ богини (ἱερόδουλος).

3. Надгробная плита изъ желтаго известняка, украшенная сверху фронтономъ, средній и лѣвый углы котораго отбиты, равно какъ и нижняя часть плиты. Изломъ прошелъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ были изваяны двѣ большія розетки, такъ что обѣ онѣ пострадали отъ излома. Вышина плиты 0,44 м., шир. 0,32, толщ. 0,15. Между фронтономъ и розетками старательно вырѣзана трехстрочная надпись ранней римской эпохи (выш. буквъ 0,02 м.).

Найдена въ концѣ 1907 г. въ насыпи земляной гробницы, открытой рабочими военно-инженернаго вѣдомства при рытѣ рва впереди ближайшей къ монастырю батареи. Факсимиле съ фотограф. снимка (№ 337).

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ
ΑΓΑΘΩΝΟΣ
ΧΑΙΡΕ

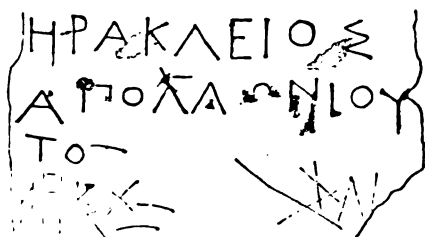
Ἀπολλώνιος
Ἀγάθωνος·
χαῖρε.

4. Плитка изъ мѣстнаго известняка выш. 0,39 м., шир. 0,28, толщ. 0,105 съ прямоугольнымъ углубленіемъ, служившимъ, вѣроятно, для укрѣпленія въ немъ головообразнаго памятника. Плитка была вырублена изъ болѣе древней надгробной плиты съ двухстрочною надписью, старательно вырѣзанною на сторонѣ, противоположной углубленію; на этой же сторонѣ замѣтны слѣды стесаннаго фронтона.

¹⁾ Быть можетъ потому, что памятникъ былъ изготовленъ еще при жизни Ковхи, пожелавшей быть погребенною подъ однимъ памятникомъ съ мужемъ.

²⁾ Существованіе въ Херсонесѣ жрецовъ Дѣвы засвидѣтельствовано, напр., надписями IosPE. IV, 83 и 86.

Найдена на площади „Новаго города“. Снимокъ съ эстампажа (№ 323) въ $\frac{1}{5}$.

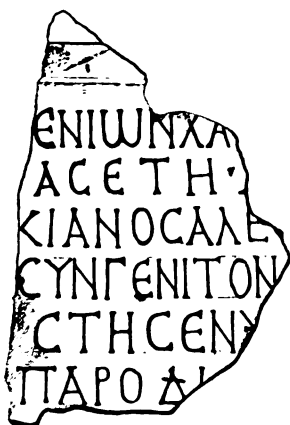

Ἡράκλειος
Ἀπολλωνίου
τοῦ . . .

По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр. Въ 3-й строѣ, повидимому, предполагалось вырѣзать имя дѣда умершаго Ираклія, но оно почему-то осталось не вырѣзаннымъ.

5. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ плиты изъ бѣлаго мрамора, отполированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. выш. 0,23 м., наиб. шир. 0,14, толщ. 0,03, съ частью шести строекъ надписи римской эпохи (выс. буквъ 0,02—0,022 м.).

Вынуть изъ монастырской стѣны, сложенной въ 80-хъ годахъ XIX в. на поврежденныхъ участкахъ древней оборонительной стѣны. Снимокъ съ эстампажа (№ 315) въ $\frac{1}{4}$.

[Παρμ]ενίων Χα[ρίτωνος?
ζήσ]ας ἔτη [. . .
Μαρ]κιανός Ἀλε[ξάνδρου?
τῶ] συνγεν(ε)? τὸν [τύμβον?
ἀνέ]στησεν. Χ[αῖρε],
παροδ[ίτα].

Имя и отчество усопшаго въ стр. 1-й восстановлены лишь примѣрно. Имя *Μαρκιανός* уже встрѣчалось въ Херсонесѣ (см. *IosPE. I, 228=IV, p. 283*). Что именно поставилъ Маркіанъ въ честь или память своего родственника, или, иначе говоря, какое слово (муж. рода) должно быть восстановлено въ концѣ стр. 4-й, опредѣленно сказать нельзя. Восстановленіе *τύμβον* мы предлагаемъ лишь примѣрно.

6. Вполнѣ сохранившаяся прямоугольная плита изъ мягкаго ипкерманскаго известняка, сильно вывѣтривагося, шир. 0,57 м., выш. 0,43, толщ. 0,24. На лицевой сторонѣ вырублено углубленіе въ видѣ прямоугольника шир. 0,49 м., выш. 0,28, глуб. 0,04. Лѣвая отъ зрителя половина этого углубленія имѣетъ еще сверху трехугольный вырубъ $0,25 \times 0,14 \times 0,06$ м. Внутри этой половины была укрѣплена на извести найденная по близости въ разбитомъ видѣ (на 10 кусковъ) мраморная плита толщ. 0,02 м., обнесенная гладкой рамкой въ 0,015 м. шир., скошенной сверху въ видѣ фронтона ¹⁾. Въ правой половинѣ описаннаго углубленія подобной плитки не оказалось, но постель изъ извести доказываетъ, что она когда-то была вставлена и въ этой половинѣ (по всей вѣроятности, она представляла собою надгробіе жены Скіеа). Верхнюю часть мраморной плиты занимаетъ грубо исполненный въ слабо выпукломъ рельефѣ бюстъ мужчины en face съ коротко подстриженной круглой бородой, приглаженными усами и курчавыми волосами. Отъ разбитія плиты значительно пострадала лѣвая сторона лица у рта и глаза. Подъ бюстомъ старательно вырѣзана превосходно сохранившаяся надпись (выш. буквъ 0,02—0,023 м.).

Найдена въ насыпи по близости небольшой часовни у оборонительной стѣны. Фотограф. снимокъ ($\frac{1}{6}$) и эстампажъ (№ 325).

Σκῦδας Θεαγένου, Ζήσας ἔτη λε'.

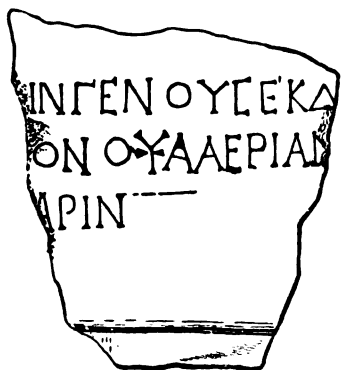
¹⁾ Найденные куски вновь вставлены въ каменную раму и мѣста недостающихъ осколковъ залиты цементомъ, какъ видно на снимкѣ:

*

Употребленіе племенныхъ названій (*ἔθνη*) въ качествѣ личныхъ именъ въ греческихъ колоніяхъ нынѣшней южной Россіи общеизвѣстно ¹⁾. Въ частности имя *Σκόδας* уже встрѣчалось въ херсонесскихъ надписяхъ (см. *IosPE. IV, 80*). Время жизни Скіоа сына Θεαγενοῦ, судя по характеру письма надписи, относится по II в. по Р. Хр.

7. Обломокъ нижней части мраморнаго надгробія, наиб. выш. 0,17 м., наиб. шир. 0,13, наиб. толщ. 0,05, съ частью трехъ строкъ надписи римской эпохи (выш. буквъ 0,013—0,015 м.).

Выпуть изъ монастырской стѣны, сложенной въ 80-хъ годахъ XIX в. на поврежденныхъ участкахъ древней оборонительной стѣны. Снимокъ съ эстампажа (№ 314) въ $\frac{1}{3}$.

. . . . γένους ἐχθ . . . .
 . . . . ον Οὐα(λ)εριαν[οῦ
 μνήμης χ]άριν.

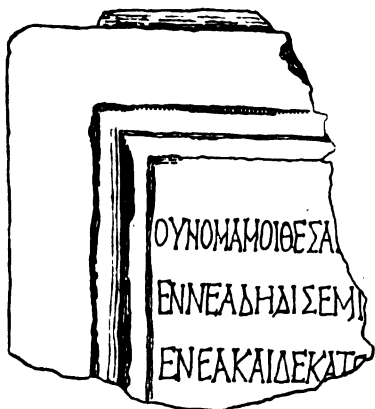
Возстановленіе 1-й строки затруднительно.

8. Обломокъ (верхній лѣвый уголъ передней стороны) большого саркофага изъ твердаго песчаника. Сверху сохранилась часть выступа для поддержанія крышки, а по краямъ данная сторона саркофага была обнесена карнизовидной рамой, шир. сверху и снизу 0,14 м., а по боковымъ сторонамъ—0,16. Размѣры обломка: наиб. дл. 0,44 м., наиб. выш. 0,42, толщ. 0,14. Отъ крупной греческой надписи, врѣзанной на отесанной, но не полированной и потому неровной поверхности, уцѣлѣло 39 узкихъ и высокихъ буквъ (выш. 0,03—0,035 м.), составляющихъ начала трехъ строкъ, врѣзанныхъ на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой.

Найдены М. И. Скубетовымъ въ кладкѣ оборонительной стѣны у дома б. Бѣлозерова. Изъ кладки выпуто еще 10 обломковъ того же

¹⁾ Ср. объ этомъ нашу статью въ *Журн. М. Н. Пр.*, мартъ 1896 г., отд. ил. фил. стр. 115—127. *Мат. по арх. Россіи* № 23, стр. 64—75.

саркофага, но безъ надписи. Эстампажъ и фотограф. снимокъ (№ 316). Здѣсь представляется факсимиле съ эстампажа въ $\frac{1}{8}$.

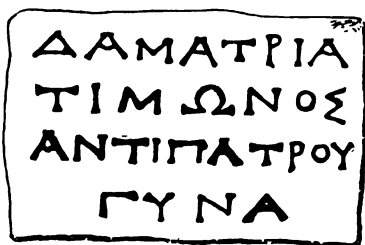

Οὐνομά μοι θέσα[ν . . . . .]
 ἐννέα δὴ δις ἐμ . . . . .
 ἐν(ν)εαχαιδέκατ[ον . . . . .]

На камнѣ сохранилось начало стихотворной эпитафiи, написанной гексаметрами или дистихами и вырѣзанной на камнѣ такъ, что каждый стихъ занималъ отдѣльную строку. Къ сожалѣнiю, отъ 3-хъ начальныхъ стиховъ сохранилось такъ мало, что возстановленiе ихъ невозможно. Видно только, что въ 1-мъ стихѣ было обозначено имя усопшаго, а во 2 и 3— количество лѣтъ его жизни. Надпись относится къ I—II в. по Р. Хр.

9. Мраморная прямоугольная плитка дл. 0,10 м., шир. 0,065, толщ. 0,02—0,04, съ хорошо сохранившеюся греческою надписью (выс. буквъ 0,005—0,008 м.). Плитка, подобно многимъ другимъ, найденнымъ раньше, безъ сомнѣнiя, была вставлена въ надгробiе изъ известняка ¹⁾.

Найдена внутри сѣлепа у Карантинной бухты, куда провалилась, повидимому, вмѣстѣ съ землей и камнемъ при обвалѣ потолка. Снимокъ съ эстампажа (№ 303) въ $\frac{1}{2}$.

Δαματρία
 Τίμωνος,
 Ἀντιπάτρου
 γυναίκα.

Надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр.

¹⁾ См. изображенiе такого надгробiя, съ сохранившимся углубленiемъ для вставки мраморной плитки, въ Изв. II. Арх. К. в. 25, стр. 141.

10. Обломокъ мраморной стелы выш. и шир. 0,12 м., толщ. 0,06, съ правой стороны отбитый. Сохранившаяся часть надписи читается вполне ясно (выш. буквъ 0,015 м.).

Найденъ въ концѣ 1907 г. близъ развалинъ часовни у монастырской ограды, на мѣстѣ послѣднихъ раскопокъ покойнаго К. К. Косцюшко-Валюжинича. Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{3}$).

Κ ΥΡΙΧΑΜΥ
ΓΥΝΑΔΕΜΕ
Χ

Κορίχα Μυ . . . . . ,
γυνὰ δὲ Με . . . . . ,
χαῖρε].

Имя Κορίχα не помѣчено въ словарѣ Папе-Бензелера и до сихъ поръ не встрѣчалось въ греческихъ надписяхъ южной Россіи. Надпись относится къ раннимъ римскимъ временамъ.

11. Верхняя часть надгробной плиты изъ желтоватаго пористаго известняка, сильно пострадавшая отъ вывѣтриванія, наиб. уцѣл. выш. 0,40 м., шир. 0,30—0,32, толщ. 0,17. Сверху украшена гладкимъ карнизомъ съ прямоугольнымъ углубленіемъ въ верхнемъ обрѣзѣ, гдѣ, быть можетъ, былъ укрѣпленъ рѣзной фронтонъ или антемій. Надпись сильно повреждена (выс. буквъ 0,018—0,028 м.).

Найдена тамъ же, гдѣ № 4. Фотограф. снимокъ и эстампажъ (№ 322). Снимокъ съ эстампажа въ $\frac{1}{5}$.

Υ Υ Χ Η
Β Π Ο Υ Ο Σ Δ Υ Ι Ν Η
Χ Α Ι Ρ Ε

Ψυχή
Βίβλος γυνή,
χαῖρε.

Надпись не древнѣе II в. до Р. Хр. Употребленіе нарицательнаго ψυχή въ смыслѣ имени собственнаго неоднократно встрѣчалось въ воспорскихъ надписяхъ (см. IosPE. II, 266, 267; IV, 266, 267). Имя Βίβλος извѣстно между прочимъ изъ IosPE. II, 290 (въ формѣ Βεῖβλος). Изъ того, что надпись сдѣлана не на дорическомъ діалектѣ, природномъ для Херсонесцевъ, не слѣдуетъ ли заключить, что Психа не была

херсонесской уроженкой? (Ср. IosPE. IV, 142: [Ἡ δεῖνα τοῦ δεῖνος] γυνή Ταυρικῆ).

12. Обломокъ (нижній правый уголъ) надгробной плиты изъ чистаго бѣлаго мрамора, наиб. выш. и наиб. шир. 0,08 м., наиб. сохр. толщ. 0,025. Сохранившаяся часть надписи вырѣзана старательно (выс. буквъ 0,01 м.). Конецъ надписи былъ очень компактно вырѣзанъ на рамовидномъ выступѣ внизу. Снимокъ съ эстампажа (№ 328) въ 1/2.

[Ἡ δεῖνα
τοῦ δεῖνος
θυγάτηρ,
γυνή δ(ὲ)
[Ἄντ]:γόνου,
[ἑτῶν .]δ', χαῖρ[ε].

Въ 1-й строкѣ послѣдняя буква ошибочно вырѣзана въ видѣ Σ вмѣсто Ε. По характеру письма надпись можетъ быть отнесена скорѣе всего ко II в. до Р. Хр.

13. Средняя часть надгробнаго памятника изъ желтоватаго известняка, наиб. уцѣл. выш. 0,30 м., шир. 0,39, толщ. 0,12, съ художественно исполненной рельефной перевязью въ видѣ шарфа со свѣшивающимися завязанными концами и подобіемъ узкаго ремня между ними. Надъ перевязью сохранились остатки послѣдней строки древнегреческой надписи ΓΥΙ. (отъ слова γυνή). Выс. буквъ 0,025 м.

Вынутъ изъ оборонительной стѣны у дома б. Бѣлозерова. Фотограф. снимокъ (№ 324) въ 1/3.

14. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты 0,17 м. наиб. уцѣл. шир., 0,11 наиб. выш. и 0,03 толщ., сверху полированный

снизу отесанный, съ остаткомъ крупной (выс. буквъ 0,03 м.) греческой надписи. Найдень въ насыпи некрополя у крестнаго храма. Снимокъ съ эстампажа (№ 305) въ $\frac{2}{6}$.

Принимая во вниманіе замѣчаніе г. Косцюшко-Валюжинича, что обломокъ происходитъ отъ плиты, „повидимому надгробной“, можно думать, что въ стр. 1-й сохранилось слово *ἐτῶν*, за которымъ слѣдовало обозначеніе числа лѣтъ усопшаго, а во 2-й строкѣ—часть имени или отчества второго покойника.

15. Небольшой мраморный саркофагъ въ видѣ удлиненнаго прямоугольнаго ящика дл. 0,56 м., шир. 0,36, выш. 0,30. Былъ закрытъ толстой плитой изъ мѣстнаго известняка, положенной на слоѣ прочной извести. Внутри оказался остовъ младенца. На одной изъ продольныхъ сторонъ превосходно сохранилась тщательно вырѣзанная надпись (выс. буквъ 0,028 м.).

Найдень у самаго шоссе, на глубинѣ 0,36 м. отъ поверхности земли. Фотограф. снимокъ ($\frac{1}{7}$) и эстампажъ (№ 304).

Ἴλις Ἠλίτα Ἀμαστ-
ριανὸς ἔθηκα τῶν
βωμῶν καὶ τὴν σσ-
τοθήκην ἑμαυτῶ
καὶ τῇ γυνεκί μου.

Небольшой размѣръ саркофага ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ изготовленъ для помѣщенія праха и костей *сожженныхъ* труповъ, почему и названъ въ надписи *δοτοθήκη*. Слово *βωμός* въ римскую эпоху очень часто встрѣчается (преимущественно въ М. Азiи) въ значеніи надгробнаго памятника ¹⁾. Отсюда видно, что названный въ

¹⁾ Ср. Reisch у Pauly-Wissowa, R.-E. III, ст. 682, п. сл. *βωμός*.

надписи Иліи еще при жизни предопредѣлилъ способъ погребенія для себя и своей жены и позаботился какъ объ изготовленіи „костехранилища“, такъ и объ увѣковѣченіи своей памяти посредствомъ $\beta\omega\mu\acute{o}\varsigma$. Однако, тотъ фактъ, что въ „костехранилицѣ“ оказался остовъ младенца, свидѣтельствуесть, что впоследствии прахъ Иліи и его жены былъ выброшенъ изъ гробнички и она послужила для новаго погребенія. Характеръ письма надписи очень сходенъ съ надписью IosPE. IV, № 231, относящеюся къ 14 году по Р. Хр. Поэтому и нашу надпись можно было-бы считать не позднѣе I в. по Р. Хр., хотя послѣдовательно (въ трехъ случаяхъ) проведенное написаніе дифтонга AI черезъ E (xè, γουαχί) скорѣе заставляесть думать о болѣе позднемъ времени.

б. Обломки неопредѣленнаго содержанія.

16. Почти прямоугольная мраморная плитка, выш. 0,29 м., шир. 0,21—0,23, толщ. 0,02 м., вырѣзанная изъ большой плиты съ фронтономъ, контурно исполненнымъ посредствомъ трехъ углубленныхъ чертъ, первоначально приготовленной для помѣщенія на ней большого документа. Вырѣзанная изъ нея въ позднѣйшее время плитка имѣла квадратную форму (0,29 × 0,29 м.), но еще позднѣе и отъ нея откололъ съ правой стороны по всему протяженію узкій кусокъ (0,06—0,08 м. ширины). Послѣ вырѣзки квадратной плитки изъ большой плиты задняя сторона ея (противоположная надписи) была сглажена и украшена небрежно вырѣзанной рамой изъ двойной углубленной полосы и посрединѣ двумя concentрическими углубленными же кругами (діам. 0,155 и 0,12 м.), внутри которыхъ сохранилось въ центрѣ углубленіе для ножки циркуля и двѣ проходящія чрезъ центръ и пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ линіи діаметра. Въ такомъ видѣ плитка была, по всей вѣроятности, заложена надписью внизъ въ половую вымостку базилики, сосѣдней съ домомъ б. Бѣлозерова, открытой въ 1907 г. Отъ надписи сохранилось 7½ строкъ правой половины, причесть въ каждой строкѣ, кромѣ 1-й, недостаетъ справа нѣсколькихъ конечныхъ буквъ, пропавшихъ при отбитіи вышеупомянутаго узкаго куска. Надпись вырѣзана очень старательно и хорошо сохранилась; выш. буквъ 0,016 м., въ 14 случаяхъ встрѣчаются лигатуры. Слѣдуетъ замѣтить затѣйливую форму буквы P въ двухъ случаяхъ въ 3-й строкѣ.

Найдена въ двухсаженной насыпи между оборонительной стѣной и домою б. Бѣлозерова. Фотограф. снимокъ (¼) и эстампажъ (№ 327).

[Ἀγαθαί] τύχαι.

. . . . . он ѣна мѣ тас аутас аітіас σ...
 . . . . . ς οί πρό αὐτῶν πέρυσιν καί το...
 . . . . . προδηλώσαι αὐτοῖς ἔρους ἐντὸς [τῆς
 [πόλεως? . . . . . τιθ]έμε[θ]α οὖν αὐτοῖς ἐξ αὐθεντείας το...
 . . . . . εμου μῆδ' ἐμῆ οἰκία ἐνοχλεῖν βουλ..
 . . . . . ἐπὶ προφάσει μὲν ἐντὸς ἐνοικ[εῖν
 . . . . . εἰ βούλο[ιν]το...

Въ послѣдней строкѣ сохранились, къ сожалѣнію, только верхнія части буквъ, не дающія возможности возстановить ее съ полною достовѣрностью. Такъ какъ обрѣзъ лѣвой стороны прошелъ какъ разъ черезъ вершину фронтона (см. снимокъ), то ясно, что слѣва пропала ровно половина строкъ, да, кромѣ того, по нѣскольку буквъ погибло справа. Вслѣдствіе потери столь значительной части текста возстановленіе его является весьма затруднительнымъ и содержаніе надписи — неяснымъ. Можно, однако, сказать съ полною увѣренностью, что на камнѣ сохранился отрывокъ письменнаго распоряженія какой-то высшей власти (императора или правителя провинціи?) объ установленіи въ городѣ границъ для поселенія, быть можетъ, Римскаго гарнизона ¹⁾. Отсюда

¹⁾ Ср. IosPE. IV, № 81.

видно, что памятникъ былъ бы весьма важенъ для исторіи Херсонеса въ императорскую эпоху, если бы сохранился не въ видѣ столь ничтожнаго отрывка.

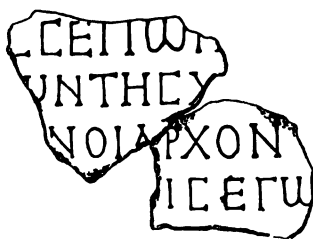
17. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ верхней части очень толстой мраморной плиты, наиб. выш. 0,13 м., наиб. шир. 0,10, толщ. 0,06, съ частью хорошо сохранившейся крупной надписи римской эпохи (выс. буквъ 0,02 м.). Снимокъ съ эстампажа (№ 331) въ $\frac{1}{4}$.

Можно предположить, что мы имѣемъ предъ собою маленькій отрывокъ декрета, и читать:
[Ἐπειδὴ . . .]νος Θ[. . .]αύκλη[ρος κτλ.

18. Обломанный со всѣхъ концовъ и разбитый на 2 части кусокъ мраморной плиты, полированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. дл. 0,10 м., наиб. шир. 0,085, толщ. 0,025, съ частью греческой надписи (выш. буквъ 0,012 м.). Нижняя строка, повидимому, была и первоначально послѣднею.

Найденъ въ землѣ, наполнявшей небольшую часовню у стѣны близъ Карантинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 319) въ $\frac{1}{3}$.

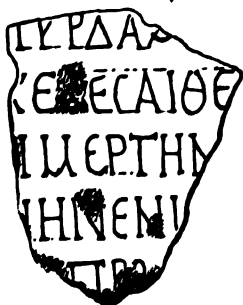

. . . σε [τ]ῶ[ν . . .
. . . ων τῆς χ[ώρας? . . .
. . . ν οἱ [ἀ]ρχον[τες . . .
. . . . . ις ἐγώ . . .

Повидимому, отрывокъ декрета римской эпохи.

19. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ толстой мраморной плиты, наиб. уцѣл. выш. 0,11 м., наиб. уцѣл. шир. 0,10, толщ. 0,06. На немъ сохранилась часть небрежно и неглубоко вырѣзанной надписи римской эпохи (выш. буквъ 0,015 м.).

Найденъ при раскопкахъ городища у Карантинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 313) въ $\frac{1}{3}$.

Содержаніе отрывка неясно. Хорошо читающееся прилагательное $\dot{\iota}\mu\epsilon\rho\tau\eta\nu$ въ стр. 3-й допускаетъ возможность предположенія, что надпись была стихотворная.

20. Обломанная съ трехъ сторонъ, кромѣ верхней, и полированная съ обѣихъ сторонъ мраморная плита трапеціевидной формы, $0,075 \times 0,06$ м. и $0,015$ м. толщины. Снимокъ съ эстампажа (№ 333) въ $\frac{1}{4}$.

Какому памятнику принадлежалъ этотъ отрывокъ, догадаться трудно.

21. Обломокъ нижней части мраморной плиты дл. $0,11$ м., выш. $0,08$, толщ. $0,025$, съ сохранившейся внизу гладкой рамкой въ $0,028$ м. шир., подъ которою сохранились только двѣ буквы ΘK выш. $0,033$ м. (повидимому послѣднія въ надписи) и направо отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи обычный въ надписяхъ римской эпохи листокъ. Эстампажъ (№ 320).

Буквы, повидимому, имѣютъ числовое значеніе (= 29) и обозначаютъ или количество лѣтъ жизни покойнаго, или десятии и единицы отъ числа года какого-либо событія.

в. Надписи христіанской эпохи.

22. Надгробный памятникъ въ видѣ креста изъ мѣстнаго известняка выш. $0,60$ м., шир. вверху $0,25$ м., внизу $0,30$ м., толщ. вверху $0,12$ м., внизу $0,18$ м., съ выступомъ вверху выш. $0,08$ м.,

быть можетъ для укрѣпленія каменнаго круга съ вырубленнымъ вглубь крестомъ, подобнаго памятнику, изданному въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 124, № 39. Надпись на крестѣ сильно повреждена (выш. буквъ 0,015—0,02 м.). Найденъ впереди входа въ одинъ изъ склеповъ у Карантинной бухты.

Фотограф. снимокъ ¹⁾ и эстампажъ (№ 311).

Κόριε, ἀ[ν]άπαυσ[ον]
 [τὸν] δοῦλόν σου
 [Ἐνα]στάσι[ον]
 . . . . . ασι . η
 . . . . . ὅστις . . .
 . . . . . συ[νβ]ήρου . . .

Къ сожалѣнiю, надпись сохранилась такъ плохо, что послѣднiя три строки почти не разбираются ни на эстампажѣ, ни на фотограф. снимкѣ.

23. Нижняя часть плиты изъ мягкаго желтоватаго известняка, наиб. выш. 0,22 м., шир. 0,44, толщ. 0,21, съ гладкой рамкой и небрежно вырѣзанной надписью византийской эпохи (выш. буквъ 0,013—0,025 м.), вырѣзанною между глубокими линейками.

Была употреблена въ качествѣ строительнаго матеріала въ кладку одной изъ усыпальницъ часовни, построенной внутри болѣе древняго храма базиличной формы, открытаго въ 1902 г. на высокой горѣ, справа отъ вѣзда въ монастырь (см. *Отч. И. Арх. Комм.* за 1902 г.,

¹⁾ Нижняя часть креста на снимкѣ не изображена. Рисунокъ сдѣланъ въ $\frac{1}{2}$ величины оригинала.

стр. 16, рис. 9). Найдена въ кладкѣ въ 1907 году М. И. Скубетовымъ. Фотограф. снимокъ ($\frac{1}{5}$) и эстампажъ (№ 317).

Въ исправленной транскрипціи надпись читается такъ:

[Ἐνθάδε κατάκειται ὁ ἐν]
μακαρία τῇ μνήμῃ καὶ δοῦλο(ς)
τοῦ Θεοῦ [Κ]ανουπόλιος(?). Κε-
κοίμηται δὲ μηνὶ Ἰουλίου χθ',
ἔτο(υ)ς ϸουγ.

Переводъ. [Здѣсь лежитъ иже во] блаженной памяти рабъ Божій Кануполій [?]. Почилъ мѣсяца іюля 29-го, года 6423.

Въ чтеніи имени усопшаго мы не увѣрены. Поставленный въ надписи годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 915-му году по Р. Хр. Орфографическія ошибки объясняются тогдашнимъ произношеніемъ.

24. Нижняя часть обломаннаго со всѣхъ сторонъ надгробнаго памятника, наиб. выш. 0,27 м., наиб. шир. 0,18, толщ. 0,88, съ остаткомъ надписи византійской эпохи (выш. буквъ 0,02—0,03 м.), обведенной углубленною рамкою.

Найдена въ незакрытой гробницѣ, вырубленной въ скалѣ, у Караптинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 310) въ $\frac{1}{5}$.

Сохранившіяся буквы допускаютъ восстановление: Κο[ρι]ακὸς Θε[ο]ῦ(ῶ)ρο[υ].

25. Обломанная со всѣхъ сторонъ часть надгробнаго памятника изъ мѣстнаго известняка яйцеобразной формы, съ врѣзаннымъ вглубь крестомъ съ расширенными концами и небрежною надписью по сторонамъ перекрестій, начало которой попорчено. Сохранившійся кусокъ имѣеть 0,20 м. наиб. шир., 0,23 м. наиб. выш. и 0,09 м. толщ., высота буквъ надписи—отъ 0,013 до 0,03 м.

Найденъ впереди входа въ одномъ изъ склеповъ у Карантинной бухты (№ 309). Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{4}$).

[Μν]εμῆρον (?)
Λαζάρου.

26. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ толстой плиты изъ мѣстнаго известняка, выш. 0,125 м., шир. 0,08, толщ. 0,95. Надпись, врѣзанная между глубокими линейками, сильно вывѣтрилась (выс. буквъ 0,008—0,01 м.). Найденъ въ насыпи некрополя у Карантинной бухты. Снимокъ въ эстампажа (№ 307) въ $\frac{1}{3}$.

Въ стр. 1—2 можно читать δοῦλ[ος τοῦ Θεοῦ], а въ стр. 4-й—начало имени Θεόδ[ωρος]. Надпись, повидимому, надгробная.

27. Вполнѣ сохранившаяся, но сильно вывѣтрившаяся отъ времени плита изъ инверманскаго камня, выш. 0,28 м., шир. 0,33, толщ. 0,12. Верхняя и боковыя стороны украшены рамкой, сверху и справа гладкой, въ видѣ полувалика, а слѣва украшенной зубчатымъ бордюромъ. Передняя поверхность плиты украшена крестомъ съ раздвоенными концами перекрестій, вырѣзаннымъ не по срединѣ, а немного ближе къ лѣвому краю. По сторонамъ верхняго перекрестія неглубоко нацарапаны два подобныя же креста меньшихъ размѣровъ. Четверть поля плиты между лѣвымъ краемъ, вертикальнымъ перекрестьемъ и лѣвой половиной горизонтальнаго занята небрежно вырѣзанною надписью.

Плита найдена въ 1896 г. М. И. Скубетовымъ въ монастырской оградѣ (огibaющей садъ со стороны морского берега), куда была заложена въ качествѣ строительнаго матеріала. Хранится въ Херсонесскомъ монастырскомъ музеѣ. Фотографич. снимокъ доставленъ въ 1907 г. П. И. Рѣпниковымъ, а описаніе камня и эстампажъ — М. И. Скубетовымъ. Снимокъ съ фотографіи (¹/₅).

Κ(ύρι)ε βοήθη
 η τὸν δῆ-
 λό(ν) ΣΥ Μη-
 χαήλη.

Переводъ. Господи, помоги рабу Твоему Михаилу.

28. Верхняя часть надгробнаго памятника изъ инверманскаго камня, обдѣланная въ видѣ круга на подставкѣ, выш. 0,33 м., шир. 0,25, толщ. 0,11, толщ. карниза 0,19 м. Въ кругѣ вырѣзанъ барельефный большой крестъ съ расширяющимися концами. Въ секторахъ между перекрестьями вырѣзана надпись такъ, что въ лѣвыхъ секторахъ по-

ставлено по двѣ буквы, а въ правыхъ по одной (выш. буквѣ 0,017—0,055 м.). Подставка имѣетъ внизу хвостъ для вставки въ какой-либо постаментъ.

Найденъ въ 1904 г. при перекопкѣ планируемаго садика съ правой стороны отъ Владимірскаго собора. Хранится въ монастырскомъ музеѣ. Фотограф. снимокъ доставленъ въ 1907 г. Н. И. Рѣпниковымъ, а описаніе камня—М. И. Скубетовымъ. Снимокъ съ фотографіи въ 1/3.

Тѣ же слова $\varphi\omega\varsigma$, $\zeta\omega\eta$ (*свѣтъ, жизнь*) читаются въ херсонесскихъ надписяхъ въ *Сборн. христ. надп. изъ ю. Россіи*, № 12 (ср. тамъ-же стр. 98) и *Изв. И. А. К.* в. 18, стр. 124 № 38.

29. Цѣликомъ сохранившійся параллелепипедъ изъ инкерманскаго камня, выш. 0,31 м., шир. 0,23, толщ. 0,22. На передней поверхности изваянь рельефный „крестъ прозябшій“ старательной работы (къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ частяхъ попорченный), форму котораго см. на снимкѣ. Въ кружкахъ, заканчивающихъ собою перекрестья, вырѣзано по одной буквѣ: въ верхнемъ и лѣвомъ Φ , въ нижнемъ X ; правый кружокъ попорченъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ была вырѣзана буква Π . По обѣимъ сторонамъ верхняго перекрестья небрежно нацарапано нѣсколько буквъ, очень плохо видныхъ на снимкѣ и не дающихъ опредѣленнаго смысла.

Хранится въ монастырскомъ музеѣ (гдѣ и когда найденъ, неизвѣстно).
Фотограф. снимокъ (въ 1/5) доставленъ Н. И. Рѣпниковымъ.

Три сохранившіяся въ кружкахъ буквы ФХФ вмѣстѣ съ пропавшею П составляютъ инициалы извѣстной формулы: Φ(ως) Χ(ριστοῦ) φ(ωτίζει) π(άντας), т. е. „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Ср. о ней въ нашемъ Сборникѣ христ. надп. изъ южной Россіи прим. къ № 10.

30. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусочекъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ отполированной, наиб. шир. 0,08 м., наиб. выш. 0,075. толщ. 0,04. Сохранившаяся часть надписи явственно читается на эстампажѣ (выс. буквъ 0,01—0,92 м.). Найденъ въ насыпи некрополя у крестнаго храма. Снимокъ съ эстампажа (№ 306) въ 1/3.

По характеру письма надпись очень сходна съ отрывкомъ, изданнымъ нами въ *Изв. П. Арх. Комм.* в. 3, стр. 30, № 14. По внѣшнимъ признакамъ обломки также очень сходны: оба происходятъ отъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ гладко отполированной, толщ. 0,04 м. Поэтому можно думать, что оба обломка принадлежатъ одному и тому же камню; но содержаніе надписи остается еще неяснымъ.

31. Обломокъ очень толстой мраморной плиты, наиб. выш. 0,15 м., наиб. шир. 0,18, толщ. 0,08, съ частью рельефнаго креста, на полированной поверхности котораго старательно врѣзана была красивая греческая надпись. Къ сожалѣнію, отъ нея сохранились только крестигъ съ

немного расширенными концами въ пересѣченіи перекрестій большаго креста и подь нимъ буквы $\Gamma \Lambda \Delta \Sigma$ (выш. 0,018 м.), врѣзанная $\chi \iota \omega \nu \eta \delta \acute{\omicron} \nu$ на нижней части вертикальнаго перекрестья. Слово, въ разстояніи 0,07 м. отъ креста, врѣзана крупная (выш. 0,025 м.) буква Λ , которой съ правой стороны, безъ сомнѣнія,

соотвѣтствовала не сохранившаяся омега. Символическое значеніе этихъ буквъ при изображеніяхъ креста общеизвѣстно ¹⁾. Фотограф. снимокъ ($\frac{1}{4}$) и эстампажъ (№ 321).

2. Надпись, найденная на о. Березани.

32. Мраморная плита неправильной формы, не обтесанная какъ слѣдуетъ по небрежности рѣзчика ²⁾. На ней цѣликомъ сохранилась надпись, врѣзанная также небрежной и неувѣренной рукой, со многими лигатурами.

Плита найдена на о. Березани при раскопкахъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна въ развалинахъ древняго поселенія, на глубинѣ около 1,25 м. отъ поверхности, подь другою плитою изъ простого известняка, безъ надписи. Издается по фотограф. снимку, присланному Э. Р. фонъ-Штерномъ въ Имп. Археологическую Коммиссію.

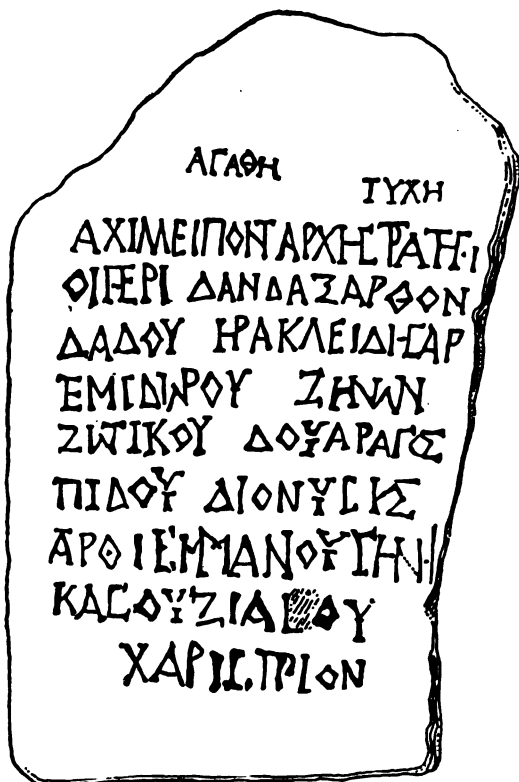
(См. снимокъ и транскрипцію на стр. 36).

Мы имѣемъ предь собою *второй* эпиграфическій памятникъ ольвійскихъ магистратовъ, найденный на Березани (см. *Изв.* в. 18, стр. 110, № 14). На камнѣ врѣзана запись о посвященіи Ахилу Понтарху благодарственнаго дара ольвійскими стратигами. По типу она

¹⁾ Ср. Ю. А. Кулаковскаго, *Мат. по арх. Россіи* № 6, стр. 18; нашъ *Сборн. христ. надп.* №№ 86, 87.

²⁾ Размѣры плиты не указаны въ отчетъ Э. Р. фонъ-Штерна.

отличается отъ извѣстныхъ уже записей такого рода ¹⁾ только большою краткостью (опущеніемъ упоминанія, за что посвященъ даръ) и не пополняетъ никакими новыми данными наши свѣдѣнія о государствен-

Ἄγαθῇ τύχῃ.
Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ στρατηγῷ
οἱ περὶ Δανδάξαρθον
Δάδου Ἡρακλείδης Ἀρ-
τεμιδώρου, Ζήνων
Ζωτικῷ, Δουάραγος
Πίδου, Διονύσι(ο)ς
Ἀρθιεμμάνου, Σηνή-
κας Οὐζιά[γ]ου
χαριστ(ή)ριον.

номъ строеѣ и религіозной жизни Ольвіи. Зато она представляетъ нѣко-
торый интересъ для ольвійской ономастологіи, обогащая ее нѣсколькими
новыми „варварскими“ именами или вариантами къ извѣстнымъ прежде.
Таковы имена: Ἀρθιέμμανος ²⁾, Δανδάξαρθος ³⁾, Δουάραγος, Οὐζίαγος, Πίδος ⁴⁾,
Σηνήκας ⁵⁾.

Письмо надписи настолько сходно съ письмомъ ольвійскихъ надпи-
сей IosPE. I, 97¹ (ср. IV, стр. 171) и *Изв. И. А. К.* в. 10, стр. 4, № 3,

¹⁾ См. IosPE. I, 79, 80.

²⁾ Быть можетъ, на основаніи этой формы слѣдуетъ измѣнить въ IosPE. I, 52, чтеніе Ἀρθάμμ[ω]ν Ὀσπινμάζου въ Ἀρθάμμ[α]γος Πινμάζου, считая Ἀρθάμμανος и Ἀρθι-
έμμανος вариантами одного и того же имени.

³⁾ Встрѣчались уже другія имена сложные съ -ξαρθος: Καινάξαρθος и Κηρέξαρθος
въ Ольвіи (IosPE. I, 54 и IV, 17), Ἀλέξαρθος въ Фанагоріи (ibid. II, 363), Διδυμόξαρθος
въ Танаидѣ (ibid. II, 427).

⁴⁾ Ср. Πίδαγος IosPE. I, 2 и *Изв. И. А. К.* в. 10, стр. 4, № 3; Πίδεις IosPE. I, 61, 69.

⁵⁾ Это имя не слѣдуетъ отождествлять съ извѣстнымъ римскимъ cognomen
Seneca, въ которомъ оба е краткіе и которое поэтому по-гречески пишется Σενέκας.

что допускаетъ возможность предположенія о вырѣзкѣ всѣхъ трехъ документовъ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ, а слѣдовательно, и точнаго опредѣленія времени новой надписи, такъ какъ извѣстно, что № 97¹ относится къ царствованію Александра Севера (225—235 по Р. Х.).

3. Надпись, найденная въ Партенитѣ ¹⁾.

33. При раскопкахъ, производившихся въ 1907 г. въ Партенитѣ Н. И. Рѣпниковымъ, въ насыпи мусора, покрывавшей развалины раскопанной имъ базилики, найдено 6 обломковъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ отполированной, толщ. 0,05 м., съ крупною и старательно вырѣзанною надписью римской эпохи. Пять обломковъ вполне сходятся между собою, образуя цѣлый фрагментъ надписи (шир. 0,40 м., выс. 0,34, слѣва сохранился край), а шестой не можетъ быть приложенъ. Обломки, безъ сомнѣнія, были употреблены при постройкѣ базилики въ качествѣ строительнаго матеріала. Они привезены г. Рѣпниковымъ въ Имп. Археологическую Коммиссію. Здѣсь представляется факсимиле, исполненное Н. И. Суловымъ по моимъ указаніямъ (въ ¹/₃).

[Γ.Ι]ούλ(ιος) βασιλ[εὺς Σαυρο]-
μάτης φιλόκ[αίσαρ]
καὶ φιλωρώμ[αίος εὐ]-
σεβ(ῆς) τὴν ἰ[δίαν καὶ τῆς]
βασι[λείας εὐ]-
εργέτ[ιν?....]

Шестой обломокъ, быть можетъ, сохранился отъ нижняго конца плиты и содержитъ въ себѣ начальныя буквы двухъ строкъ, заключающихъ въ себѣ дату: 'Εν [τῷ . . . ἔτει] | μ[ηνὸς τοῦ δεῖνος].

Въ надписи читаются имя и титулъ одного изъ боспорскихъ царей, носившихъ имя Тиберія Юлія Савромата. По общему характеру письма мы скорѣе всего отнесли бы надпись ко времени Савромата I (93—123 г. по Р. Хр.). Она заключала въ себѣ запись о посвященіи, совер-

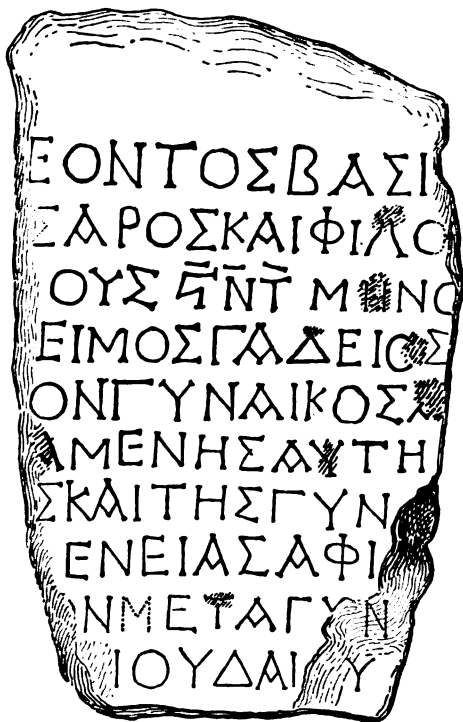
¹⁾ О Партенитѣ ср. нашъ Сборн. христ. надп., стр. 72 сл.

шенномъ самимъ царемъ, повидимому, въ честь какой-то благодѣтельницы его самого и его царства, подъ которою скорѣе всего можно разумѣть римскую императрицу.

Камень съ надписью, по всей вѣроятности, въ позднѣйшія времена былъ перевезенъ въ Партенитъ въ качествѣ строительнаго матеріала изъ одного изъ городовъ, лежащихъ въ предѣлахъ Боспорскаго царства, напр. изъ Θεοδοσίи или Старога Крыма. Хотя мы не знаемъ въ точности, гдѣ въ Римскія времена проходила западная граница Боспорскаго царства ¹⁾, но всетаки мало вѣроятно, чтобы мѣстность Партенита входила въ его предѣлы.

4. Надпись изъ Дузу-кале.

34. Обломокъ бѣломраморной плиты выш. 0,185 м., наиб. шир. 0,115 м., толщ. 0,055 м. Всѣ края обломаны, но вверху надъ первою строкою надписи сохранилось свободное пространство въ 0,04 м., свидѣтельствующее, что эта строка была и первоначально первою. Надпись, старательно вырѣзанная довольно мелкими буквами (выш. 0,01 м.), сильно стерлась отъ времени, но всетаки читается еще довольно ясно.

[Βασιλ]εόντος βασι[λέως Κότυος φι-
λοκαί]σαρος καὶ φιλο[ρωμαίου εὐσε-
βοῦς, ἐτ]ους $\overline{\text{CXX}}$, μ[η]νὸς [.....
Φιλότ]ειμος Γάδειος [.....
.....]ον γυναικὸς αὐτοῦ .....
.....]αμένης αὐτῆ .....
.....]ς καὶ τῆς γυν[αικὸς .....
Καλλισθ]ενείας, ἀφί[ησι τὸν θρεπτόν;
.....]ν μετὰ γυν[αικὸς αὐτοῦ .....
τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]υ[ς]?

¹⁾ Ср. ст. Ю. А. Кулаковского: Новые данные по истории Старога Крыма въ *Зап. II. Р. А. Общ.* н. с. т. X, в. 3, стр. 1—14; *IosPE.* IV, кт. № 194.

Камень найденъ въ имѣніи В. М. Безкровной въ мѣстности Дузукале близъ станицы Ново-Михайловской, въ недалекомъ разстояніи къ Ю.-В. отъ Джубги. Принесенъ г-жею Безкровною въ даръ И. Арх. Коммиссіи. Факсимиле съ подлинника, сдѣланное Н. И. Суловымъ по моимъ указаніямъ, здѣсь представляется въ уменьшенномъ видѣ (въ $\frac{1}{2}$).

Хотя надпись найдена вдали отъ главныхъ пунктовъ Боспорскаго царства на восточной сторонѣ Боспора—Фанагоріи, Ермонассы и Горгиппіи, но она несомнѣнно принадлежитъ подданному этого государства: это видно какъ изъ датировки именемъ царствующаго государя, такъ и изъ обозначенія года по боспорской эрѣ. Возможно, что камень перевезенъ въ данную мѣстность именно изъ Горгиппіи (Анапы), откуда намъ уже извѣстны надписи подобнаго содержанія (см. *IosPE.* II, 400 и 401).

356-й годъ боспорской эры, поставленный въ стр. 3-й, соотвѣтствуетъ 59-му году по Р. Хр. Въ этомъ году царемъ Боспорскимъ былъ Котисъ I (сынъ Аспурга), имя котораго и восстановлено нами въ стр. 1-й. Что онъ носилъ титулы *φιλόκλασαρ καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής*,—это уже извѣстно изъ надписи *IosPE.* II, 32.

Сохранившаяся часть текста ставитъ внѣ сомнѣнія, что на камнѣ была сдѣлана запись объ отпущеніи на волю рабовъ, подобная извѣстнымъ уже записямъ изъ Пантикапея (*IosPE.* II, 52—54; IV, 204), Фанагоріи (*ibid.* II, 364) и Горгиппіи (*ibid.* 400, 401). Къ сожалѣнію, на камнѣ читаются столь незначительные остатки строкъ, что восстановление текста оказывается крайне затруднительнымъ.

Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ.

IosPE. I, № 202. Камень съ надписью, изданною подъ этимъ №, доставленный въ числѣ нѣсколькихъ другихъ изъ Херсонеса въ Москву на политехническую выставку 1872 г. и послѣ выставки затерявшійся въ Москвѣ ¹⁾, въ концѣ 1907 г. былъ найденъ въ складѣ древностей Имп. Московскаго Археологическаго Общества и переданъ въ Историческій музей. А. В. Орѣшниковъ съ своей обычной любезностью сообщилъ намъ описаніе камня, эстампажъ и два фотографическіе снимка, которые здѣсь воспроизводятся. Отъ мраморной плиты толщ. въ 0,105 м.,

¹⁾ См. *IosPE.* I, стр. 187, къ № 191, и IV, стр. 280—282.

на которой вырѣзана надпись, сохранился обломокъ выш. 0,275 м. и шириною 0,575. Изъ сравненія сохранившейся части надписи (см. рис. а) съ копіею Н. П. Кондакова, по которой надпись издана нами въ IosPE. I. с., явствуетъ, что съ правой стороны уже послѣ снятія этой копіи отбитъ кусокъ, на которомъ въ стр. 1 читались 5 буквъ, въ стр. 2 и 3—по 6 и въ стр. 4—три, а нижняя строка почти цѣлькомъ стерлась. Въ позднѣйшія времена камень, быть можетъ, уже не въ цѣльномъ видѣ, былъ употребленъ въ качествѣ строительнаго матеріала, при чемъ на задней сторонѣ его былъ вырѣзанъ рельефный карнизъ (см. рис. б), а на передней выдолблено углубленіе (видное на рис. а слѣва въ видѣ темнаго пятна), въ которое былъ вставленъ для скрѣпы желѣзный стержень, залитый свинцомъ. По сообщенію А. В. Орѣшникова, „сильно окисшіе слѣды обоихъ металловъ еще замѣтны“.

а

б

Для возстановленія надписи фотограф. снимокъ не даетъ ничего новаго и потому транскрипція ея здѣсь не воспроизводится. Отмѣтимъ только, что наше предположеніе объ опискѣ, допущенной въ копіи Н. П. Кондакова въ стр. 1 въ гл. οἰχοδόμησεν (Ο вмѣсто Ω въ началѣ

слова), оказывается невѣрнымъ, такъ какъ буква О ясно видна на камнѣ и, стало быть, эта глагольная форма самимъ авторомъ надписи или рѣзчикомъ была поставлена безъ приращенія. Относительно слова ПОΛΕΩΣ въ стр. 3-й по эстампажу и фотограф. снимку нельзя рѣшить навѣрно, была ли вырѣзана по ошибкѣ буква Α вмѣсто Λ, или образовавшаяся на камнѣ щербинка случайно перечеркнула букву Λ такъ, что придала ей видъ Α.

Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 14, стр. 110, № 21. Имѣя въ виду надпись, изданную выше подъ № 23, мы полагаемъ теперь, что надпись на плитѣ № 21 была вырѣзана по обѣимъ сторонамъ нижней части креста и должна быть возстановлена слѣдующимъ образомъ:

Ἐκομήθη [η ὁ ἐν μα]-
 καρῆα τῆ [μνήμη καὶ]
 δοῦλος [τοῦ Θεοῦ...
 . . . . .

Далѣе слѣдовало имя усопшаго и указаніе времени его кончины.

Вып. 23, стр. 5, № 2. Чертежникъ при херсонесскихъ раскопкахъ М. И. Скубетовъ сообщилъ письмомъ, что камень съ этой надписью былъ замѣченъ имъ въ августѣ 1905 г. въ кладкѣ надводной части городской стѣны въ 0,18 м. надъ уровнемъ моря, откуда и былъ извлеченъ съ большимъ трудомъ послѣ разборки части стѣны, прикрывавшей мраморъ.

В. Латышевъ.

Воспорскія надписи, найденныя въ 1907 г.

1. Обломанная внизу и разбитая на двѣ части плита изъ твердаго мелкозернистаго известняка, выс. 1,47 м., шир. 0,59, толщ. 0,17—0,18. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и шестью розетками, изъ коихъ двѣ изваяны между акротеріями, одна, въ видѣ гладкаго круглаго щитка, въ трехугольномъ фронтоне и три подъ фронтономъ. Въ углубленіи (0,48 × 0,45 м.) изображенъ en face стоящій юный воинъ, облокотившійся лѣвой рукой на колонку.

1. Σάιον ἡ σύνοδος
περὶ Ἰρέαν Χαρίτωνα Μη-
νίου καὶ φιλάγαθον Ποθί-
σον Κο(σ)οῦ καὶ παραφιλάγα-
5. θον Διονύσιον Μύρμη-
κος καὶ τῶν λοιπῶν διασι-
τῶν ἀνέθησαν
μνήμης χάριν.

Онъ одѣтъ въ короткій хитонъ и плащъ, обутъ въ сапоги съ низкими голенищами. Лицо попорчено острымъ орудіемъ. У лѣваго бока виситъ широкій мечъ въ ножнахъ съ широкимъ концомъ, а на стѣнѣхъ впереди воина, на крючкѣ, имѣющемъ видъ согнутой стрѣлы, виситъ налучье съ лукомъ и сумкою, наполненною стрѣлами: изъ-за налучья виднѣется

круглый нижній конецъ ноженъ винжала. На фонѣ рельефа замѣтны слѣды синей краски. Непосредственно подѣ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ неглубокими, но крупными и четкими буквами (выш. 0,05 м.) надпись ѳіасотовъ римскаго времени. Въ началѣ предпоследней строки между первой и второй буквами оставленъ промежутокъ, потому что вслѣдствіе изъяна въ камнѣ тутъ неудобно было вырѣзывать буквы.

Найдена 15 апрѣля на Глиницѣ, по 4-й Продольной улицѣ, во дворѣ мѣщанина О. Столбикова, д. № 15, надъ гробницей.

(См. снимокъ и транскрипцію на стр. 42).

Имена *Χαρίτων*, *Μήνιος*, *Κοσοῦς* и *Διονύσιος* встрѣчались уже въ надписяхъ пантикапейскихъ ѳіасотовъ (IosPE. II. 60, IV, 210 и *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 33, № 25; ср. IosPE. II. 365); имена *Ποδίσχος* и *Σάϊος* встрѣчаются въ Пантикапее въ первый разъ. Последнее имя приводитъ на память названіе племени Саевъ Протогеновскаго декрета (IosPE. I, 16).

Если считать неизданную до сихъ поръ золотую пластинку съ надписью ѳіасотовъ, найденную въ Керчи въ 1894 году и упомянутую во 2-мъ примѣчаніи къ IosPE. IV, стр. 125 (*Τὸ κοινὸν τῶν θιασιτῶν στεφανοῦσι Ἰοόλιον Καλλιθένην παραφιλάγαθον διὰ βίου τειμῆς χάριν*), въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ найдено доселѣ двадцать пять надписей религіозныхъ обществъ: IosPE. II, 60—65; IV, 207—212, 469; *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 10, №№ 23—28; вып. 14, № 38 и *Записки Имп. Одесскаго Общ. ист. и древн.*, т. XXVI (1906), протоколъ 362 засѣданія, стр. 60—62, и т. XXVII (1907), прот. 366 зас., стр. 18. На основаніи этого матеріала можно прибавить къ сдѣланнымъ прежде выводамъ еще два слѣдующіе: во-первыхъ, въ числѣ членовъ пантикапейскихъ религіозныхъ обществъ не упоминается ни одна женщина (аналогичное явленіе извѣстно изъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ культу Миеры: Fr. Cumont, *Die Mysterien des Mithra*, Leipz. 1903, стр. 131); во-вторыхъ, боспорскіе ѳіасы состояли изъ воиновъ. Замѣчательно то явленіе, что на памятникахъ боспорскихъ ѳіасотовъ, гдѣ были или сохранились рельефы, встрѣчаются изображенія только двухъ типовъ: изображенъ либо юный вооруженный пѣхотинецъ, опирающійся лѣвымъ локтемъ на колонну (IosPE. II, 61, 62 и новый памятникъ; см. изображенія первыхъ двухъ памятниковъ въ *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1876 г., стр. 214), либо безбородый вооруженный всадникъ на спокойно

стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо; иногда за всадникомъ слѣдуетъ конный слуга (IosPE. II, 60, 65, 365; IV, 208, 210; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, № 27; *Зап. Одесскаго Общ.* XXVI, стр. 60—62). На эфебическій характеръ обществъ указываютъ, какъ было уже замѣчено относительно танаидскихъ оіасовъ И. В. Помяловскимъ (О танаидскихъ коллегіяхъ, стр. 27), также названія должностныхъ лицъ $\gamma\omicron\rho\mu\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\rho\chi\eta\varsigma$ и $\nu\epsilon\alpha\nu\iota\sigma\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$, встрѣчающіяся въ двухъ пантисапейскихъ надписяхъ (IosPE. IV, 210, 211).

Въ надписи интересно колебаніе между разными формами буквъ Е и С.

2. Хорошо сохранившееся надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,79 м., шир. 0,34—0,39, толщ. 0,11—0,14 (внизу плита шире и толще). Вверху украшено тремя рельефными фигурами, стоящими подъ аркою, опирающеюся на анты или пилястры; надъ вершиной арки изваяна маленькая розетка (діам. 0,025 м.), а оба верхнихъ угла плиты заполнены завитушками, какъ бы вырастающими изъ капителей колоннъ. Надъ аркою нѣтъ рельефнаго карниза. Рельефъ представляетъ три рядомъ стоящихъ фигуры: посрединѣ изображена женщина въ обычномъ одѣяніи, подающая правую руку мужчинѣ, который стоитъ влѣво отъ зрителя; справа помѣщена другая мужская фигура. Мужчина, стоящій влѣво, одѣтъ въ длинный подпоясанный хитонъ и въ длинный плащъ, свѣшивающійся съ плечъ почти до пятоевъ; юноша, стоящій вправо, одѣтъ въ хитонъ и закутанъ въ иматій. Лица всѣхъ трехъ фигуръ сильно стерты. Подъ рельефомъ небрежно вырѣзаны четыре строки греческой надписи римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м., б. О немного меньше); судя по сохранившимся кое-гдѣ остаткамъ стесанныхъ буквъ, а также по тому, что нижнія части обѣихъ колоннъ и кончики ногъ фигуръ стесаны, можно заключить, что на камнѣ была прежде вырѣзана другая надпись и что, стало быть, рельефъ первоначально изображалъ не Аполлонія съ его родными, а какую-то другую семью. Остатки прежней надписи до того ничтожны, что возстановить ее не представляется никакой возможности.

Найдено въ первыхъ числахъ декабря на Таманскомъ полуостровѣ, на берегу залива, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „Большой куть“ (часть Таманскаго залива), за хуторомъ Посполитаки и кордономъ по-

границной стражи, близъ почтовой станціи Сѣнной, въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа (1/4).

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΑΓΑ
ΘΟΥ ΚΑΙ ΓΥΝΗ ΜΕΓΙ
ΣΤΗ ΚΑΙ ΥΙΟΣ ΧΡΗΣΤΟΣ
ΤΟΥΣ ΧΑΙΡΕ

Ἀπολλώνιος Ἀγα-
θοῦ καὶ γυνὴ Μεγί-
στη καὶ υἱὸς Χρησ-
τοῦς· χαῖρε.

Всѣ имена, кромѣ рѣдкаго Μεγίστη (Bechtel-Fick, Griech. Personennamen, 2-е изд., стр. 199), хорошо извѣстны изъ боспорскихъ надписей.

3. Обломанная внизу и разбитая на 8 частей стела изъ мягкаго известняка выс. 0,54 м., шир. 0,45, толщ. 0,15. Вверху украшена выдающимся впередъ карнизомъ (шир. 0,08 м.; форма карниза такая же, какъ на камнѣ, изданномъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 125, № 40), раскрашеннымъ бѣлой, синей и красной красками. Орнаментъ состоитъ изъ бѣлыхъ ововъ на красномъ фонѣ (ср. прилож. къ „Материаламъ по археологiи Россiи“, вып. 17, стр. 53, № 57), при чемъ два крайнихъ ова и среднiй выкрашены въ синiй цвѣтъ. Подъ карнизомъ замѣтны слѣды бѣлой и красной красокъ; судя по нѣсколькимъ сохранившимся листьямъ, здѣсь была изображена гирлянда. Между этимъ орнаментомъ и красной горизонтальной чертой (шир. 0,01 м.), проведенной по всей ширинѣ камня на разстоянiи 0,36 м. отъ карниза, тщательно вырѣзана неглубокими красивыми буквами (выс. 0,04 м.; высота буквъ Ο, Θ и Ω—0,03 м.; разстоянiе между строками—0,045 м.) трехстрочная надпись IV в. до Р. Хр. Углубленiя буквъ обильно закрашены красною краскою, вслѣдствiе чего надпись читается несравненно яснѣе на камнѣ, чѣмъ на эстампахѣ. Концы всѣхъ прямыхъ чертъ въ буквахъ надписи немного утолщены. Подъ нижней красной чертой замѣтны красные слѣды свѣшивающихся концовъ широкой повязки, связанной въ серединѣ узломъ.

Плита найдена 30 октября во дворѣ Т. Калинина на Эспланадной улицѣ, д. № 9, немного ниже того мѣста, гдѣ въ 1905 году было найдено надгробiе дѣтей Ксенодима (*Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 18, стр. 130 сл., № 47). Вновь найденный камень извлеченъ также изъ древней город-

ской стѣны, которая тянулась внизъ по сѣверному склону горы Митридата. Снимокъ съ эстампажа (1/8).

Τυαίης
[κ]αὶ Ἀκρωδῖς
Ἰξίος.

Изъ именъ надписи извѣстно только первое (IosPE. II. № 202); остальные два — совершенно новыя. Ἀκρωδῖς, очевидно, имя женское (ср. Ἀπατοῦρις, Ἀρχελαῖς, Περιγενίς, Ψυχαρῖς и др.).

4. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ мелкозернистаго известняка вып. отъ 0,39 м. (справа) до 0,59 (слѣва), шир. 0,67, толщ. 0,17. На памятникѣ сохранились остатки двухъ рельефныхъ изображеній, помѣщенныхъ одно надъ другимъ. Верхній рельефъ представляетъ четыре фигуры: съ лѣвой стороны, въ креслѣ съ точеными ножками и такою же спинкою сидитъ на двухъ подушкахъ, со скамеечкою подъ ногами, женщина въ длинномъ хитонѣ и въ иматіи, въ обычной „задумчивой“ позѣ. Направо отъ нея, возлѣ кресла изваяны двѣ дѣвочки, обращенныя лицомъ къ зрителю: фигурка, стоящая въ лѣвомъ углу, держитъ въ рукахъ цилиндрической сосудъ, а другая, немного меньше, изображена съ полотенцемъ, свѣшивающимся въ лѣваго плеча. Впереди женщины изваянъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ головою влѣво ¹⁾. Голова женщины и вся верхняя часть всадника, вплоть до талии, отбиты. На фигурахъ и на фонѣ рельефа сохранились кое-гдѣ остатки розовой, зеленой (на подушкахъ) и голубой красокъ. Отъ нижняго рельефа, фонъ котораго былъ выкрашенъ голубой краской, фигуры не уцѣлѣли. На полосѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ крупными буквами (выс. 0,04—0,05 м.) двухстрочная надпись ранняго римскаго времени.

¹⁾ Рельефъ весьма похожъ на нижнее изображеніе надгробія IosPE. IV, № 257: разница состоитъ въ томъ, что на новомъ надгробіи изображены въ лѣвомъ углу двѣ женскія фигурки и что у всадника нѣтъ налучья.

Найдено вмѣстѣ съ № 11 въ октябрѣ на участкѣ городской земли между Карантинною и 1-ю Аджимушкайскою улицами, подаренномъ Братской церкви, надъ гробницею. Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{2}$).

ΨΥΧΗ ΓΟΝΗ ΚΑΛΛΙΣΘ[ΕΝΟΥ]
ΚΑΙ ΟΙΟΣ ΓΑΣΤΗΣ

Ψυχή γονή Καλλισθ[ένου]
καὶ υἱὸς Γάστης, [χαίρετε].

Всѣ три имени уже извѣстны изъ боспорской эпитафийки; впервые встрѣчается форма им. п. Γάστης; вмѣсто извѣстной изъ другихъ памятниковъ формы Γάστεις. Форма род. п. Γάστη уже извѣстна (см. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 129, № 45).

5. Обломанная снизу плита изъ мелкозернистаго известняка выс. 0,98—1,12 м., шир. 0,48, толщ. 0,21. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками. На плитѣ изваяны два рельефа. Подъ фронтономъ въ углубленіи (0,41 × 0,45 м.) изображенъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо; у лѣваго бока всадника виситъ налучье съ лукомъ и мечемъ, привязаннымъ къ налучью; на правой ногѣ выше колѣна рельефно изображенъ кинжалъ съ рукояткою, снабженною на концѣ большимъ кольцомъ. Всадникъ сидитъ въ сѣдлѣ, отчасти закрытомъ длиннымъ плащемъ, ниспадающимъ складками съ плечъ; лѣвой рукой онъ держитъ поводья, а правой—кнутъ, отъ котораго сохранилась одна рукоятка. Фигура всадника сильно испорчена, голова и ноги лошади отбиты. Сзади изваяна часть другого всадника въ остроконечномъ шлемѣ. На рельефѣ сохранились обильные слѣды красокъ: вся лошадь перваго всадника покрыта черной краской, штаны его—синей, на хитонѣ виднѣются остатки розовой; фонъ рельефа и другой всадникъ выкрашены въ синій цвѣтъ. На разстояніи 0,10 м. сохранилась верхняя часть втораго рельефа, изображающая трехъ спокойно стоящихъ лошадей съ поводьями, обращенныхъ вправо; на средней сидитъ всадникъ съ лукомъ въ горитѣ у лѣваго бока и съ кнутомъ въ правой рукѣ. На рукахъ всадника сохранились остатки синей краски, на хитонѣ его—розовой. На полоскѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,025—0,03 м.).

Найдена мною 16 мая при разслѣдованіи перваго база керченской городской скотобойни, надъ гробницей. Снимокъ съ эстампажа (1/5).

ΑΓΑΘΟΥ ΝΖΟΥ
ΧΑΙΡΕ

'Αγαθοῦ Νζοῦ,
χαῖρε.

Оба имени уже извѣстны въ боспорскихъ надписяхъ.

6. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ бѣлаго мрамора, выш. 0,50 м., шир. 0,325, толщ. 0,12. Украшено двумя рельефами, изваянными (одинъ надъ другимъ) въ углубленіяхъ разной ширины (верхнее имѣетъ въ ширину 0,21 м., нижнее 0,25). Отъ верхняго рельефа сохранилась нижняя часть мужской фигуры, одѣтой въ хитонъ и плащъ, съ опущенной правой рукой. Нижній изображаетъ воина въ хитонѣ, съ овальнымъ щитомъ на лѣвой рукѣ и съ мечемъ въ поднятой правой рукѣ. Лицо нападающаго воина, обращеннаго профилемъ влѣво, сильно стерто. На узкой полоскѣ (рис. 0,035 м.), раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.), читающаяся вполне ясно.

Камень найденъ 24 марта при осмотрѣ пороговъ Покровской церкви въ Тамани, вмѣстѣ съ двумя другими древними мраморными плитами, на которыхъ надписей не оказалось. Снимокъ съ эстампажа (1/4).

ΒΟΘΥΛΙΩΝΙΑ ΧΑΙΡΕ

Такъ какъ надписи, помѣщаемыя между рельефами, составляютъ обыкновенно одно цѣлое (см. IosPE. II, № 192 и IV, №№ 300, 315), то нужно предположить, что сохранившаяся на памятникѣ строка и есть вся надпись; ее нужно, на мой взглядъ, читать слѣдующимъ образомъ:

Βοθύλι 'Ὀνία, χαῖρε.

Имя Βοθύλιος надо считать за совершенно новое. Латинская форма звательнаго падежа извѣстна изъ надписей IosPE. II, 192 и IV, 250; ср. также надпись, нацарапанную на глиняномъ сосудѣ, представленномъ мною въ Имп. Археологическую Комиссію при рапортѣ отъ 30 ноября 1906 г. за № 134, VIII: Ὀ Γαυδέντι πικῶν ζήσις. Слѣдуетъ замѣ-

тять однако, что въ этихъ трехъ надписяхъ имена латинскія, а въ новой надписи—не латинское. Имя Ἰουδαῖος читается въ SIG. III, № 6406 („*nomem Iudaicum esse monet Montfauconius*“).

7. Сверху и снизу обломанная стела изъ крупнозернистаго известняка, безъ всякихъ украшеній, выш. 0,60—0,73 м., шир. 0,54, толщ. 0,18. Почти на серединѣ сохранившейся части плиты вырѣзана надпись очень крупными буквами (выс. 0,06 м.), въ углубленіяхъ которыхъ кое-гдѣ сохранились слѣды красной краски.

Плита вынута изъ порога конюшни во дворѣ Таманскаго станичнаго управленія, построенной лѣтъ 15 тому назадъ. Лѣвая часть надписи вполне сохранилась, такъ какъ находилась ближе къ косяку дверей, а правая почти совершенно стерта копытами лошадей. Гдѣ была найдена плита, никто не могъ сказать мнѣ. Куплена 25 іюня у атамана Таманской станицы для Керченскаго музея. Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{10}$).

ΔΙΟΥΓΕΣΤΕΣ
ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ

$\Delta\iota\omicron\upsilon\gamma\epsilon[\nu\eta\varsigma]$

$\text{Ἡρακλεῖ}[\text{ίδου}].$

Во 2-й строкѣ надписи, которая по характеру письма можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр., я предположительно возстановилъ имя Ἡρακλεῖδης , какъ самое обычное въ боспорской эпиграфикѣ, хотя здѣсь могло быть и какое-нибудь другое имя изъ числа производныхъ отъ Ἡρακλῆς , напр. $\text{Ἡρακλέ}[\omega\omicron\varsigma]$.

8. Разбитая на двѣ части верхушка стелы изъ мягкаго известняка выш. 0,10—0,15 м., шир. 0,27, толщ. 0,06. На разстояніи 0,065 м. отъ верхняго края памятника, лишеннаго всякаго украшенія, сохранилось нѣсколько буквъ надписи IV в. до Р. Хр., испорченной острымъ орудіемъ. Высота буквъ 0,02 м.; углубленія ихъ закрашены красной краской.

Найдена 2 декабря во дворѣ Т. Калинина, на Эспланадной улицѣ, д. № 9, недалеко отъ того мѣста, гдѣ найдено надгробіе Тіэя (см. выше № 3). Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{4}$).

Μητρ[ρό]δ[ο-
 τ]ος Σ[ι]ω-
 π]εύς.

Послѣ раскрашенной верхушки буквы Δ, стоящей на предпоследнемъ мѣстѣ первой строки, могла помѣститься на камнѣ буква Ο, но ни въ какомъ случаѣ Ω, почему я и возстановилъ имя Μητρόδотος, а не Μητρὸ-δωρος ¹⁾.

9. Обломанная снизу плита изъ плотнаго мелкозернистаго известняка, выс. 0,99 м., шир. 0,61, толщ. 0,23. Верхъ памятника былъ украшенъ, вѣроятно, фронтономъ или акротеріемъ, сдѣланнымъ изъ одѣльнаго камня, на что указываютъ два четырехугольныя углубленія, вырѣзанныя въ верхнемъ обрѣзѣ плиты для вставки болтовъ. Плита украшена рельефомъ, помѣщеннымъ въ углубленіи (0,54 × 0,42 м.): справа изображена стоящая женщина въ длинныхъ хитонѣ и иматіи; лѣвая рука ея приподнята къ лицу, а правая касается колонки, помѣщенной въ правомъ углу рельефа. Справа отъ женщины стоитъ дѣвочка, держащая въ рукахъ, кажется, цилиндрической сосудъ. Къ женскимъ фигурамъ слѣва отъ зрителя подъѣзжаютъ верхомъ два невооруженныхъ всадника въ короткихъ хитонахъ и длинныхъ плащахъ. Подъ лошадьми изображены двѣ совершенно одинаковыя собаки, бѣгущія тоже вправо. Лица всѣхъ четырехъ фигуръ сильно испорчены. На разстояніи 0,09 м. отъ рельефа вырѣзана хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,04 м.).

Найдена 23 марта на дачѣ А. Топузанова между деревней Аджимускаемъ и берегомъ Азовскаго моря, у южной подошвы Темиръ-горы. Снимокъ съ фотографіи ⁽¹¹³⁾ и эстампажа ⁽¹⁴⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя буквы, показанныя въ копіи и транскрипціи автора сохранившимися, на эстампажѣ, съ котораго сдѣланъ снимокъ, совершенно не видны. *Ред.*

ΠΑΙΡΦΑΝΗΣ ΜΟΙΡΑ
ΓΕΝΟΥ ΧΑΙΡΕ

Παιρφάνης Μοιρα-
γένου· χαίρε.

Въ имени *Παιρφάνης*, доселѣ не встрѣчавшемся, быть можетъ, пропущена по небрежности рѣзчика буква *ι*; ср. *Παιρισάδης*, *Παιρίσαλος*.

10. Верхній лѣвый уголь надгробія изъ твердаго раковистаго известняка, выс. 0,21 м. (съ лѣвой стороны), шир. 0,31, толщ. 0,08. Вверху уцѣлѣла часть рельефнаго полукруглаго возвышенія, по которому можно судить, что вся ширина надгробія равнялась приблизительно 0,54 м. и что, слѣдовательно, строка надписи состояла изъ 9—12 буквъ. На обломкѣ сохранились три цѣлыя и три поврежденныя буквы (выш. 0,04 м.), тщательно вырѣзанныя по линейкамъ на разстояніи 0,065 м. отъ верхняго края надгробія.

Камень найденъ 6 марта на южномъ склонѣ Митридатовой горы въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа (1/6).

Πλο[υτ. . . . .]

Πε[. . . . .]

Въ боспорской надписи, изданной въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 2, стр. 71, читаются имена *Πλούταρχος* и *Πλουτέριος*; въ Херсонесѣ найдена надпись IV в. до Р. Хр. съ именемъ *Πέλανος* (*IosPE. IV, 111*). Но такъ какъ есть и другія имена, начинающіяся съ слоговъ *Πλω* и

*

Пе, то достовѣрное возстановленіе именъ въ нашей надписи не возможно.

11. Обломанная внизу стела изъ мелкозернистаго известняка выс. 0,84 м., шир. 0,39—0,42, толщ. 0,10—0,13. Сверху украшена изящнымъ аноеміемъ, лѣвая сторона и верхъ котораго стесаны острымъ орудіемъ. На разстояніи 0,11 м. отъ карниза, отдѣляющаго аноеміи отъ стелы, тщательно вырѣзана красивыми буквами (выс. 0,03 м.) надпись IV в. до Р. Хр.

Найдена вмѣстѣ съ № 4. Снимокъ съ эстампажа (1^{1/2}).

ΦΙΛΟΚΛΩΜΟΣ	Φιλόκλωμος
ΚΟΛΧΟ	Κόλχο(υ).

Имя Φιλόκλωμος (Pare-Beuseler s. v.; Bechtel-Fick, стр. 278) и ἐθνικὸν «Κόλχος» въ качествѣ личнаго имени (Bechtel—Fick, стр. 336) еще не встрѣчались въ боспорскихъ надписяхъ.

12. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ твердаго известняка выс. 0,35—0,49 м., шир. 0,68, толщ. 0,20. Было украшено двумя рельефами, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь незначительные остатки. Отъ верхняго сохранилась только нижняя часть женской фигуры, стоящей съ лѣвой стороны (отъ зрителя), и нижній конецъ ножки кресла, находившагося въ серединѣ; рельефъ былъ, по всей вѣроятности, похожъ на изображеніе, изданное въ IosPE. II, стр. 126. Нижний рельефъ представляетъ двухъ всадниковъ на спокойно стоящихъ коняхъ, обращенныхъ влѣво; первый всадникъ держитъ въ правой рукѣ длинное копье, поднятое вверхъ, у лѣваго бока его виситъ налучье съ лукомъ. Второй сидитъ на конѣ, который виденъ только до половины. Лица и туловища всадниковъ стесаны острымъ орудіемъ. Между рельефами вырѣзана крупными буквами (выс. 0,035—0,04 м.) надпись римскаго времени.

Куплено 18 мая у торговца древностями Головлева, по словамъ котораго найдено въ частномъ дворѣ на 3-й Митридатской улицѣ, д. № 1, въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа (1^s).

ΛΑΟΔΙΚΗ ΓΥΝΗ
ΘΕΟΦΙΛΟΥ ΧΑΙΡΕ

Λαοδίκη, γυνή
Θεοφίλου, χαίρει.

По составленіи описанія памятника я замѣтилъ, что это—то же надгробіе, которое въ 1852 г. видѣлъ П. В. Беккеръ у внѣшней стѣны прежняго музея древностей на горѣ Митридата (Прописи, т. III, стр. 355 = IosPE. II, № 241). Весьма вѣроятно, что надгробіе подверглось новой порчѣ (теперь на памятникѣ недостаетъ „сѣдалища съ ручками изъ сфинксовъ“ и женской фигуры, стоявшей направо отъ зрителя; отъ женской фигуры съ урною въ рукахъ сохранилась только нижняя часть) и было сброшено съ площадки, окружающей прежній музей, въ то время, когда, по свидѣтельству Russel'я (Macpherson, Antiquities of Kertch, стр. 41), Керченскій музей древностей подвергся разгрому со стороны союзныхъ непріятельскихъ войскъ, завладѣвшихъ въ 1855 году Керчью. Теперь камень найденъ въ верхнемъ слоѣ насыпи на уклонѣ горы, куда онъ тогда былъ сброшенъ ¹⁾. Въ описаніе Беккера верались нѣкоторыя неточности: средняя фигура верхняго рельефа не могла изображать „богато одѣтаго мужчину“. Во-первыхъ, на боспорскихъ надгробіяхъ въ такой позѣ изображаются только женщины (см. напр. IosPE. II, 72, 214, 219, 220 и мн. др.); во-вторыхъ, женская фигура съ урною въ рукахъ встрѣчается, какъ было уже замѣчено въ *Изв. Имп. Арх. Ком.* вып. 18, стр. 128, № 44, только на надгробіяхъ женщинъ; въ-третьихъ надпись, вырѣзанная подъ рельефомъ, ясно указываетъ на то, что центральной фигурой изображенія была Лаодика, жена Теофила. Беккеръ не замѣтилъ также копья въ правой рукѣ перваго всадника.

В. Шкорпилъ.

13. Къ надписямъ, изданнымъ В. В. Шкорпиломъ, присоединяемъ маленькій фрагментъ надписи на обломочкѣ мраморной плиты, эстампажъ котораго любезно присланъ намъ А. В. Орѣшниковымъ съ сообщеніемъ, что обломочекъ происходитъ изъ Керчи и хранился въ коллекціи Великаго Князя Сергія Александровича, послѣ кончины ко-

¹⁾ Третья Митридатская улица тянется по восточному склону Митридатовой горы, подъ площадкой прежняго музея древностей.

тораго переданъ въ составѣ коллекціи въ Имп. Россійскій Историческій музей. Наиб. выш. и шир. обломка 0,07 м. Снимокъ съ эстампажа (1/3).

Судя по буквамъ, читающимся въ стр. 2 и 3, можно думать, что обломочекъ сохранился отъ декрета о проксеніи, такъ какъ эти буквы удобно входятъ въ слѣдующее примѣрное возстановленіе: [... εἴπλοον καὶ ἔκ]πλοον [καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης ἀσυλεῖ καὶ ἀτπον]δε(ι) ἀ[ύτῳ: καὶ ἐχρόνοισ κτλ.].

По характеру письма обломочекъ съ полною вѣроятностью можетъ быть отнесенъ къ IV вѣку до Р. Хр. Отрывки трехъ декретовъ о проксеніи, относящіеся къ этому же вѣку и найденные въ Пантикапееѣ, изданы нами въ IosPE. II, №№ 1—3.

В. Л.

Новыя латинскія надписи съ Юга Россіи.

Херсонесъ.

1. Плита изъ бѣлаго мрамора съ сѣрыми жилами, выш. 0,97 м., шир. 0,52, толщ. 0,26. Сверху украшена фронтономъ, вершина котораго либо не была окончена, либо стесана позднѣе. Въ трехугольникѣ фронтона изваяна розетка съ 4 лепестками. Подъ фронтономъ изсѣчено углубленіе, выш. въ 0,21 м., въ которомъ довольно грубо изваяны два бюста бородатыхъ мужчинъ, каждый на прямоугольномъ постаментѣ. Лица повернуты фасомъ и сильно сбиты. Между бюстами сбитый же или неотдѣланный на поверхности ящикъ съ высокой спинкой или выдающейся крышкой или дномъ. Всю остальную часть плиты занимает латинская надпись, старательно вырѣзанная крупными буквами (выш. буквъ въ первыхъ четырехъ строкахъ 0,04 м., въ остальныхъ

0,035 м.). Лѣвая сторона плиты отъ середины углубленія съ бюстами до низа отпилена, вслѣдствіе чего пропали начальныя буквы всѣхъ строкъ надписи, кромѣ первой и послѣдней. Найдена наша плита заложеною въ фундаментъ стѣны въ 7 метрахъ отъ угла башни около скотнаго двора со стороны моря. Она, вѣроятно, притащена была при постройкѣ этой части стѣны изъ сосѣдняго некрополя; не исключена и возможность того, что самая стѣна выстроена была на части древняго некрополя; стѣна эта, какъ извѣстно, окружала часть города, занятую римскимъ гарнизономъ. Фотографическій снимокъ (№ 335) и эстампъ.

*D(is) m(anibus) | [. C]incio T. lib(erto) | [Ba]sili
vix(it) | [ann(is)] XXII et | [. V]edio P. lib(erto) |
[Th]repto medi[co] interf(ecto) a Taur(is) |
[. Cin]cius Epicte[tus] | [col]l[if]iberto et amico
f(aciendum) c(uravit).*

Новыя латинскія надписи.

Особенный интересъ возбуждаетъ то, что этотъ врачъ былъ убитъ Таврами. Само собою напрашивается объясненіе, что убійство это было не дѣломъ случая, а что врачъ сопровождалъ своего патрона—римскаго офицера во время экспедиціи противъ этихъ непокойныхъ сосѣдей Херсонеса.

Интересно было бы теперь знать, какая экспедиція имѣется въ виду, и нѣтъ ли возможности связать наше надгробіе съ какимъ-нибудь извѣстнымъ событіемъ изъ исторіи Херсонеса ¹⁾.

Для этого прежде всего желательно было бы знать время надписи. Содержаніе ея никакихъ указаній не даетъ. Нѣкоторыя заключенія позволило бы сдѣлать нахожденіе камня съ надписью въ фундаментѣ стѣны. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, къ какой эпохѣ принадлежитъ часть стѣны, подъ которой лежалъ камень, т. е. имѣемъ ли мы дѣло со стѣной римскаго времени, или ея передѣлкой византійской эпохи. Постараюсь выяснитъ это при ближайшемъ посѣщеніи Херсонеса. Нѣкоторое указаніе даетъ, впрочемъ, форма буквъ тщательно вырѣзанной надписи. Форма D, O, C и другихъ буквъ по аналогіи съ датированными надписями Рима и провинцій не позволяетъ идти ниже эпохи Флавіевъ и позволяетъ, можетъ быть, датировать надпись приблизительно эпохой Нерона. Тѣ же формы буквъ даетъ и одна еще не опубликованная надпись изъ Ай-Тодора, принадлежащая, по всей вѣроятности, эпохѣ Клавдія.

Если мои наблюденія надъ формой буквъ правильны, то само собою напрашивается приуроченіе убійства Таврами нашего врача къ событіямъ, стоявшимъ въ связи съ извѣстнымъ походомъ Плавція Сильвана. Въ надписи этого генерала Неронова времени (CIL. XIV, 3608; Dessau 986) говорится слѣдующее: *Scytharum quoque rege(m) a Cherronensi quae est ultra Borustenen opsidione summoto*. Весьма вѣроятнымъ кажется мнѣ, что подъ Скиѣами разумѣются Тавры нашей надписи. Обо всемъ этомъ, однако, я буду говорить въ ближайшемъ будущемъ въ „Извѣстіяхъ“ въ связи съ публикаціей надписей, найденныхъ въ послѣдніе два года на Ай-Тодорѣ.

¹⁾ Смерть отъ руки варваровъ упоминается въ латинскихъ надписяхъ довольно часто; въ указателяхъ CIL. такія упоминанія сопоставляются подъ рубрикой *mortes singulares*; ср. рядъ надписей у Dessau, *Inscr. lat. sel.*, III, 8499 слл. (смерть при нашествіи Баваровъ въ Африкѣ въ IV в. Dessau 8500; Кастабоковъ во Фракіи *ibid.* 8501 при М. Аврелии; Дацисковъ въ сѣв. Италіи *ibid.* 8502). Особенно характерны CIL. V, 3372; Dessau 850: *d [m] | Papiri[o] Marcelli[no] | patri incom[pa]rabili decept[o] | a Daciscis in bello | proelio Papiri[us] Marcellus | b. m.* и CIL. III, 11045: *[i]nt[er]fecto a barbaris*, ср. 4880—4850, 5234.

2. Вполнѣ сохранившаяся плита изъ мягкаго поздраватаго известняка съ рельефною рамкою сверху и по бовамъ. Верхъ украшенъ грубымъ орнаментомъ линій, сходящихся по двѣ подь острымъ угломъ. Внизу плита вырѣзана для вставки въ постаментъ. Вышина плиты 0,95 м., шир. 0,31, толщ. 0,17. Надпись изъ 9 строкъ вырѣзана небрежно и нѣсколько пострадала отъ вывѣтриванія камня. Буввы приближаются къ курсиву. Вышина ихъ 0,038—0,042 м. (въ предпоследней строкѣ 0,026). Найдена поверхъ черепицъ, покрывавшихъ вырубленную въ скалѣ гробницу съ сожженнымъ остовомъ у Карантинной бухты. Фотографическій снимокъ и эстампажъ (№ 308). Снимокъ съ эстампажа въ ¹/₇.

I^r O C M
 M A X I M O
 N I V S V A
 L E N S M I I
 C O H I I
 I V C E N S I V
 V I X I T A N N
 X X V M E A N N V
 H E C C

*I(ovi) O(ptimo) M(aximo). | M. Anto|nius
 Va|lens mil(es) | coh. II | Lucensiu(m) | vixit
 ann(is) | XXV mil(itavit) ann(is) V. | H(eredes)
 f(aciendum) c(urarunt) ¹).*

Надпись интересна во-первыхъ тѣмъ, что въ ней мы находимъ новое упоминаніе солдата не легионнаго, а вспомогательной когорты, находившагося въ гарнизонѣ въ Херсонесѣ. Къ когортѣ I Cilicum (CIL. III, 13751b) присоединяется теперь еще cohors II Lucensium ²). Любопытно при этомъ, что обѣ эти когорты составляли приблизительно одновременно

¹) Или *h(eres)—c(uravit)*.

²) H. Van de Weerd, *Etude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube*. Louvain, 1907, стр. 291 сл. въ таблицѣ, сводящей данныя объ оккупациі Нижней Мѣзій римскими войсками, называетъ еще cohors Сургия и coh. Thracum, стоявшія, какъ извѣстно, въ Пантикапѣѣ.

части мезійскаго войска. О пребываніи первой киликійской когорты въ Мэзіи около 134 г. я говорилъ въ другомъ мѣстѣ; отмѣчу, что и вторая когорта *Lucensium* стояла въ Мэзіи приблизительно въ то же время. Упоминается она въ двухъ дипломахъ 105 и 114 г.г. (*Dipl. XXXIII* и *XXXVIII*) и въ одной надписи, къ сожалѣнію не датированной, изъ *Malka Brestnica* (м. б. мѣсто ея постоянной стоянки, *CIL. III, 14424*); въ 199 г. мы застаемъ ее уже во Фракіи (*CIL. III, 7418=12337*) около *Dubnica*, гдѣ она продолжаетъ пребывать и въ 217—218 гг. (см. *CIL. III, 12338* и *12339*). Ея постоянный лагерь упоминается, вѣроятно, и въ Скаптопаренскомъ декретѣ (*CIL. III, 12336*).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Херсонесѣ стояли ея солдаты тогда, когда она составляла часть войскъ Мэзіи, такъ какъ несомнѣнно, что войска Мэзіи, а не Фракіи, поставляли херсонесскій гарнизонъ.

Пребываніе солдатъ обѣихъ когортъ въ Херсонесѣ относится такимъ образомъ ко II в. послѣ Р. Хр. Врядъ-ли мы можемъ предположить хотя бы временное пребываніе въ стѣнахъ Херсонеса цѣлой когорты; скорѣе надо думать, что херсонесскій отрядъ состоялъ отчасти изъ солдатъ легионныхъ, отчасти изъ солдатъ вспомогательныхъ отрядовъ, стоявшихъ въ Мэзіи. Обѣ эти категоріи войскъ, можетъ быть, въ видѣ ряда отдѣльныхъ отрядовъ составляли гарнизонъ Херсонеса и выдѣляли мелкіе отряды-посты, защищавшіе Крымское побережье, напр., гарнизонъ крѣпости на Ай-Тодорѣ¹⁾.

Подобныя явленія извѣстны намъ во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ необходимо было защищать отъ сосѣдей болѣе или менѣе длинную границу. Отнюдь не имѣя намѣренія дать полное изслѣдованіе вопроса о составѣ вексилярій римскаго войска, я позволю себѣ, однако, для подтвержденія своей точки зрѣнія, указать на нѣсколько характерныхъ фактовъ²⁾.

Выдѣляю, прежде всего, какъ не характерные для нашей цѣли, комбинированные отряды, назначавшіеся для принятія участія въ большой войнѣ или походѣ, въ составъ которыхъ входили, конечно, въ зависимости отъ условій военныхъ дѣйствій, времени и мѣста, самые разно-

¹⁾ Во главѣ всѣхъ *vexillationes* юга Россіи стоялъ, какъ извѣстно, трибунъ, во главѣ херсонесскаго гарнизона—центуріонъ, во главѣ отдѣльныхъ постовъ, какъ показываютъ найденныя въ недавнее время на Ай-Тодорѣ надписи,—бенефициаріи. См. мою статью о римскихъ гарнизонахъ на югѣ Россіи. *Ж. М. Н. Пр.* 1900 г. Мартъ, стр. 146 сл.

²⁾ Объ этомъ вопросѣ см. *Marquardt-Domaszewski, Staatsverwaltung II, 463* слл. Матеріалъ со времени этой трактовки сильно возросъ.

образные роды войскъ изъ близкихъ и далекихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій стоянокъ (см. *Marquardt-Domaszewski* l. l., 465, 1—3)¹⁾.

Ближе стоять, по характеру своему, комбинированные отряды изъ войскъ одного военного округа, откомандированные для цѣлей какого-нибудь крупнаго военного сооруженія: постройки дороги, лагеря, работы въ рудникахъ и т. п. Къ примѣрамъ, приведеннымъ Марквардтомъ, можно присоединить немало другихъ. Особенно характерны данныя о составѣ отрядовъ, работавшихъ въ каменоломняхъ Нижней Германіи, расположенныхъ около пинѣшняго Броля см. *CIL. XIII*, стр. 489 (I в. по Р. Хр.). Здѣсь передъ нами и легионные солдаты семи легионовъ, и алы, и рядъ когортъ, и, наконецъ, солдаты флота. Всѣ одновременно находившіеся въ каменоломняхъ отряды составляли, однако, одно цѣлое и находились подъ одной командой, хотя каждый имѣлъ, вѣроятно, и своего спеціальнаго командира, см. *CIL. XIII*, 7715: [I. O. M. e]t Her[culi] или [(culi) Sax(ano)], затѣмъ перечисленіе ряда войсковыхъ частей и далѣе: q(uae) s(ub) Q. Acut(io) su(nt) cu(ra) M. I(ulii) Cossuti > l(egionis) VI vic(tricis) p(iae) f(idelis), ср. 7716.

Тѣ же цѣли, вѣроятно, имѣли и отряды, стоявшіе въ Испаніи въ *castrum S. Christophori* (см. *CIL. II*, 2551—2557 и *Hübner-Mommsen* *ibid.* p. 335 сл., *Hübner* p. 906). Хотя надписи извѣстны только въ плохихъ копіяхъ, но ясно, что во II в. здѣсь стоялъ составной отрядъ изъ солдатъ *legio VII Gemina*, двухъ когортъ и одной алы. На хозяйственное назначеніе отряда указываетъ упоминаніе въ надписяхъ рядомъ съ центуріонами и прокураторовъ, ср. также *CIL. III*, 14396 a-f и 14387 k (чтеніе въ указателѣ p. 2657). Въ Египтѣ, кромѣ упомянутаго Домашевскимъ (l. l. 464,6) составнаго отряда, стоявшаго въ каменоломняхъ горъ Береники, составной отрядъ изъ солдатъ *alaе Vocontiorum* и двухъ когортъ стоялъ, можетъ быть для цѣлей надзора, какъ гарнизонъ, и въ *Ptolemais Hermiu* (Меншіэ) въ эпоху Домиціана (*CIL. III*, 12066—12070).

Несомнѣнно, что нерѣдко такой же составной характеръ изъ войскъ легионныхъ и вспомогательныхъ имѣли и тѣ *вексилляціи*, которыя составляли постоянный гарнизонъ какой-нибудь болѣе крупной пограничной крѣпости. Примѣровъ этому можно привести немало. Въ той же провинціи Мэзіи, къ которой принадлежалъ и Херсонесъ, мы имѣемъ аналогичный херсонесскому гарнизонъ въ нын. Драшна (около *Voleni de*

¹⁾ Ср. *CIL. III*, 10471—10473.

shunte). Здѣсь, судя по штемпелямъ на кирпичахъ (CIL. III, 12530), одно время стоялъ отрядъ, состоявшій изъ солдатъ легионовъ: I Италійскаго, V Македонскаго и XI Клавдіева и солдатъ Комагенской когорты ¹⁾).

Особенно хорошо извѣстны намъ составы постовъ и военныхъ станцій въ Африкѣ. Одной изъ крупныхъ станцій, охранявшихъ границу, была извѣстная *statio Vazaivitana* въ Нумидіи, засвидѣтельствованная съ I в. по Хр. многочисленными найденными тамъ надписями. Изъ нихъ мы узнаемъ, что смѣнявшіеся отъ времени до времени солдаты, составлявшіе мѣстный гарнизонъ (см. CIL. VIII, 17626 и 17634, гдѣ бенефициаріи-командиры станціи упоминаютъ объ окончаніи ими службы въ данномъ мѣстѣ—*expleta statione*), принадлежали кромѣ III-го Августовскаго легиона къ 7-ой Лузитанской когортѣ, къ какой-то когортѣ Испанцевъ, къ Флавіевой алѣ, къ какому-то кавалерійскому отряду (см. *Cagnat, L'armée romaine d'Afrique, 580*). Не можетъ быть сомнѣнія, что легионные солдаты и солдаты вспомогательныхъ отрядовъ стояли здѣсь одновременно. То-же несомнѣнно и для Маскулитанскаго поста (*Cagnat, l.l., 581 сл.*), и для поста въ нын. Мена (*Cagnat, l.l., 588 ср. 590*), и для поста въ нын. Msad (*Cagnat, l.l., 593*), и для многихъ другихъ. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ, что и въ Херсонесѣ стояли одновременно, смѣняясь отъ времени до времени, солдаты какъ I Италійскаго легиона, XI Клавдіева и V Македонскаго ²⁾, такъ и различныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, входившихъ въ составъ Мэзійской арміи.

Интересъ нашей надписи, однако, этимъ не ограничивается. Въ ней поражаетъ насъ то, что въ заголовкѣ этой надгробной надписи стоитъ посвященіе *I(ovi) O(ptimo) M(aximo)* вмѣсто обычнаго въ надгробныхъ надписяхъ упоминанія *di Manes*. Объяснить это ошибкой рѣз-

¹⁾ См. примѣчаніе издателей, ср. *Arch. - ep. Mitth. aus Oesterreich XIII, 129, 47; Cichorius u Pauly-Wissowa, R. E., IV, 270*; неправильно—*Filow, Die Legionen der Provinz Moesien, 14,2*. Объ этой крѣпости ср. также *H. van de Weerd, Etude historique sur trois légions, 48 сл., ср. CIL. III, 14433 и 11365*—вексилляціи двухъ легионовъ, м. б., однако, временныя въ *Brigetio*, и въ Кадикѣ, и *vexillatio* двухъ легионовъ V Македонскаго и XI Клавдіева въ Палестинѣ *CIL. III, 141552*—послѣдняя, однако, несомнѣнно не постоянный гарнизонъ.

²⁾ Такого же взгляда, исправляя мою неправильную точку зрѣнія, держится и *Beuchel, De legione Romanorum I Italica, Lips. 1903, 91*; онъ, конечно, единственно правильный. Къ обоимъ легионамъ I Италійскому и XI Клавдіеву надо присоединить теперь также и V Македонскій, см. *Латышевъ I. P. IV, 121*. Не понимаю, откуда вычиталь *van de Weerd* въ моей статьѣ мое яко бы предположеніе, что до II вѣка гарнизоны юга Россіи состояли только изъ вспомогательныхъ войскъ. Я утверждалъ какъ разъ обратное. См. *Van de Weerd, op. c., 50 сл.*

чика трудно, смѣшать эти двѣ формулы врядъ-ли могъ бы даже самый невѣжественный мастеръ. Между тѣмъ нашъ мастеръ надписи, правда несложную, все же, не въ примѣръ другимъ своимъ коллегамъ, вырѣзалъ вполне правильно. Считать, такимъ образомъ, ошибкой наше посвященіе нѣтъ никакого основанія.

Объясненіе даетъ намъ аналогичный матеріалъ. Естественнѣе всего искать этого объясненія въ тѣхъ греко-римскихъ памятникахъ, гдѣ надгробный памятникъ посвящается Манамъ и Генію (Dessau Inscr. lat. sel. 8049—8052), Манамъ и Юнонѣ (Dessau, 8053—8058) умершихъ. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же идей ведетъ къ посвященію надгробія женщинъ такимъ богинямъ, какъ Fortuna, Spes, Venus (Dessau, 8063^{a-c}) и Діана (Dessau, 8064—8066^{a-b}, ср. 8067—8070) и даже къ идентификаціи усопшей съ упомянутыми богинями (см. особ. Dessau, 8063 c) ¹). Такая идентификація, правда, рѣже, но наблюдается и въ мужскихъ надгробіяхъ (см. мѣсто изъ Апулея, *metam.* 8,7: *imagines defuncti, quas ad habitum dei Liberi formaverat, adfixo servitio divinis percolens honoribus* и другіе примѣры, приведенные Schröder'омъ l.l., 63). Но въ нашемъ случаѣ предполагать идентификацію нашего скромнаго солдата съ высшимъ богомъ оффиціального римскаго Пантеона мало вѣроятно.

Объясненіе нашему явленію даютъ другія надписи. Въ Испаніи имѣется особая категория надгробныхъ надписей, гдѣ камень ставится *in honorem et memoriam* покойника и посвящается при этомъ кому-нибудь изъ боговъ или богинь. Посвященія мы имѣемъ: I(ovi) o(rtimo) M(aximo) (CIL. II, 8), Apollini Augusto (ibid. 6181), Marti (22.5026), Neptuno Augusto (4087), Serapi Pantheo (46) и ряду богинь: Isidi, Iunoni, Lunae, Minervae, Pietati, Veneri, часто съ прибавленіемъ эпитета Augustae ²). Подобная формула надгробныхъ надписей обычна въ Галліи, болѣе рѣдка въ другихъ мѣстахъ, но вездѣ безъ посвященія богамъ и богинямъ ³).

Обратимъ вниманіе на то, что нашъ солдатъ какъ разъ принадлежитъ къ вспомогательной когортѣ, состоявшей изъ испанцевъ, и намъ

¹) См. объ этомъ Schröder, Studien zu den Grabdenkmälern der römischen Kaiserzeit. *Bonner Jahrbücher*, 108, 61 сл.

²) Ссылки на надписи см. въ указатель къ CIL. II, Suppl. p. 1202. Ср. Sagnat, *Cours d'épigraphie latine*, 254 (мѣсто, любезно указанное мнѣ проф. И. П. Холодникомъ).

³) Ср. объ этомъ Schröder l.l. 62, гдѣ онъ однако не отдѣляетъ этого явленія отъ вышеприведенныхъ греко-римскихъ представлений.

станеть ясно, что мы наталкиваемся здѣсь на мѣстное испанское явленіе, стоящее въ связи съ религіонными воззрѣніями кельтиберскаго населенія Испаніи.

Не мѣсто въ комментаріи къ надписи разбирать вопросъ о связи отмѣченнаго явленія съ другими данными о религіозныхъ воззрѣніяхъ Испаніи. Несомнѣнно одно, что своихъ покойниковъ и ихъ могилы испанцы ставили подъ покровительство верховныхъ боговъ своего Пантеона, среди которыхъ имѣется только одинъ богъ, связанный до нѣкоторой степени съ загробною жизнью—Сераписъ. Важно отмѣтить и пониманіе памятника, какъ коммеморативнаго и почетнаго, а не какъ спеціально надгробнаго. Этимъ, думается мнѣ, объясняется и посвященіе надгробія нашего солдата наиболѣе близкому ему, какъ солдату, богу—Юпитеру.

Достаточно извѣстно, что Юпитера Лучшаго, Величайшаго—оффиціальнаго бога оффиціальнаго Рима—болѣе всего почитали въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ Римъ былъ представленъ главнымъ образомъ римскимъ войскомъ ¹⁾. Посвященія ему находятъ главнымъ образомъ въ лагеряхъ, станціяхъ и постахъ, гдѣ стояли римскія войска (Toutain, l.l., 200). Изъ 497 посвященій, гдѣ дается указаніе на положеніе дедиканта, по счету Toutain 314 исходятъ отъ военныхъ различнаго ранга (Toutain l.l., 205). Ясно, что римскія войска, стоявшія на чужбинѣ, въ отдаленныхъ провинціяхъ, выдѣляли себя изъ остальнаго населенія своей религіозной близостью къ римскому по преимуществу, оффиціально римскому богу, и притомъ, чѣмъ менѣе была развита культурная, муниципальная жизнь данной провинціи, тѣмъ болѣе ставить себя подъ покровительство Юпитера было какъ бы привилегіей этихъ военныхъ господъ и охранителей провинціи. Римскія войска въ провинціи были частью римскаго *imperium*, частью оффиціальнаго господствующаго Рима, и естественно, что и ихъ *devotio* въ силу *usus*'а направлена была главнымъ образомъ въ оффиціальныхъ посвященіяхъ по адресу бога, заботившагося о римскомъ *imperium*, символа этого *imperium*.

Вспомнимъ, что оффиціальное почитаніе Юпитера было столько же привилегіей легионеровъ, сколько и вспомогательныхъ войскъ ²⁾.

¹⁾ См. Toutain, *Les cultes païens dans l'empire romain*. Paris 1907 (Bibl. de l'école de Hautes Etudes, XX), 199.

²⁾ Domaszewski. *Die Religion des römischen Heeres*. *Westl. Zeitschrift* XIV 27 сл.

Но, конечно, для погребавшихъ нашего испанца его компатріотовъ римскій официальный богъ былъ ихъ богомъ въ новой официальной одеждѣ; для Юпитера Лучшаго, Величайшаго обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета къ имени бога—Augustus—не требовалось.

3. Обломанный со всѣхъ концовъ кусокъ мраморной плиты, отполированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. шир. 0,085 м., наиб. выш. 0,055, толщ. 0,02. Сохранившіяся буквы въ 0,03 м. выш. читаются очень ясно. Снимокъ съ эстампажа (№ 318) въ $\frac{1}{6}$.

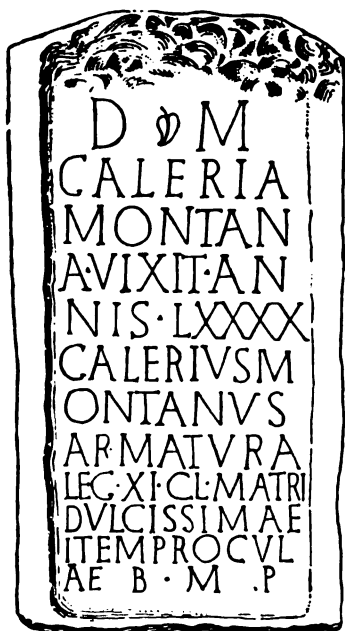
... ir . . . .
 . . . . vix(it) a[nnis] . . . .

О л ь в і я .

4. Плита изъ мѣстнаго мягкаго камня. Найдена въ 1907 г. при раскопкахъ ольвійскаго некрополя въ сѣверной части городской территоріи (раскопъ III, см. планъ, который будетъ приложенъ къ отчету Б. В. Фармаковского) въ склепѣ № 13, гдѣ она служила закладомъ входа въ гробницу. Прислонена была плита ко входу буквами внутрь въ вертикальномъ положеніи и оказалась разбитою на два куска. Края плиты

около площади надписи приподняты и не обдѣланы, выглажена только середина, на которой и вырѣзана надпись изъ 12 строкъ. Высота плиты 0,66 м., ширина 0,34, толщ. 0,115. Высота буквъ въ 1-й строкѣ 0,105 м., въ остальныхъ отъ 0,09 до 0,055 м.

Надъ и подъ DM проведены прямая линія, въ остальныхъ строкахъ линеекъ не видно. Буквы вырѣзаны очень тщательно и читаются совершенно ясно. Снимокъ съ фотографіи ($\frac{1}{16}$).

D(is) m(anibus) | Galeria | Montan|a vixit an | nis LXXXX | Galerius M|ontanus | armatura | leg(ionis) XI Cl(audiae) matri | dulcissimae | item Procul|ae b(ene) m(erenti) p(osuit).

Итакъ Галерій Монтанъ, солдатъ арматуры (см. ниже) XI-го Клавдіева легіона, похоронилъ подъ этой плитой мать свою Галерію Монтану и вмѣстѣ съ нею какую-то Прокулу, очевидно, также принадлежавшую къ составу его familia.

Интересъ нашей надписи заключается въ томъ, что она впервые опредѣленно называетъ намъ солдата изъ ольвійскаго гарнизона съ указаніемъ той войсковой части, къ которой онъ принадлежалъ. Уже изъ другихъ находокъ знали мы, что въ Ольвіи въ III в. и, вѣроятно, раньше стоялъ римскій гарнизонъ (см. мои замѣчанія къ двумъ найденнымъ въ Ольвіи латинскимъ надписямъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 10, стр. 5 сл. и 14 сл.): двухъ солдатъ этого гарнизона называетъ надпись въ честь Филипповъ 248 г. по Р. Хр. (*Изв. I.I.*, стр. 5, п. 4); возможно, что ветеранами были нѣкоторые изъ жившихъ въ Ольвіи римскихъ гражданъ (*ibid.*, 14 и 8).

Африканская надпись (CIL. VIII, 619), называющая командира всѣхъ войскъ, стоявшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, не оставляла сомнѣнія въ томъ, что и Ольвія входила въ число занятыхъ римскими гарнизонами городовъ, и заставляла думать, что ея vexillatio состояла изъ тѣхъ же элементовъ, что и херсонесская. Точныя, однако, данныя доставила намъ только разбираемая здѣсь надпись.

Въ виду этого значенія нашей надписи особенно важно опредѣлить, къ какому времени она принадлежитъ. Въ гробницѣ, закладомъ которой служила плита, найдены были три гроба съ тремя скелетами. Въ рукахъ одного изъ этихъ скелетовъ найдено было 10 монетъ. Монеты эти оказались принадлежащими: одна—Каракаллъ (Cohen ¹⁾ III, 429, 483—216 г.), одна—Элагабалу (Cohen III, 526 п. 91—221 г.), двѣ—Северу Александру (одна—Cohen, IV, 23, 172—230 г., другая точнѣе не опредѣлима), одна—Гордіану (Cohen IV, 137, 109—241 г.), одна—Филиппу Младшему (Cohen IV, 219, 20—245 г.), одна—Отацилін (Cohen IV, 207, 9 или 10), одна—Децію (Cohen IV, 234, 16) и, наконецъ, одна—Валеріану Старшему (Cohen IV, 327, 121) ²⁾. Находка монетъ и сама по себѣ чрезвычайно любопытна: она доказываетъ, что ходячее мнѣніе о разрушеніи Ольвіи въ самомъ началѣ готскаго движенія

¹⁾ Цитирую Cohen'a по первому изданію, бывшему у меня подъ рукой при опредѣленіи монетъ.

²⁾ Одна стертая монета принадлежитъ, вѣроятно, Септимію Северу.

несомнѣнно несостоятельно ¹⁾. Взятіе Ольвіи готами, если и не становится сомнительнымъ, то во всякомъ случаѣ должно быть отнесено ко второй половинѣ III в. Не случайно то, что крупные набѣги борановъ, готовъ, геруловъ и др. начинаются только со времени крупныхъ неудачъ Валеріана. Возможно, какъ я указывалъ и раньше, что Ольвія вообще разрушена не была, а продолжала жить и послѣ захвата ея варварами.

Для вопроса о времени нашей надписи находка монетъ важна постольку, поскольку она не позволяетъ думать о времени болѣе позднемъ, чѣмъ конецъ II в. до Р. Хр. ²⁾. Ко второму вѣку позволяетъ отнести ее и форма буквъ надписи и тщательность ихъ вырѣзки. Другой терминъ даетъ упоминаніе XI Клавдіева легіона. Одиннадцатый легіонъ перешелъ на стоянку въ Мэзію, а слѣдовательно началъ поставлять солдатъ для южно-римскихъ гарнизоновъ только при Траянѣ или Адрианѣ ³⁾. Нашъ солдатъ такимъ образомъ не могъ появиться въ Ольвіи раньше середины II в. Весьма вѣроятно, какъ я предположилъ еще раньше, что и вообще гарнизонъ появился въ Ольвіи не раньше извѣстнаго похода Антонина Пія, косвеннымъ подтвержденіемъ чему можетъ служить и наша надпись ⁴⁾. Любопытно въ надписи и то, что она рисуетъ намъ жизнь солдатъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ. То, что Галерій Монтанъ ставитъ памятникъ своей старушкѣ-матери, заставляетъ думать, либо— что онъ былъ родомъ изъ Ольвіи (въ это время легіоны набирались сплошь въ провинціяхъ), либо что онъ взял съ собою въ отдаленную стоянку, пользуясь своею принадлежностью къ *principales*, свою старушку-мать и, вѣроятно, всю свою семью. И то, и другое въ одинаковой мѣрѣ иллюстрируетъ какъ долговременность пребыванія солдатъ въ извѣстныхъ пунктахъ, такъ и ихъ связь со стоянкой, гдѣ они жили и до Септимія Севера совсѣмъ по домашнему.

Разбираемая надпись даетъ новый примѣръ солдата, принадлежавшаго къ категоріи тѣхъ, которыхъ положеніе обозначается указа-

¹⁾ См. *Извѣстія*, в. 23, стр. 4, ср. 10, стр. 6.

²⁾ Нужно было время для того, чтобы возможно было взять камень съ гробницы и употребить его для другой цѣли.

³⁾ См. В. Filow, *Die Legionen der Provinz Moesien*, 65 (высказывается за время Траяна) и Н. van de Weerd, *Etude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube*, стр. 400 (высказывается за время Адриана).

⁴⁾ Ср. Ж. М. Н. *Пр.* 1900, мартъ, о. кл. фил. с. 144 сл.

ніемъ на ихъ принадлежность къ *armatura*. Роль и назначеніе этихъ солдатъ въ жизни легіона и преторіанскихъ когортъ до сихъ поръ точно не опредѣлены, но нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что передъ нами—солдаты, прошедшіе или проходившіе особый курсъ воинской выучки, можетъ быть для того, чтобы изъ обыкновенныхъ рядовыхъ перейти къ болѣе высокимъ степенямъ. Такое заключеніе позволяетъ сдѣлать возстановленная Домашевскимъ (*Pauly-Wissowa RE. II, 1178*) надпись *CIL. VI, 3736: [ev]oc(atus) Aug(usti) exercit(ator) [ar]maturar(um)*, ср. *VI, 2699* и объясненіе, данное слову *armatura* Лидомъ (*de mag. I, 46: ὀπλομελέτη*). Что солдаты *armatura*, обучаясь сами, обучали и другихъ, вполнѣ возможно, но во главѣ обученія солдатъ стояли, какъ извѣстно, особые *campidoctores* ¹⁾.

М. Ростовцевъ.

---

¹⁾ Объ *armatura*, кромѣ указанной статьи Домашевскаго, см. его же *Die Religion des römischen Heeres*, 32 сл. и *Cagnat, Les deux camps de la légion III Auguste à Lamabèse (Mémoires de l'Académie, XXXVIII, 39, 10)*. Древнѣйшее свидѣтельство объ *armatura* принадлежитъ времени Домиціана: *CIL. XIII, 6895; Dessau, 2362*, ср. *CIL. XIII, 6999*. Часто упоминается *collegium* и *schola armaturarum*, см. *Dessau 2363=CIL. III, 10435 (211—222 p. Chr.); CIL. XIII, 8330*, ср. *Cagnat l.l.* и *Dessau 5902; CIL. X 3344*, особенно часто послѣдняя въ послѣ-Діоклетіановское время, см. *Dessau, 8833* и приведенныя имъ указанія *Notitia dignitatum*. Инструкторами въ легіонныхъ *armатурахъ* были воспитанники преторіанской *armatury*.

*

Три свинцовыя пластинки съ надписями изъ Ольвіи.

Въ коллекціи П. А. Маврогордато въ Одессѣ имѣются, между прочимъ, три свинцовыя пластинки съ греческими надписями, найденныя въ трехъ смежныхъ гробищахъ въ Ольвіи, въ сѣверу отъ большого кургана со склепомъ, открытымъ въ 1902—1903 годахъ Б. В. Фармаковскимъ ¹⁾, около теперешней телеграфной станціи. Занимаясь въ настоящее время весьма затруднительнымъ чтеніемъ надписи на свинцовой пластинкѣ, найденной мною въ Керчи (разобранная часть этой надписи издана въ *Archäologischer Anzeiger* 1907, II, ст. 127 сл.), и стараясь собрать, по возможности, весь до сихъ поръ извѣстный матеріалъ такого рода, найденный въ южной Россіи ²⁾, я обратился къ П. А. Маврогордато съ просьбой разрѣшить мнѣ издать его пластинки съ надписями. Г. Маврогордато съ обычною любезностью прислалъ мнѣ дощечки и разрѣшилъ издать ихъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Арх. Ком-

¹⁾ См. *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 13.

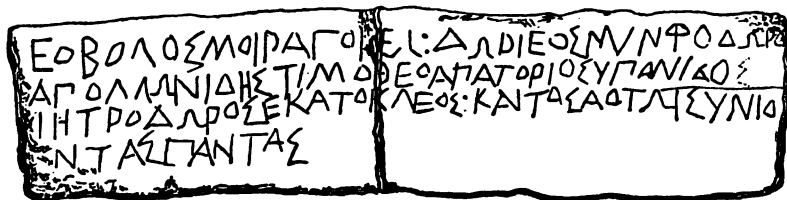
²⁾ О табличкахъ, найденныхъ на югѣ Россіи до 1899 года, трактуетъ статья Е. М. Придика: «Греческія заклятія и амулеты изъ южной Россіи» (*Ж. М. Нар. Просв.*, декабрь 1899, отд. класс. фил., стр. 115 сл.). Съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ только частное письмо на свинцовой дощечкѣ, изданное В. В. Латышевымъ въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 10 сл. (ср. также вып. 14, стр. 138 сл.). Мнѣ кажется страннымъ, что R. Wünsch (*Defixionum tabellae*. Berolini 1897, стр. XVIII, прим. 1) и Aug. Audollent (*Defixionum tabellae*. Lutetiae Parisiorum 1904, стр. 142 и 144. № № 90 и 92) неправильно указали мѣста находки двухъ дощечекъ, найденныхъ въ Керчи. Мнѣ хорошо извѣстно, что дощечка № 90 была найдена въ Керчи и куплена въ 1898 или 1899 году А. В. Новиковымъ у торговца древностями Е. Запорожскаго.

миссиі“, за что я считаю своимъ долгомъ принести ему и здѣсь искреннюю благодарность ¹⁾).

Всѣ три пластинки имѣютъ форму четырехугольниковъ, верхняя и нижняя стороны которыхъ длиннѣе боковыхъ. На самой большой пластинкѣ (№ III) вырѣзано частное письмо, прочія двѣ содержатъ списки проклинаемыхъ лицъ ²⁾.

I.

Свинцовая пластинка выш. 0,03, шир. 0,135 м., сломанная, вѣроятно, при развѣтываніи или чисткѣ на двѣ части; на ней вырѣзаны три полныя строки и приблизительно одна треть четвертой. Слѣдовъ отъ гвоздей нѣтъ. Надпись сохранилась прекрасно и читается безъ всякихъ затрудненій. Послѣ второго и десятого именъ поставлены двоеточія. [Снимокъ исполненъ въ ³/₄].

Εββο(υ)λος Μοιραγόρεω : Δωριεός Μυνφοδώρο(υ),
 Ἀπολλωνίδης Τιμοθέο(υ), Ἀπατο(ύ)ριος Ὑπάνιδος,
 Μητρόδωρος Ἐχатоκλέος : καὶ το(ύ)ς ἀδτῶ: συνιό-
 ντας πάντας.

Эта надпись, представляющая собою весьма интересный образчик ионическаго нарѣчія, отличается отъ подобныхъ аттическихъ заклятій тѣмъ, что въ ней къ именамъ проклинаемыхъ прибавлены имена отцовъ, чего нѣтъ на дощечкахъ, находимыхъ въ Атикѣ. Соединеніе винительнаго падежа съ предшествующими собственными именами, поставленными въ именительномъ падежѣ, напоминаетъ аттическія заклятія, изданныя въ упомянутыхъ сборникахъ Вюнша (№№ 37—39) и Одоллана

¹⁾ [Впослѣдствіи г. Маврогордато, чрезъ посредство автора этой статьи, съ неменьшею любезностью предоставилъ издаваемыя здѣсь пластинки въ полное распоряженіе Имп. Археологической Коммиссіи. *Ред.*].

²⁾ [Тексты надписей представляются въ факсимиле, которыя исполнилъ съ подлинниковъ Н. Е. Макаренко. *Ред.*].

(№№ 60—63); интересную параллель мы видимъ также въ сборникѣ Вюнца въ №№ 42, 44 и 57, гдѣ послѣ ряда собственныхъ именъ, стоящихъ въ имен. падежѣ, слѣдуютъ формулы: *καταδίδημι τούτους ἅπαντας, τούτους πάντας καταδῶ* и пр. Слова надписи *καὶ τοὺς αὐτῶ* (судя по двоеочіямъ, подъ *αὐτῶ* подразумѣвается Еввуль, сынъ Мирагора) *συνιόντας πάντας* равняются по смыслу выраженіямъ: *καὶ τοὺς συμπράττοντας, καὶ τοὺς μετὰ τοῦ δέϊνος πάντας* и пр., извѣстнымъ изъ аттическихъ наговоровъ. Изъ личнымъ именъ, вырѣзанныхъ на дощечкѣ, встрѣчаются впервые на ольвійскихъ памятникахъ: *Εἰβουλος, Μοιραγόρης, Δωριεύς* ¹⁾, *Ἀπολλωνίδης* и *Ἐκατοκλῆς*; вмѣсто формы *Ἰπάνιος*, извѣстной изъ *IosPE. I, 78*, на пластинкѣ ясно читается *Ἰπάνιδος*.

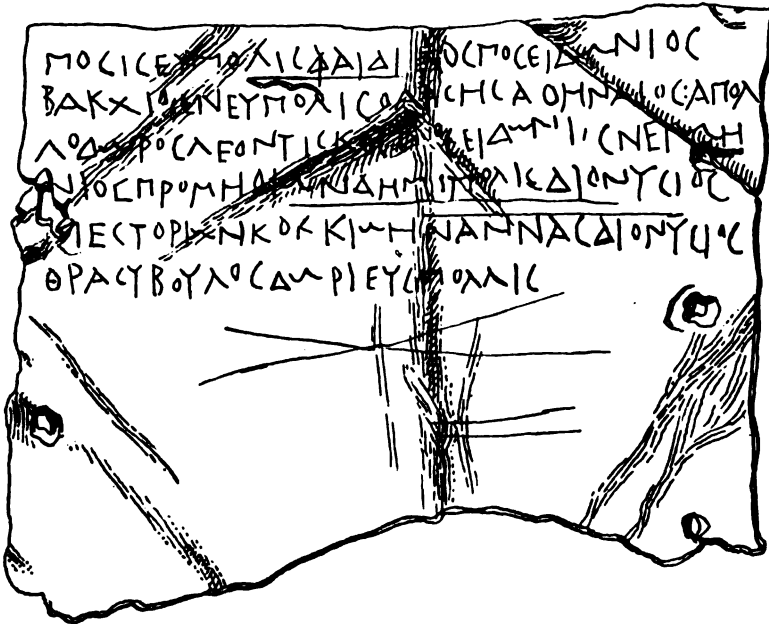
II.

Свинцовая пластинка выш. 0,06—0,075, шир. 0,095 м. Всѣ четыре угла были когда-то загнуты къ серединѣ той стороны, на которой вырѣзаны письма, затѣмъ пластинка была сложена вдвое и по краямъ короткихъ сторонъ пробита тремя гвоздями. Верхняя часть лицевой стороны пластинки покрыта шестью строками прекрасно сохранившейся надписи, содержащей одни имена проблинаемыхъ противниковъ. Подъ серединой первой строки и между четвертой и пятой виднѣются линейки, по которымъ были вырѣзаны буквы надписи. [Снимокъ въ натур. величину см. на стр. 71].

Πόσις, Εἰβουλις, Φαίδιμος, Ποσειδώνιος,
 Βάκχιος, Νεύπολις ²⁾, Θαρσῆς, Ἀθήναιος, Ἀπολ-
 λόδωρος, Λεοντίσχος, Ποσειδώνιος, Νευμή-
 νιος, Προμηθίων, Δημόπολις, Διονύσιος,
 5 Νεστορίων, Κοκχίων, Ναννάς, Διονύσιος,
 Θρασύβουλος, Δωριεύς, Πόλλις.

¹⁾ [По нашему мнѣнію слѣдуетъ читать не *Δωρί(θ)εύς*, какъ читаетъ авторъ. *Δωριεύς* = *Δωριεύς*. Ср. ниже № 2. — В. Л а т ы ш е в ъ].

²⁾ [Вѣрнѣе, кажется, читать: *Βακχίων*, *Εἰβουλις*. В. Л.]

Имена Πόσις, Ποσειδώνιος, Ἀθήναιος, Ἀπολλόδορος, Νευμήνιος (въ другихъ ольвійскихъ надписяхъ встрѣчается въ формѣ Νουμήνιος), Διονύσιος, Θρασύβουλος известны изъ ольвійскихъ эпитафическихъ памятниковъ, остальные встрѣчаются въ Ольвии въ первый разъ. Θαρσῆς равняется Θαρσεάς (Pape-Benseler s. v.) или Θερσῆς (Bechtel-Fick, стр. 140).

III.

Разломанная на двѣ части свинцовая пластинка выш. 0,08, шир. 0,13 м., съ двумя небольшими отверстиями возлѣ нижняго края, служившими, по всей вѣроятности, для продѣванія шнура, которымъ когда-то была связана свернутая въ трубочку пластинка; оба отверстия сдѣланы подѣ надписью, такъ что ни одна буква ими не повреждена. На лицевой сторонѣ нацарапана надпись изъ 13 строевъ, пострадавшая частью отъ излома, частью отъ порчи самой пластинки вслѣдствіе ржавчины, особенно въ нижней части, гдѣ буквы разбираются съ большимъ трудомъ¹⁾.

¹⁾ [Н. Е. Макаренку не удалось разобрать на пластинкѣ всѣ буквы, данныя въ копіи авторомъ. Поэтому признано необходимымъ присоединить къ факсимиле г. Макаренка и копію г. Шкорнила. Снимокъ г. Макаренка сдѣланъ въ $\frac{2}{3}$ нат. вел. Ред.].

Послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось прочитати на пластинкѣ слѣдующее письмо.

1 2 ΠΕΡΣΕΗΜΕΙΣΟΥΓΕΙΝΑΣΚΟΜΕ
 ΝΟΥΤΩΣΕΥΠΟΛΙΚΑΙΔΙΟΝΥΣΙΟΣ
 ΜΑΚΑΡΕΥΣΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ
 ΚΑΔΗΜΟΠΟΛΙΣΩΜΑΙΟΣ
 5 ΗΡΑΓΟΡΗΣΕΠΙΧΙΝΟΝΠΡΑΓΜΑΠΑΡΑ
 ΓΕΙΝΟΝΤΑΙΚΑΙΛΕΠΤΙΝΑΣ
 ΕΠΙΚΡΑΤΗΣΕΣΤΙΑΙΟΣ
 ΕΠΟΤΙΠΡΑΓΜΑΑΡΕΙΝΟΝΤΑΙΕΠΟΤΙ
 ΜΑΜΑΡΤΥΡΙΝΗΣΤΟΙΝΩΗΣΑΝ
 10 Ω ΕΗΜΕΙΣΣΕΝΔΕΜΟΙΑΥΤΟΥΣ
 ΚΑΤΑΣΧΗΣΚΑΙΜΩΛΑΒΗΣΕΠΩΔΕΣΕ
 ΤΕΙΜΗΣΚΑΙΣΑΦΙΣΤΟΝΔΕΙΦ
 ΘΟΝΠΑΡΑΣΚΕ... *verat*

1. [Ω]σπέρ σε ἡμεῖς οὐ γεινώσκομε-
 ν οὐτ' ὡς Εὐπο[λ]ίς καὶ Διονύσιος,
 Μακαρεύς, Ἀρι[σ]τοκράτης
 κα(ι) Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος (ἢ [Ρ]ωμαῖος),
5. Ἡραγόρης ἐπὶ [κα]ινὸν πρᾶγμα παρα-
 γείνονται κ[α]ὶ Λεπτίνας,

- Ἐπικράτης, Ἔστι[α]ῖος
 ἐπ' ὅτι πρᾶγμα [π]αρ(αγ)είνονται, ἐπ' ὅ(ν)τι-
 να μαρτυρίην ο[ῦ]τοι (ἐ)ν(ό)ησαν,
 10. ὦ[δ]ε ἡμεῖς σέ (sc. ἰχετεύομεν), [ῖ]να ἐμοὶ αὐτοῦς
 κατάσχης καὶ μ[ετα]λάβῃς· ἐπ' ᾧδε σέ
 τεμῆσω καὶ σ[οί] ἄριστον δῶ(ρ)-
 ρον παρασκε[υάσω] ¹⁾.

Содержаніе этого анонимнаго письма ²⁾ не вполне ясно; кажется, неизвестный намъ ольвиецъ, боясь неблагопріятныхъ для него показаній перечисленныхъ въ письмѣ лицъ, обращается къ судѣ съ просьбой не допустить ихъ въ судъ или остановить ихъ, за что и предлагаетъ дать взятку.

Въ первой строкѣ въ словѣ γινώσκωμεν сначала было написано Α, затѣмъ было переправлено въ Ω. Въ концѣ предпоследней строки написаны три неясныя буквы, вслѣдствіе чего мое чтеніе δῶρον едвали можно считать правильнымъ; мнѣ кажется, что я вижу слово δίφ|ρον, но я не вполне увѣренъ въ этомъ. Въ 10-й строкѣ, если мое чтеніе вѣрно, надо добавить ἰχετεύομεν или другой подобный глаголъ и примириться съ рѣдкой конструеціей съ ἵνα (ср. Dem. de corona § 155: πρεσβεῦσαι πρὸς Φίλιππον τὸν Μακεδόνα καὶ ἀξιούν, ἵνα βοηθήσῃ; въ заклятіяхъ болѣе поздняго римскаго времени часто встрѣчается выраженіе ἐξορκίζω, ἵνα κтл.: R. Wunsch, Sethianische Verfluchungstafeln aus Rom; Audolent въ ук. соч. стр. 198 сл).

Изъ перечисленныхъ въ письмѣ именъ большая часть встрѣчается въ Ольвиі въ первый разъ: Εὔπολις (ср. № II), Μαχαρέυς, Δημόπολις, Κωμαῖος (Bechtel-Fick, стр. 182), Ἠραγόρης и Λεπτίνας.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о времени, къ которому слѣдуетъ отнести эти три надписи. По характеру письма самую древнюю

¹⁾ [Въ стр. 2-й не лучше ли читать οὔτω;? Возстановленіе 2-й части документа, со стр. 8-й, намъ кажется сомнительнымъ. Не найдя вполне удовлетворительнаго возстановленія для строкъ 8, 9 и половины 10-й, мы предложили бы послѣднюю часть надписи, со 2-й половины стр. 10-й, читать такъ: Ἐ[ῖ]ν δέ μοι αὐτοῦς κ[ατ]άσχη[ς] καὶ [μετα]λάβῃς, ἐπ' ᾧδε σέ τεμῆσω καὶ σ[οί] ἄριστ[ον δῶ]ρον παρασκε[υάσω]. В. Л.]

²⁾ О рѣдкости употребленія свинца въ качествѣ матеріала для писемъ см. замѣчаніе В. В. Латышева въ *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10, стр. 11 и 12.

нужно считать надпись № I: въ ней буквы М N П Σ Φ и Ω имѣютъ форму, указывающую на IV в. до Р. Хр.; къ этому времени подходят также типичные іонизмы, ореографія (ο=ου) и два раза поставленное двоеточіе. Вторымъ по времени является, на нашъ взглядъ, письмо (№ III): съ одной стороны колебаніе между формами буквы Σ и С, а съ другой начертаніе словъ *γεῖνόςκομεν, παραγεῖνονταί и τεμῆσω* (Meisterhans, § 15) наводятъ на мысль, что письмо было составлено въ I в. до Р. Хр. Къ этому же столѣтію относится и надпись № II. Можно даже съ увѣренностью высказать мнѣніе, что обѣ эти надписи относятся къ 1-й половинѣ I вѣка до Р. Хр.: почти полное отсутствіе варварскихъ именъ (изъ 27 именъ только одно *Ναννάς* взято изъ чужого языка) ясно доказываетъ, что надписи были вырѣзаны до разоренія Ольвии гетами, т. е. въ то время, когда въ эту греческую колонію не нахлынула еще масса варваровъ, упомянутыхъ Діономъ въ Борисѣенской рѣчи (ог. XXXVI, р. 48: *σφόδρα ταπεινά τὰ πράγματα κατέστη τῶν ταύτην Ἑλλήνων... καὶ τῶν πλείστων βαρβάρων εἰς αὐτὰς συρруέντων*¹⁾).

Керчь, 12 ноября 1907 г.

В. Шкорпилъ.

¹⁾ В. В. Латышевъ, *Scythica et Caucasica*. I, стр. 172. Ср. его же Исслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвии, гл. V. Новыя данныя о Бурвистѣ, виновникѣ ольвійскаго погрома, заключаетъ въ себѣ Діонисопольскій декретъ, изданный В. В. Латышевымъ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* Мартъ 1896 = G. Dittenberger, *Sylloge I*², № 342.

Ольвійскіе культы.

По статьѣ G. M. Hirst: „The cults of Olbia“ въ „The Journal of Hellenic studies“. London.

[Названная статья представляет достаточно полный сводъ литературныхъ, эпиграфическихъ и нумизматическихъ данныхъ о религиозной жизни Ольвіополитовъ, еще не имѣющійся въ русской литературѣ. Поэтому редакція «Извѣстій», имѣя въ виду, что «Journal of Hellenic Studies» сравнительно мало распространенъ въ русскихъ библиотекахъ, признала желательнымъ дать русскимъ читателямъ, интересующимся судьбами древней Ольвіи, переводъ этой статьи. Сравнительно съ англійскимъ оригиналомъ, въ переводъ внесены слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) помѣщенные въ статьѣ рисунки нѣкоторыхъ ольвійскихъ монетъ по экономическимъ соображеніямъ исключены и замѣнены указаніями на соответствующіе рисунки въ извѣстномъ каталогѣ П. О. Бурачкова; 2) указаны въ подлежащихъ мѣстахъ статьи на русскомъ языкѣ, относящіяся къ Ольвійскимъ культамъ, и 3) эпиграфическія данныя, приводимыя авторомъ, пополнены указаніями на надписи, открытыя въ Ольвіи въ послѣдніе годы, послѣ появленія въ свѣтъ англійскаго оригинала статьи, и изданныя въ разныхъ выпускахъ «Извѣстій». Всѣ эти дополненія и поправки, внесенныя В. В. Латышевымъ, отмѣчены прямыми скобками. *Ред.*].

Часть I ¹⁾.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи авторъ поставилъ задачей свести въ одно цѣлое всѣ дошедшія до насъ, хотя бы и отрывочныя, но достовѣрныя свѣдѣнія, которыя могли бы нѣсколько освѣтить вопросъ о культахъ Ольвіи, — колоніи, основанной Милетанами при устьѣ Борисѡена около 647 г. до Р. X. ²⁾ Но предварительно слѣдуетъ указать вкратцѣ,

¹⁾ The J. H. S. Vol. XXII (1902), p. 245.

²⁾ По Евсевію (Hieron.). Ср. Busolt, Gr. Gesch., т. II², стр. 483, прим. 4. Holm (History of Greece, англ. перев., т. I, стр. 296) говоритъ: «Даты основанія восточныхъ колоній (Милета) требуютъ новѣйшихъ изслѣдованій». Всетаки вышеуказанную дату можно считать приблизительно правильною. См. Страб. VII, 306.

почему Ольвія имѣетъ право на изслѣдованіе, специально ей посвященное. Всѣ вообще греческія поселенія на сѣверномъ берегу Чернаго моря должны были имѣть много характерныхъ чертъ, которыя отличали ихъ отъ греческихъ колоній, основанныхъ въ иныхъ мѣстахъ, но Ольвія, которую можно разсматривать, какъ типичный во многихъ отношеніяхъ городъ данной мѣстности, кромѣ того, несомнѣнно имѣла и свой особый, индивидуальный характеръ. Собственно говоря, Ольвія не была самымъ сѣвернымъ изъ греческихъ поселеній, такъ какъ таковымъ является Танаидъ, при устьѣ рѣки того же имени; но Ольвія настолько превысила эту послѣднюю колонію по своему значенію, что по справедливости должна быть разсматриваема, какъ наиболѣе сѣверный пунктъ, гдѣ греческая цивилизація достигла высокаго развитія. Что въ Ольвіи была высокая культура, это ясно видно изъ повѣствованія Геродота, а также и изъ другихъ источниковъ, которыми мы располагаемъ. Разумѣется, греческая цивилизація подъ сѣвернымъ небомъ должна была носить совершенно иной характеръ, чѣмъ на Средиземномъ морѣ. Не можемъ ли мы, несмотря на длинный рядъ вѣвовъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, выяснить, въ чемъ именно заключалось указанное различіе, и составить себѣ столь же ясное представленіе о гражданахъ Ольвіи, какъ и объ обитателяхъ греческаго Архипелага или Сициліи? По всѣмъ вѣроятностямъ, это—идеаль, котораго мы не достигнемъ, но все же задача является слишкомъ заманчивой, чтобы отказаться отъ попытокъ ея рѣшенія. Теорія Белоха ³⁾, что истинно греческая колонизація была невозможна въ мѣстности, гдѣ маслина и виноградъ либо вовсе не существовали, либо произрастали только въ защищенныхъ мѣстахъ, и что только горькая нужда или жажда наживы могла заставить Грековъ удаляться такъ далеко отъ ихъ южной родины, безусловно не выдерживаетъ критики, по крайней мѣрѣ въ той крайней формѣ, въ какой онъ ее устанавливаетъ. Правда, Геродотъ упоминаетъ о крайней суровости мѣстной зимы (IV, 28), но съ другой стороны онъ съ увлеченіемъ повѣствуетъ о красотѣ и плодородіи Борисеена и его бассейна (IV, 53). Отъ Геродота, конечно, мы имѣемъ описаніе скорѣе матеріальнаго значенія, чѣмъ художественныхъ красотъ рѣки; поэтому, чтобы иллюстрировать красоту, а также коммерческое значеніе Борисеена,

¹⁾ Gr. Geschichte, I. 194, 5.

мы приведемъ отрывокъ изъ описанія современнаго путешественника: „Послѣ того, какъ теченіе рѣки (Днѣпра, т. е. Бориссена) достигаетъ ширины почти въ одну лигу, она развѣтвляется на множество протоковъ, которые извиаются среди лѣсовъ изъ дуба, ольхи, тополя и осины; могучій ростъ этихъ деревьевъ доказываетъ богатство дѣвственной почвы, на которой они растутъ. Группы острововъ, причудливо разсѣкающихъ поверхность водъ, отличаются тою меланхоличной красотой, тѣмъ примитивнымъ характеромъ, который можно встрѣтить только въ обширныхъ пустыняхъ, гдѣ человѣкъ еще не оставилъ слѣдовъ своего пребыванія“¹⁾.

Послѣдняя фраза невольно заставляетъ вспомнить Тысячу Острововъ (the Thousand Islands), а затѣмъ Квебекъ и иныя канадскія поселенія, расположенныя еще сѣвернѣе, гдѣ столь много французовъ проводятъ свою жизнь и дѣлаются основателями колониальныхъ фамилій. Если даже французы, нерасположеніе которыхъ къ колонизаціи общеизвѣстно, могли устраиваться въ Квебекъ, то, конечно, нельзя считать невозможнымъ, чтобы Милетяне и иные Греки обособывались въ Ольвіи, которая, хотя и находится почти на одной широтѣ съ Квебекомъ, но имѣетъ болѣе мягкій климатъ (ср. „лѣса изъ дуба и тополя“ съ малорослыми деревьями и кустами въ низовьяхъ рѣки Св. Лаврентія). При этомъ до Ольвіи можно было доѣхать каботажнымъ плаваніемъ, а не нужно было совершать путешествія черезъ открытый Атлантическій океанъ. Затѣмъ слѣдуетъ принять въ расчетъ и ту отвагу, которая являлась характерной чертой Грековъ и благодаря которой самое несходство „новыхъ мѣстъ“ съ отдаленной родиной являлось дополненіемъ къ привлекательности ихъ. Конечно, типичный аѳинянинъ врядъ-ли сталъ бы съ удовольствіемъ жить въ Ольвіи, подобно тому, какъ настоящій парижанинъ—въ Квебекъ, но вѣдь не всѣ же Греки отличались аѳинскими вкусами. Дальнѣйшее утвержденіе Белоха объ отсталости городовъ сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго въ искусствахъ и литературѣ также требуетъ нѣкотораго измѣненія. Геродотово описаніе (IV, 72) дворца Скила въ Ольвіи, окруженнаго сфинксами и грифами изъ бѣлаго мрамора, отнюдь не указываетъ на равнодушіе къ скульптурѣ; такое же значеніе имѣетъ находка среди развалинъ

¹⁾ Путешествіе г-жи de Hell, приводимое Rawlinson'омъ къ Герод. IV, 53.

Ольвіи пьедестала, который могъ принадлежать статуѣ работы Праксителя ¹⁾).

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на указаніе Ксенофонта объ отправкѣ книгъ на греческихъ корабляхъ къ сѣвернымъ берегамъ Понта Евксинскаго ²⁾. Если говорить о состояніи искусствъ во всей этой странѣ вообще, то будетъ достаточно указать на открытія, сдѣланныя въ могилахъ Керчи, на мѣстѣ древняго Пантикапея, и на замѣчательно красивыя серіи монетъ, чеканенныхъ этимъ городомъ.

Вышесказаннымъ можно ограничиться для выясненія, что Ольвія была греческимъ городомъ съ вполне опредѣленными характерными чертами, которыя даютъ ей полное право служить предметомъ разносторонняго изученія. Предлагаемое изслѣдованіе ограничивается культурами Ольвіи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступаемъ.

Матеріалы, которыми мы располагаемъ для изученія культовъ Ольвіи, могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія 4 категоріи: 1) надписи, 2) монеты, 3) произведенія искусства и т. д., которыя были открыты при раскопкахъ въ мѣстности древней Ольвіи или въ ея округѣ, и 4) свѣдѣнія изъ литературныхъ источниковъ. Однако, всѣ эти матеріалы, будучи, сравнительно, весьма обильными для позднѣйшаго періода исторіи Ольвіи, т. е. послѣ разрушенія города гетами, около 65—60 г. до Р. Х., и послѣдующаго его возстановленія, наоборотъ, очень скудны для болѣе ранней эпохи, именно когда знаніе культовъ имѣло бы громадное значеніе для изученія греческой религіи вообще и характера ея въ различныхъ колоніяхъ—въ частности.

Первый вопросъ, который слѣдуетъ разобрать, это—была ли связь, а если была, то какая, между религіями первыхъ ольвійскихъ колонистовъ и ихъ сосѣдей Скиѳовъ. Были ли усвоены божества и легенды Сарматіи для нуждъ греческой гражданской религіи съ самаго начала, или же Греки покинули Милетъ подъ особымъ покровительствомъ Аполлона и продолжали чтить главнѣйше боговъ родного города, принявъ

¹⁾ Latyschew, Inscr. ant. orae sept. Ponti Eux., I, 145. Loewy, Inscr. Gr. Bildhauer, 76a, p. 383, приводитъ эту надпись изъ сборника Латышева и одобряетъ его идентификацію. Онъ указываетъ, что Плиній (N. H. XXXVI, 22) упоминаетъ объ Эротѣ Праксителя, находившемся въ Паріонѣ на Пропонтидѣ. Письмена этой надписи относятся къ IV-му вѣку до Р. Х.—Ср. у Латышева, IV, 82, мраморный пьедесталъ изъ Херсонеса съ надписью Πολυκράτης ἐπίτορας, съ примѣчаніемъ надателя.

²⁾ Ксенофонтъ, Анаб., VII, 5, 14.

съ эклектизмомъ, присущимъ греческой религіи, въ свой городъ боговъ тѣхъ государствъ, съ которыми они имѣли частыя сношенія? Всякая попытка разрѣшенія этой задачи должна быть основана на детальномъ изученіи отдѣльныхъ культовъ, поскольку то позволяютъ дошедшія до насъ извѣстія о нихъ; но одинъ изъ культовъ настолько важенъ для нашего изслѣдованія, что мы уже здѣсь попытаемся выяснитъ его происхожденіе.

Культъ Ахилла Понтарха былъ стариннымъ и широко распространеннымъ по всему сѣверному побережью Понта Евксинскаго. Островъ Левка былъ главнымъ святилищемъ этого культа, но и въ Ольвіи ему принадлежало выдающееся мѣсто. Мы имѣемъ свидѣтеля существованія этого культа на Евксинѣ въ концѣ седьмого или началѣ шестого вѣка до Р. Х. въ лицѣ Алкея ¹⁾: Ἀχιλλεὺ δ' ἄρ' Ἐκδοίχας μέδεις. Культъ Ахилла на Левкѣ былъ хорошо извѣстенъ Пиндару: ἐν δ' Ἐβζείνῳ πελάγει φαεινὰν Ἀχίλειος ἄσπον (ἔχει) ²⁾.

Каково же было происхожденіе этой ранней локализациі Ахилла на Черномъ морѣ?

Келеръ ³⁾ полагаетъ, что ранніе милетскіе колонисты нашли уже культъ Ахилла прочно установившимся среди туземцевъ своего новаго отечества и переняли его отъ нихъ. Довольно трудно найти свидѣтельства, которыя могли бы быть приведены въ подтвержденіе этой теоріи, и, наоборотъ, много есть фактовъ, которые опровергаютъ ее.

Прежде всего, Геродотъ говоритъ (IV, 59), что единственными боже-ствами, которыхъ почитаютъ Скиѳы, являются во-первыхъ Гестія, во-вторыхъ Зевсъ и Земля, затѣмъ Аполлонъ и Афродита Уранія и, наконецъ, Гераклъ и Арей.

Конечно, Геродотъ не преминулъ бы назвать Ахилла, если бы онъ являлся объектомъ выдающагося культа, въ особенности, когда онъ упоминаетъ о Гераклѣ. Тотъ фактъ, что онъ не говоритъ о культѣ Ахилла въ Ольвіи, разумѣется не равноцѣненъ доказательству. Къ несчастію для насъ, онъ не описываетъ греческихъ колоній на Понтѣ Евксинскомъ, такъ какъ онъ вполне могъ предполагать, что онѣ были уже хорошо

¹⁾ Bergk, Lyrici Gr., 48. B.; приводится у Eustath., ad Dionys. Per., 306.

²⁾ Nem. IV, 49.

³⁾ Mémoires sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont Euxin. S. Pétersb. 1827 (*Mém. de l'Ac. Imp. des sciences*, ser. V, vol. X).

извѣстны его читателямъ; но за то онъ даетъ весьма полное описаніе нравовъ и обычаевъ Скиѳовъ и притомъ такое, которое считаютъ вообще вполне точнымъ по существу. Мы обязаны очаровательной небольшой картинкой Ольвіи, которую оставилъ намъ Геродотъ (IV, 78, 79), исключительно связи ея съ судьбой скиѳскаго царя Скила, и упоминанія о культурахъ ея, несмотря на всю ихъ цѣнность, являются совершенно случайными.

Затѣмъ, неужели можно повѣрить, чтобы Скиѳы и иныя варварскія племена сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго были хорошо знакомы съ подвигами Ахилла или пожелали его обожествить? Подобная теорія совершенно не гармонировала бы со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о характерѣ и религіи этихъ народовъ. Даже если предположить, что Скиѳы обожествили своего туземнаго героя, котораго Греки впоследствии отождествили съ Ахилломъ (предположеніе врядъ-ли допустимое, такъ какъ исторія Ахилла была особенно замѣчательна), то и это предположеніе не могло бы содѣйствовать утвержденію теоріи Келера: вѣдь почему бы Греки тотчасъ усвоили этотъ культъ, еслибы они въ своихъ умахъ уже не установили тѣсной связи между Ахилломъ и Чернымъ моремъ? Необходимо помнить, что здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ немедленнымъ почти смѣшеніемъ греческихъ колонистовъ и туземцевъ, подобно тому, какъ это произошло въ Великой Греціи; изъ свидѣтельства Геродота, писавшаго почти 150 лѣтъ спустя послѣ основанія Ольвіи, мы видимъ, насколько чужды еще были для Грековъ скиѳскіе обычаи. Другое указаніе на чувство племенного различія мы встрѣчаемъ на рисункахъ вазъ, найденныхъ на сѣверномъ побережьѣ ¹⁾. Здѣсь попадаются Скиѳы (если мы должны ихъ такъ называть) чисто русскаго типа, занятые укрощеніемъ коней, или же находящіеся въ обществѣ грифовъ, которыми воображеніе Грековъ населяло сѣверныя степи. Соединеніе этихъ изображеній съ чисто греческими фигурами мифологическихъ сценъ на этихъ вазахъ свидѣтельствуесть, повидимому, о полнѣйшемъ расовомъ различіи.

Тотъ фактъ, что Геродотъ упоминаетъ о женитьбѣ Скила на гречанкѣ изъ Ольвіи, также подтверждаетъ этотъ взглядъ: вѣдь если бы случаи подобныхъ браковъ были обычны, то не стоило бы упоминать о нихъ.

¹⁾ Stephani, Compte rendu de la comm. archéolog. (passim); Antiquités du Bosph. Cim., pl. 45, 46 (ваза Ксенофанта).

Насколько намъ извѣстно, милетскій поэтъ Арктинъ является древнѣйшимъ греческимъ авторомъ, который въ своей поэмѣ „Эіо-пида“ устанавливаетъ посмертное мѣстопребываніе Ахилла на островѣ Левкѣ. Нынѣ Арктина относятъ обыкновенно къ VIII вѣку до Р. Х., т. е. къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ даты принятія для основанія милетскихъ колоній на Черномъ морѣ. Принималъ на время даже эти даты, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ предположить, что въ концѣ VIII вѣка до Р. Х. милетскіе выходцы уже пытали свое счастье на Евксинѣ, гдѣ, при почти полномъ отсутствіи острововъ, Левка особенно рельефно запечатлѣлась въ благодарной памяти греческаго моряка и заняла выдающееся мѣсто въ его морскихъ разсказахъ. Здѣсь былъ готовый матеріалъ для Арктина, точно такъ же, какъ болѣе 2400 лѣтъ спустя „вѣчно безпокойныя Бермуды“, изъ какого-либо матросскаго разсказа, дали Шекспиру матеріалъ для новаго произведенія ¹⁾. Но намъ нѣтъ необходимости строить даже эти предположенія: если Милетяне начали уже предпринимать путешествія на востокъ, то милетскій поэтъ весьма естественно могъ помѣстить мѣстопребываніе Ахилла на мало извѣстномъ Евксинѣ. Острова Блаженныхъ и Элизіумъ являлись термисами съ измѣняющимся уже смысломъ ²⁾ Для поэта-патріота, который, быть можетъ, ясно сознавалъ, что распространеніе его родного государства должно было произойти въ восточномъ направленіи, было вполне естественно помѣстить Блаженный островъ на восточномъ морѣ и такимъ образомъ отдать колонизацію своего города подъ покровительство охраняющаго это море божества. Имя Λεῦκη скорѣе намекаетъ на мифологическій разсказъ; позднѣйшіе путешественники объясняли его скопленіемъ стай морскихъ птицъ на берегахъ его, но врядъ ли можно считать такое объясненіе названія острова достаточно удовлетворительнымъ, между тѣмъ какъ, если островъ Левка былъ уже извѣстенъ въ исторіи, то отождествленіе его съ островомъ, расположеннымъ противъ устья Истра, явилось почти неизбѣжнымъ, такъ какъ на Черномъ морѣ нѣтъ другихъ острововъ.

Однако, нельзя утверждать съ достовѣрностью, что Арктинъ жилъ такъ рано (въ восьмомъ вѣкѣ до Р. Х.). Если же можетъ быть установлено, что онъ жилъ позднѣе, то восточное направленіе его разсказа

¹⁾ Драма «Буря», изданная впервые въ 1623 г.

²⁾ Paul y - Wissow a, Real - Encycl., I, p. 240.

легко объяснить. Гольтъ ¹⁾ относитъ основаніе Синопы къ восьмому вѣку, повидимому, слѣдуя утверженію Евсеія, что Трапезунтъ, колонія Синопы, былъ основанъ въ Олимп. 6,1 (756 до Р. Х.). По мнѣнію Белоха ²⁾, эта дата слишкомъ ранняя: онъ даетъ для основанія Синопы 630-й годъ до Р. Х. Во всякомъ случаѣ начало милетскихъ предпріятій на Евксинѣ можно считать, почти достовѣрно, современнымъ Арктину. Д. В. Менро ³⁾ считаетъ тотъ фактъ, что милетскій поэтъ первый указываетъ на Левку, какъ на мѣстопробываніе Ахилла, показателемъ той выдающейся роли, которую игралъ Милетъ въ дѣлѣ распространенія греческихъ религіозныхъ вѣрованій въ области Чернаго моря. Выборъ Левки помогаетъ „соединить Эфіопиду съ тѣмъ временемъ, когда іоническіе торговые города, изъ которыхъ Милетъ былъ главнымъ, начали усваивать религіозные обычаи, возникшіе послѣ времени Гомера, въ честь національныхъ героев“. Велькеръ ⁴⁾ держится той же точки зрѣнія и цитируетъ Bernhady (II, 153): апоѳеозъ героя на Левкѣ обнаруживаетъ милетскаго поэта.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе придаваемой Ахиллу на Левкѣ подруги, извѣстной подъ разными именами: Медей, Ифигенія и Елены ⁵⁾. Послѣднее, повидимому, является въ позднѣйшихъ разсказахъ и здѣсь не имѣетъ значенія; этотъ мифъ долженъ былъ возникнуть въ ту эпоху, когда начали уже критиковать разсказы Гомера и когда почувствовали необходимость посмертнаго соединенія благороднѣйшаго героя и прекраснѣйшей женщины, хотя они и были разъединены въ земной жизни. Древнѣйшимъ разсказомъ, повидимому, былъ тотъ, по которому супругой Ахилла дѣлается Медей, согласно схолиасту къ Аполлонію Родосскому, Arg. IV, 814: *ὅτι δὲ Ἀχιλλεύς εἰς τὸ Ἠλύσιον πεδῖον παραχθέντος ἔγγηκε Μήδειαν πρῶτος Ἴβουκος εἶρηκε μετ' ὃν Σίμωνίδης.*

Ивика обыкновенно относятъ приблизительно къ 560 г. до Р. Х. Необходимо замѣтить, что здѣсь въ качествѣ мѣстопробыванія героя упоминается Элизіумъ, а не Левка, такъ что, если мы не предпо-

¹⁾ Greek Hist. (англ. перев.), I, гл. XXI.

²⁾ Gr. Gesch. I, гл. VI, стр. 193, прим. 2. Busolt, Gr. Gesch., II², стр. 482. Страб. XII, 516.

³⁾ *Journal of Hellenic Studies* (1884), vol. 5, p. 16.

⁴⁾ Welcker, der Ep. Cyclus. II, p. 221.

⁵⁾ [По вопросу о бракѣ Ахилла на о. Левкѣ ср. статью графа И. И. Толстого (мл.) въ *Журн. М. Н. Пр.*, июнь 1908 г.]

жимъ, что Ахиллова часть Элизіума уже помѣщалась на Левкѣ, то мы не можемъ очень настаивать на нашемъ аргументѣ; но развѣ не представляетъ особой заманчивости предположеніе, что Ахиллъ и Медея были поставлены рядомъ, какъ полубоги, въ представленіи Грековъ наиболѣе тѣсно связанные съ Евксиномъ? Къ тому времени колонизація на Понтѣ Евксиномъ уже продолжалась почти сто лѣтъ, а Ахиллъ являлся ея богомъ-покровителемъ. Родина Медеи и золотое руно, какъ предполагали, находились по направленію къ дальнему Востоку, такъ что, по мѣрѣ того, какъ постепенно раскрывалось Черное море, мнѣя объ Аргонавтахъ неизбѣжно относились къ его берегамъ, такъ какъ въ этомъ направленіи нѣтъ никакого другого моря ¹⁾. Исторія плаванія Арго хорошо извѣстна была уже автору Одиссеи:

οἴη δὴ κείνη γε παρέπλω ποντοπόρος νηῦς
'Αργῶ πᾶσι μέλουσα, παρ' Αἰήταο πλέουσα ²⁾.

Разница та, что здѣсь направленіе западное, если только можно говорить о существованіи востока и запада въ миѣическомъ царствѣ.

Представляется болѣе затруднительнымъ опредѣлить дату того разсказа, по которому Ахиллъ на Левкѣ соединяется съ Ифигеніей,—наиболѣе подходящей для него невѣстой съ современной точки зрѣнія. Разсказъ былъ обработанъ Ликофрономъ, но столь поздній авторъ не имѣетъ большого значенія для нашего изслѣдованія. Повидимому, „Кипріи“ (приблизительно 776 до Р. X.) являются источникомъ того разсказа, по которому Артемида увлекла Ифигенію въ Тавриду, оставивъ вмѣсто нея для жертвоприношенія въ Авлидѣ лань (Proclus, περὶ τῶν Κυπρίων, р. 475, ар. Gaisford, *Herphaest.*: Ἄρτεμις δὲ αὐτὴν ἐξαρπάσασα εἰς Ταύρους μεταχομίζει καὶ ἀθάνατον ποιεῖ· ἔλαφον δὲ ἀντὶ τῆς κόρης παρίστησι τῷ βωμῷ). Разсказъ объ этой замѣнѣ былъ либо неизвѣстенъ Эсхилу ³⁾, Софоклу ⁴⁾ и Пиндару ⁵⁾, либо былъ игнорированъ ими; быть можетъ, на него смотрѣли, какъ на недозволенную версію мѣа, широкому распространенію котораго положилъ начало Еврипидъ ⁶⁾, понявшій всю его драматическую цѣнность. Но мы не имѣемъ доказательствъ того, что разсказъ о посмертной женитьбѣ Ахилла на Ифигеніи и о пребываніи ихъ на

¹⁾ См. Holm, I, р. 117.

²⁾ Hom. *Odyss.* XII, 69, 70.

³⁾ *Agam.* 1390.

⁴⁾ *Electra*, 531.

⁵⁾ *Pyth.*, XI, 22.

⁶⁾ Принимая, что послѣдняя часть «Ифигеніи въ Авлидѣ» принадлежитъ рукѣ Еврипида.

Левѣ былъ извѣстенъ Еврипиду, если только не разсматривать слова Ахилла, обращенныя къ Ифигеніи —

Ἀγαμέμνωνος παῖ, μακάριόν με τις θεῶν
ἔμελλε θῆσειν, εἰ τύχοιμι σῶν γάμων ¹⁾

— какъ примѣръ драматической ироніи, причѣмъ окончательное исполненіе его желанія было извѣстно всѣмъ зрителямъ. Это толкованіе, вѣроятно, покажется искусственнымъ, натянутымъ, но связь между Ахилломъ и Ифигеніей столь естественна, что трудно предположить, чтобы мысль эта не была уже усвоена Греками въ ту эпоху ²⁾.

Къ разбору ольвійскаго культа Ахилла мы обратимся позднѣе и разсмотримъ его настолько подробно, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы. Предварительно мы старались показать правдоподобность того, что миѳическая связь Ахилла съ Евесиномъ—чисто греческаго происхожденія и можетъ быть прослѣжена съ значительной долей вѣроятія до Милета, до самаго ранняго періода милетскихъ предпріятій на Черномъ морѣ, и что она ничѣмъ не была обязана варварскимъ обитателямъ морского побережья.

Повидимому, теорія относительно независимости ольвійской религіи отъ идей, заимствованныхъ у Скиѳовъ, была развита Геродотомъ ³⁾. Онъ говоритъ, что Скиѳы не имѣли ни алтарей, ни изображеній своихъ боговъ, за исключеніемъ Арея. Болѣе того, такъ какъ „алтарь“ Арея былъ устроенъ просто изъ хвороста, а его „изображеніемъ“ (τὸ ἄγαλμα) служилъ старинный мечъ, то врядъ-ли является необходимость дѣлать упомянутое исключеніе и для Арея. Трудно представить себѣ, чтобы религія подобнаго рода могла оказать замѣтное вліяніе на культы чистокровныхъ Грековъ, каковыми являются ранніе ольвійскіе колонисты.

Быть можетъ, уже выяснилось, что мы стремимся представить Ольвію, какъ чисто греческій городъ, подвергшійся ничтожному вліянію со стороны варварскихъ обитателей страны и обязанный тѣми иноземными элементами, которые встрѣчаются въ его религіи, скорѣе своимъ торговымъ сношеніямъ съ азіатскими городами, чѣмъ своимъ сосѣдямъ на европейскомъ материкѣ. Однако, есть два обстоятельства, которыя здѣсь слѣдуетъ принять въ расчетъ. Во-первыхъ, у Геродота имѣется

¹⁾ Iphig. in Aul., 1405.

²⁾ См. Wilamowitz, *Hermes*, XVIII (1883), стр. 250.

³⁾ Геродотъ IV, 59—62 (см. выше).

упоминаніе (IV, 17) объ Ἕλληνας Σκῦθαι, которыхъ онъ помѣщаетъ въ области, лежащей внутри страны отъ Ольвіи. Во-вторыхъ, декретъ въ честь Протогена ¹⁾ упоминаетъ о Μισέλληνας, которые въ числѣ 1500 перебѣжали къ неприятелю. Относительно перваго мѣста, повидимому, является наилучшимъ предположеніе Штейна (ad loc.), что Ἕλληνας Σκῦθαι были Скиѣи, усвоившіе греческіе обычаи благодаря своей торговлѣ съ греческимъ коммерческимъ городомъ. Замѣтимъ, что Геродотъ вполне опредѣленно помѣщаетъ ихъ внѣ города, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и что онъ совершенно не упоминаетъ о казихъ - либо смѣшанныхъ элементахъ въ предѣлахъ самого города. Диттенбергеръ въ своей замѣткѣ по поводу Μισέλληνας декрета Протогена ²⁾ полагаетъ, что и здѣсь, и у Геродота разумѣется смѣшанная раса. Конечно, „Микселины“ должны быть приняты за таковую (иначе врядъ-ли имѣло бы смыслъ самое ихъ названіе); при томъ дата декрета Протогена, вѣроятно, по крайней мѣрѣ на 200 лѣтъ позднѣе, чѣмъ посѣщеніе Ольвіи Геродотомъ, и тогда городъ уже быстро приходилъ въ упадокъ. Но даже въ декретѣ они описываются, какъ τὴν παρώρειαν οἰκοῦντες, и ничто не заставляетъ насъ предполагать, что они находились внутри города или принимали участіе въ его управленіи. Имена, встрѣчающіяся въ надписяхъ, — чисто греческія до самаго времени разрушенія города Гетами. Интересно замѣтить здѣсь, что Діонъ Хрисостомъ въ 36-й рѣчи, описавъ плачевное состояніе Грековъ послѣ разрушенія ихъ городовъ Гетами, приписываетъ возстановленіе Ольвіи ея прежними гражданами предложенію Скиѣовъ, которые весьма сильно ощутили потерю рынка для своихъ продуктовъ. Послѣ взятія города купцы не пріѣзжали болѣе въ Ольвію, ἄτε οὐκ ἔχοντες ὁμοφώνους τοὺς ὑποδεχομένους οὐδὲ αὐτῶν Σκυθῶν ἀξιούτων οὐδὲ ἐπισταμένων ἐμπόριον αὐτῶν κατασκευάσθαι τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον. Это указываетъ, что греческій языкъ и греческіе обычаи не распространились среди окрестныхъ племенъ, и косвенно поддѣрпляетъ обратное предположеніе, а именно, что ольвійскіе Греки врядъ-ли находились подъ большимъ вліяніемъ своихъ сосѣдей Скиѣовъ. Правдоподобнымъ является предположеніе, что отношенія между Греками и варварами были похожи на отношенія Англичанъ къ туземцамъ въ ранніе дни колонизаціи Индіи, когда еще не существовало настоящей территориаль-

¹⁾ Latyschew, IosPE. I, 16 B.

²⁾ Sylloge², 226.

ной юрисдикціи, и когда Англичане находились въ нѣкоторой зависимости отъ ближайшаго туземнаго князя. Сѣноскіе землепашцы, οἱ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπεύρουσι τὸν σίτον, ἀλλ' ἐπὶ πρήσι¹⁾, привозили свой хлѣбъ для продажи въ Ольвію совершенно такъ же, какъ индусскій крестьянинъ приносилъ свой рисъ или индиго въ факторіи Остъ-индской компаніи.

Итакъ, въ настоящемъ изслѣдованіи мы будемъ разсматривать Ольвію, какъ наиболѣе сѣверный аванпостъ греческой цивилизаціи и религіи.

Аполлонъ²⁾.

„Ex diis insignis Apollo προστάτης“ — Воескh, С. I. G. II, p. 87. Согласно этому утверженію Воескh'а, которое, повидимому, оправдывается дошедшими до насъ свидѣтельствами, Аполлону должно принадлежать первое мѣсто при разсмотрѣніи культовъ Ольвіи. Правда, что серіи посвятительныхъ надписей Аполлону Простату, изданныя Латышевымъ (см. ниже), относятся къ болѣе поздней эпохѣ города (ни одна изъ нихъ не древнѣе II или III вѣка по Р. X.), но имѣются двѣ другія надписи съ именемъ Аполлона гораздо болѣе ранняго періода³⁾. Одна изъ нихъ (IosPE. I, 93) относится къ IV вѣку до Р. X. и представляетъ собою отрывокъ, который Латышевымъ дополненъ слѣдующимъ образомъ:

. . . κήϊος Ὁ[λβ:ι]πολίτης (?)

Ἀπ]όλλωνι Ἰ[ητροῖς?]

Повидимому, не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ имя Аполлона; но является ли „Ἰητροῖς“ именно тѣмъ эпитетомъ, который слѣдуетъ дополнить, — объ этомъ можно только предполагать; впрочемъ, онъ встрѣчается въ пантисапейскихъ надписяхъ IV вѣка до Р. X. и въ одной фанагорійской III вѣка до Р. X.⁴⁾

Другая древняя ольвійская надпись, относящаяся къ Аполлону, представляетъ посвященіе Аполлону Дельфинію III вѣка до Р. X. (IosPE. I, 106)⁵⁾.

¹⁾ Геродотъ, IV, 17.

²⁾ [Детальному разбору данныхъ о культѣ Аполлона на сѣверномъ побережьи Чернаго моря посвящены двѣ статьи графа И. И. Толстого (мл.): 1) Культъ Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвіи, *Журн. М. Н. Пр.* за январь 1904 г., 2) Врачъ и Дельфиній въ *Изв. И. Арх. Ком.м.*, в. 14 (1905), стр. 44—53].

³⁾ Также отрывочная надпись, приведенная Латышевымъ (I, 19) и отнесенная имъ ко II вѣку до Р. X., которая, повидимому, содержитъ имя Аполлона.

⁴⁾ IosPE. II, 6, 10, 15, 348.

⁵⁾ [Ср. надпись на киликѣ, изданную гр. И. И. Толстымъ во второй изъ указанныхъ статей: Ἰητρο(ῶ) Δελφινία(ς) ξυνή].

Монеты также ясно указывают на важность культа Аполлона въ Ольвіи. Начиная съ IV вѣка до Р. Х., мы имѣемъ экземпляры монетъ съ изображеніемъ его головы, вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ съ изображеніями какаго-либо другого божества. Напримѣръ, Берлинская коллекція, содержащая 146 ольвійскихъ монетъ, имѣетъ среди нихъ болѣе 30 экземпляровъ съ изображеніями Аполлона.

Происхожденіе спеціальнаго культа Аполлона въ Ольвіи можетъ быть прослѣжено до Милета, гдѣ Аполлонъ считался главнымъ богомъ, а также и естественнымъ патрономъ многочисленныхъ высланныхъ Милетомъ колоній. Этотъ культъ своей устойчивостью въ Ольвіи, возможно, былъ обязанъ связи Аполлона съ мифомъ объ Ипербореяхъ и тому чувству, что онъ былъ подходящимъ богомъ-покровителемъ для наиболѣе сѣверной греческой колоніи. Въ нижеслѣдующемъ, при болѣе детальномъ изслѣдованіи культа Аполлона въ Ольвіи, будутъ разобраны оба вышеуказанныя положенія, какъ о происхожденіи культа изъ Милета, такъ и объ отношеніи Аполлона къ сѣверу.

Желаніе имѣть возможно болѣе раннія извѣстія объ ольвійскомъ культѣ Аполлона Простата придаетъ показаніямъ нѣкоторыхъ ольвійскихъ монетъ I вѣка по Р. Х. особую цѣнность. Когда на этихъ ольвійскихъ императорскихъ монетахъ намъ встрѣчается изображеніе Аполлона, носящее ясный характеръ архаической статуи, мы имѣемъ полное право считать его по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ доказательствомъ существованія древняго культа. Одна изъ такихъ монетъ описана въ каталогѣ Берлинскаго музея ¹⁾.

Лиц. стор.

ΟΛΒΙΟΠΟ . . . .

Голова юноши, вправо; вѣроятно

Аполлонъ.

Æ. 5.

Об. стор.

ΣΑΤΥΔ . . . . . Обнаженный сто-

ящій Аполлонъ en face, пови-

димому, съ модіусомъ или сого-

на muralis; ваза въ правой рукѣ,

большой лукъ со стрѣлой — въ

лѣвой ²⁾.

¹⁾ Beschreibung der antiken Münzen, Berlin, 1838, vol. 1, № 124 въ серіи ольвійскихъ монетъ.

²⁾ [Сходная монета описана у Бурачкова («Общій каталогъ монетъ эллинскихъ колоній на сѣв. берегу Чернаго моря»). Табл. VIII, 178, стр. 73].

Подобная же монета изъ Московской коллекціи приводится В. Ріск'омъ. Обратная сторона ея описана слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

ΔΑΔΟССΑΤΥ. Обнаженный стоящій Аполлонъ en face, съ калаеомъ; въ протянутой правой рукѣ его предметъ круглой формы, а въ лѣвой — лукъ и стрѣла.

Прежде всего на этихъ двухъ монетахъ возбуждаетъ исключительный интересъ присутствіе калаеа ²⁾ на головѣ бога, изъ чего ясно видно, что здѣсь онъ изображенъ въ качествѣ гражданскаго божества. Совершенно невѣроятно, чтобы граверъ монетнаго штемпеля добавилъ этотъ необычный атрибутъ, если бы онъ не копировалъ съ хорошо извѣстной статуи, одною изъ отличительныхъ чертъ которой и являлся калаеъ; при отсутствіи этого отличія рисунокъ монеты не могъ бы быть признанъ за репродукцію этой статуи. Уже одно присутствіе калаеа Ріскъ считаетъ признакомъ, достаточно указывающимъ на большую древность оригинала; болѣе того, онъ признаетъ, что фигура на монетахъ отличается ясно выраженной архаичностью, и полагаетъ, что она имѣетъ тѣсное сходство съ архаической статуэткой Аполлона изъ Наксоса ³⁾, но принимаетъ для нея болѣе древнюю дату, чѣмъ для статуэтки, вслѣдствіе присутствія калаеа. Именно, онъ относитъ фигуру къ началу или, въ крайнемъ случаѣ, къ срединѣ VI вѣка до Р. Х., т. е., къ первому столѣтію существованія города. Во всякомъ случаѣ Ріскъ безусловно признаетъ ее болѣе древнею, чѣмъ Дидимейскаго Аполлона Канаха въ Милетѣ. Для круглаго предмета въ правой рукѣ Ріскъ допускаетъ объясненіе либо гранатаваго яблока, либо коробки для мази, т. е. того-же атрибута, который мы имѣемъ у статуэтки изъ Наксоса; далѣе, въ виду того, что на монетахъ въ лѣвой рукѣ фигуры изображенъ лукъ, Ріскъ полагаетъ, что онъ долженъ былъ также находиться въ лѣвой рукѣ статуэтки, въ особенности потому, что надпись на ней заключаетъ въ себѣ эпитетъ *ἐκρηβόλος*. Тотъ фактъ, что на древнѣйшихъ ольвийскихъ монетахъ встрѣчаются изображенія только головы Аполлона, разумѣется, не имѣетъ отношенія къ вопросу о древности статуи, изо-

¹⁾ Thrakische Münzbilder. *Jahrbuch d. Deutschen Arch. Instit.* XIII (1898), Pl. X, 31.

²⁾ Благодаря любезности Dr. H. Dressel'я изъ Берлинскаго музея, автору удалось получить оттиски монеты № 124 (такъ же, какъ и иныхъ упоминаемыхъ ниже монетъ). На оттискѣ еще яснѣе видно, чѣмъ на рисунокѣ Ріск'а, что головной уборъ есть безъ сомнѣнія калаеъ.

³⁾ См. Roscher's Lexikon. I, 452.

браженной на этихъ императорскихъ монетахъ, такъ какъ въ наилучшій періодъ искусства граверы штемпелей никогда не имѣли обыкновенія просто имитировать статуи на своихъ монетныхъ рисункахъ¹⁾.

Нужно сказать, что Rick только намекаетъ на возможность отождествленія монетнаго изображенія съ Аполлономъ Простатомъ; но, если мы согласимся съ его заключеніями относительно архаическаго характера оригинала для монетнаго рисунка, то увидимъ, что такое отождествленіе сдѣлается почти неизбѣжнымъ. Разумѣется, довольно трудно объяснить сохраненіе статуи при разореніи Ольвіи Гетами, но вѣдь намъ неизвѣстно, сколь велико было это разореніе; кромѣ того, если существовала дѣйствительно культовая статуя Аполлона Простата, то, конечно, должно было существовать много копій ея въ видѣ статуэтокъ. Эти послѣднія, конечно, могли быть легко спасены отъ истребленія, и одна изъ нихъ могла послужить оригиналомъ для гравера штемпеля, при чемъ одного калаоса было вполне достаточно, чтобы указать на отношеніе къ статуѣ.

Серія посвячительныхъ надписей Аполлону Простату, изданныхъ Латышевымъ²⁾, отнесены имъ ко II и III вѣкамъ по Р. Х., т. е. къ временамъ болѣе позднимъ, чѣмъ даты, опредѣленныя Rick'омъ для вышеуказанныхъ монетъ. Всѣ эти приношенія дѣлались стратегами, и, судя по числу сохранившихся надписей, можно предполагать, что дары приносились ежегодно. Для иллюстраціи обычной заключительной формулы ихъ можно привести слѣдующія конечныя строки надписи № 50: ἀνέθηκην φείλην ἀργυρᾶν ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθίας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Среди иныхъ предметовъ, принесенныхъ въ даръ, встрѣчаются золотое ожерелье, серебряная Ника, золотая Ника на серебряномъ пьедесталѣ, [золотой поясъ, треножникъ, статуя мальчика] и т. под. По надписи № 58 стратеги, вмѣсто принесенія обычныхъ даровъ, отремонтировали крышу и стѣну храма Аполлона: ἐπεσκεύασαν τοῦ Ἀπόλλωνος ν[α]οῦ τὴν τε ὀροφὴν [x]αὶ [x]ύκλωθεν τὰ ἐνλει[π]οντα [x]αινίσαντες ὑπὲρ τῆς πόλεως [x]αὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγεί[α]ς. Подъ этой надписью помѣщена эпиграмма, обращенная къ Аполлону, какъ τοῦτότης Φοῖβος, повидимому, въ воспоминаніе какой-то побѣды. Подобнымъ образомъ и № 61 упоми-

¹⁾ P. Gardner, Types of Greek coins, p. 68 sqq.

²⁾ IosPE. I. 50—74; IV. 15—16. [Изв. И. Арх. Ком. в. 10, стр. 4, № 3 и стр. 17, №№ 9, 10; вып. 18, стр. 101 слл., №№ 4—12; вып. 23, стр. 30, №№ 5, 6].

наеть о ремонтѣ храма: ἀνέθηκαν Νείκην χρύ[σ]εον ὑπὲρ τῆς πόλεος καὶ τῆ[ς] ἐαυτῶν ὑγεία[ς]. Ἐπὶ τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκευάσθησαν αἱ στοαὶ τοῦ ναοῦ ἐ[κ] τοῦ δήμουσιου πόρου ¹⁾.

Эти надписи заставляют отбросить всякія сомнѣнія въ томъ, что Аполлонъ Простάτης былъ городскимъ божествомъ Ольвіи въ позднѣйшій періодъ; далѣе, вслѣдствіе устойчивости греческихъ государственныхъ культовъ, а также на основаніи вышеприведенныхъ показаній монетъ, становится вполне основательнымъ предположеніе, что древнѣйшіе колонисты принесли съ собою изъ Милета этотъ культъ, какъ особенно подходящій для людей, намѣревавшихся основать городъ на невѣдомой землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эпитетъ Простάτης однороденъ по смыслу съ эпитетомъ Ἀγυαεύς, присвоеннымъ Аполлону, какъ покровителю тѣхъ, кто входитъ въ домъ и выходитъ изъ него. Въ этомъ смыслѣ Аполлона изображали въ видѣ конической каменной глыбы, установленной передъ дверью дома ²⁾. На одной монетѣ ³⁾ мы видимъ Аполлона, лѣвымъ локтемъ опирающагося на колонну. Повидимому, не будетъ слишкомъ рискованнымъ предположить, что ранніе колонисты Ольвіи привезли съ собою небольшую колонну подобнаго вида, игравшую роль изображенія Аполлона и бывшую религіознымъ символомъ до тѣхъ поръ, пока не была сооружена статуя, послужившая, по предположенію Pick'a, оригиналомъ для стоящей фигуры на монетномъ рисункѣ ⁴⁾. Исихій объясняетъ слово *προστατήριος* существовавшимъ обычаемъ ставить статую (или колонну) Аполлона передъ дверью дома: ὅτι πρὸ τῶν θυρῶν ἵδρотаи. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, вѣренъ ли такой взглядъ на происхождение этого слова или нѣтъ, несомнѣнно эпитеты Ἀγυαεύς и Простάτης имѣютъ, въ сущности, одинаковый

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что титулъ Аполлона Иенпора, изъ другихъ источниковъ неизвѣстный, возникъ изъ послѣднихъ двухъ словъ этой надписи. Bockh. C. I. G. 2072, читалъ послѣднія восемь буквъ надписи, какъ ΙΘΥΠΟΡΟΥ. Латышевъ, въ своемъ комментарий къ этой надписи, указываетъ, что посвященіе относится къ Аполлону Простату, и добавляетъ: «Iam igitur valere iubeamus necesse est Apollinem illum Ithyporum, qui Koehlero duce in omnes libros et commentationes de Olbia scriptas irrepserit».

²⁾ О камняхъ какъ изображеніяхъ божествъ см. замѣтку Frazer'a къ Павс. X. 16, 3; въ частности для Аполлона ср. Аристоф. Осы, 875. Эти изображенія нерѣдко встрѣчаются на монетахъ, напр. монета Амбракин: Head, Hist. Num., p. 270, fig. 181; монета Мегарь: Imhoof-Blumer и Gardner, Num. Comm. on Paus., J. H. S. VI (1885), p. 55. Также Evans, Muc. Tree and Pillar Cult. J. H. S. XXI (1901), I, p. 183, fig. 49.

³⁾ № 135 по Берлинскому каталогу.

⁴⁾ См. P. Gardner, Countries and Cities in anc. Art., J. H. S. IX (1888), p. 51.

характеръ. Достаточно вспомнить слова Дельфійскаго оракула, приводимыя Демосоеномъ (Mid. 531): *περὶ ὑγείας θύειν καὶ εὐχεσθαι διὰ ὑπάτω, Ἴρακλεῖ, Ἀπόλλωνι προστατήριον· περὶ τύχας ἀγαθᾶς Ἀπόλλωνι ἀγυιεῖ, Λατοῖ, Ἀρτέμιδι, καὶ κατ' ἀγυιάς κρατῆρας ἰστάμεν*¹⁾. Затѣмъ, въ словахъ оракула Додонскаго, приводимыхъ въ томъ-же мѣстѣ, встрѣчается слѣдующее выраженіе: *Ἀπόλλωνι ἀποτροπαίῳ βοῦν θύσαι*. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на сходство выраженій „*περὶ ὑγείας*“ въ словахъ оракула и „*ὕπερ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας*“ въ вышеприведенныхъ посвячительныхъ надписяхъ стратеговъ Аполлону Простату.

Эпитетъ *Προστάτης* встрѣчается у Софокла (Trach. 209):

ἐν δὲ
κοινὸς ἀρσένων ἴτω
κλαγγὰ τὸν εὐφარέτραν
Ἀπόλλω προστατάν.

Въ „*Электрѣ*“, ст. 637, Клитемнестра называетъ Аполлона: *Φοῖβε Προστατήριε*; это имя дается также Артемидѣ у Эсхила (Septem. 449): *προστατήριος Ἀρτέμιδος εὐνοίαισι*. Павсаній (I, 44, 2) упоминаетъ о храмѣ Аполлона съ этимъ эпитетомъ въ Мегарахъ (ср. имя *Προστασία*, придаваемое Деметрѣ Павсаніемъ, II, 11, 3). Въ Афинахъ передъ засѣданіями народнаго собранія чествовались жертвоприношеніями Аполлонъ *Προστατήριος* и Артемиды *βουλαία*²⁾. Замѣтимъ также, что въ одной надписи изъ Херсонеса³⁾ имѣется упоминаніе объ Артемидѣ: *ἀ διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα Παρθένος*. Можно привести еще слова Preller-Robert'a⁴⁾: „Nicht selten ist Apollon Agyieus aber auch ein Symbol der städtischen Ansiedlung“. Мы можемъ принять, что именно таковымъ былъ Аполлонъ *Προστάτης* въ Ольвіи; дагѣе, мы можемъ считать грубое изображеніе бога съ калаеомъ на вышеуказанной монетѣ единственнымъ дошедшимъ до насъ изображеніемъ его, какъ божества - покровителя Ольвіи.

Отрывокъ древней надписи, которая могла относиться къ Аполлону *Ἰητρός*, былъ уже приведенъ выше. Нельзя считать за достовѣрное, что

¹⁾ Одинъ аттический памятникъ, приведенный Welcker'омъ (Gr. Götterlehre, vol. I, p. 493), соединяетъ эти эпитеты: C. I. G. 465.

²⁾ C. I. A., II. 390, 392, 408, 417, 431, 432, 459.   ³⁾ InsPE. I. 185.

⁴⁾ Gr. Myth. I, p. 276 sq.

такой культъ существовалъ въ Ольвіи; однако, существованіе его весьма вѣроятно, такъ какъ мы имѣемъ надписи изъ Пантикапея и Фанагоріи (указанныя выше), гдѣ Аполлону придается этотъ эпитетъ ¹⁾. Имя Ἀπόλλων Πατρός встрѣчено на двухъ монетахъ, одна изъ которыхъ описана von Sallet'омъ ²⁾, а другая описана Ламбросомъ ³⁾ и издана Пикомъ ⁴⁾. Эти монеты равнѣ были относимы къ Малой Азіи, но Пикъ полагаетъ, что онѣ происходятъ изъ Аполлоніи на Черномъ морѣ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими приводимыми имъ монетами ⁵⁾. Нынѣ такое приуроченіе принято всѣми нумизматами. Монета von Sallet'a имѣетъ на лицевой сторонѣ голову Аполлона въ лавровомъ вѣнчѣ. Обратная сторона описана слѣдующимъ образомъ: „Стоящій обнаженный Аполлонъ, en face, смотрящій влѣво; правая рука опирается на длинную вѣтвь; въ опущенной лѣвой — лукъ и стрѣла“.

Монета, изданная Ламбросомъ, сходна въ вышеописанной, но имѣетъ полную надпись. Пикъ сообщаетъ, что по составу металла эти двѣ монеты тождественны съ монетами изъ Месембріи. Другія три монеты, съ которыми онъ сравниваетъ эти двѣ, и которыя, по его мнѣнію, несомнѣнно относятся къ Аполлоніи, имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе якоря, а на обратной — стоящую фигуру Аполлона.

Обратная сторона одной изъ этихъ монетъ, относимой Пикомъ къ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., описана слѣдующимъ образомъ: „Стоящій обнаженный Аполлонъ, en face; въ протянутой правой рукѣ сукъ; въ опущенной лѣвой лукъ и двѣ стрѣлы; правая рука, можетъ быть, опирается на колонну“.

Извѣстно, что Лукулль, разграбивъ Аполлонію въ 72 г. до Р. Х., увезъ оттуда колоссальную статую Аполлона, работы Каламида, и поставилъ ее въ Римѣ ⁶⁾. Неизвѣстны монеты, принадлежащія несомнѣнно Аполлоніи, съ этимъ типомъ Аполлона, хотя на императорскихъ монетахъ нерѣдко встрѣчается изображеніе храма съ помѣщенной внутри его культовой статуей стоящаго обнаженнаго Аполлона. Въ виду того, что три монеты съ изображеніемъ якоря относятся къ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., и что архаическій типъ Аполлона не могъ принад-

¹⁾ См. статью Wernicke въ Pauly-Wissowa, Real-Encycl. I, p. 54 [п гр. И. И. Толстого въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 14].

²⁾ *Zeitschr. für Num.* 5. 108.

³⁾ *Bull. de corr. Hell.* 2, 508, 2.

⁴⁾ *Jahrbuch* l. cit. Pl. X. 29, 30.

⁵⁾ *L. cit.* Pl. X. 26—28.

⁶⁾ Страб. 7. 6, 1; Плиніи, N. H. 34, 39; Аппіанъ, *Иллу.* 30.

лежать этому періоду, Пикъ полагаетъ, что эта фигура, по всей вѣроятности, изображаетъ колоссальную статую Каламида. Существованіе въ Аполлоніи культа Аполлона Ἰητήρως было недавно доказано надписью ранняго римскаго періода¹⁾: κτίσας τὴν πόλιν μετὰ τὴν ἔκπτωσιν Ἀπόλλωνι Ἰητρ[ῶ]. Лавровая вѣтвь разсматривается, какъ атрибутъ Аполлона Ἰητήρως, хотя этого нельзя доказать съ достовѣрностью; однако, этотъ атрибутъ имѣется на всѣхъ пяти вышеописанныхъ монетахъ, а въ Пантикапее, на монетахъ котораго не встрѣчается изображеніе бога во весь ростъ, найденъ рельефъ, на которомъ Аполлонъ изображенъ съ длинной лавровой вѣтвью²⁾. Этотъ рельефъ отнесенъ Reinach'омъ къ эпохѣ Каламида; онъ имѣетъ значеніе потому, что эпитетъ Ἰητήρως встрѣчается въ Пантикапее чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ.

Однако, возвратимся къ Ольвиі. Монета № 135 по Берлинскому каталогу, уже упомянутая нами выше, имѣетъ слѣдующій рисунокъ на лицевой сторонѣ: „Стоящій Аполлонъ, en face, смотрящій влѣво; въ правой рукѣ вѣтвь (?), лѣвая опирается на колонну“. На обратной сторонѣ изображена лира³⁾. Такая-же или очень сходная монета приводится Пикомъ⁴⁾. Съ достаточной степенью вѣроятія можно заключить, что предметъ въ правой рукѣ — не что иное, какъ вѣтвь, судя по манерѣ ея держанія рукою; что касается до колонны, то она, повидимому, является атрибутомъ Аполлона Προστάτης или Ἀγορεύς; подобное смѣшеніе атрибутовъ встрѣчается нерѣдко.

Конечно, мы не можемъ считать существованіе въ Ольвиі культа Аполлона Ἰητήρως вполне доказаннымъ исключительно на основаніи сомнительнаго показанія одной монеты и одного фрагмента надписи; но, несмотря на сомнительность этихъ указаній, все-же слѣдуетъ принимать ихъ въ расчетъ, имѣя въ виду господство этого культа на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Имя Аполлона Дельфинія встрѣчается въ надписи, изданной Латышевымъ (I, 106) и отнесенной имъ къ III вѣку до Р. Х.: Ἀγρότας καὶ Ποσίδεος οἱ ἀδελφοὶ τὸν πατέρα Διονύσιον [Ἀπ]όλλωνι Δελφινίῳ ἱερῆσάμενον.

¹⁾ Dumont, Méi. d'arch., p. 459, p. 111, d. 7.

²⁾ Monuments et mémoires, Fond. Piot, tome 2, 57—59, Pl. VII.

³⁾ [Ср. у Бурачкова l. cit., табл. VIII, 180, стр. 73; разница въ монограммѣ архонтскаго званія].

⁴⁾ Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. I. 1, Pl. XI, 20.

Эта надпись представляет собою единственное вполне определенное указание на культ Аполлона Дельфинія въ Ольвіи ¹⁾. Изображеніе рыбы (значеніе его будетъ разобрано нами ниже при разсмотрѣніи культа Деметры) встрѣчается очень часто на ольвійскихъ монетахъ въ качествѣ рисунка обратной стороны; однако, при этомъ на лицевой сторонѣ монетъ часто изображены иныя божества, а не Аполлонъ; въ виду того, что обыкновенно изображается, кромѣ рыбы, стоящій на ней и клюющій ее орелъ, довольно трудно принять это изображеніе за символъ Аполлона Дельфинія. Однако, на нѣкоторыхъ монетахъ у Пива ²⁾, а также на монетѣ № 73 Берлинской коллекціи изображеніе рыбы встрѣчается само по себѣ, при чемъ на лицевой сторонѣ изображенъ Аполлонъ, и въ этихъ случаяхъ рыба могла быть атрибутомъ бога въ этой его роли, хотя болѣе вѣроятнымъ является коммерческое объясненіе.

Дѣло въ томъ, что культъ этотъ былъ широко распространенъ. Страбонъ (IV, 179), повѣствуя о культѣ Аполлона Дельфинія въ Массиліи, говоритъ: „τοῦτο μὲν κοινὸν Ἴώνων ἀπάντων“; также Плутархъ (de soll. anim. 984 A) говоритъ: καὶ μὴν Ἀρτέμιδος γε Δικτύωνης Δελφίνιου τε Ἀπόλλωνος ἱερά καὶ βωμοὶ παρὰ πολλοῖς Ἑλλήνων εἰσίν. Этотъ эпитетъ встрѣчается во многихъ надписяхъ; мы укажемъ здѣсь на двѣ изъ нихъ, относящіяся, подобно ольвійской, къ III вѣку до Р. X. и происходящія изъ Кносса на Критѣ (C. I. G. 2554 и Saueg, Del. 121). На Эгинѣ, Критѣ и Керѣ ³⁾ одинъ мѣсяцъ, повидимому, соотвѣтствовавшій аттическому Аноэстеріону, назывался Дельфиніемъ.

Аполлонъ Дельфиній былъ богомъ, посылавшимъ благопріятную погоду моряку; въ этой роли онъ, по всей вѣроятности, служилъ объектомъ особаго культа въ Ольвіи, богатство и процвѣтаніе которой зависѣло отъ морской торговли. Этотъ эпитетъ Аполлона можно сравнить съ эпитетомъ его Ἐπιβατήριος, въ честь котораго существовалъ храмъ въ Тризенѣ ⁴⁾, и съ эпитетомъ его-же Ἐμβάσιος, которому Аргонавты, по свидѣтельству Аполл. Род. I, 402, воздвигли алтарь.

Относительно существованія въ Ольвіи представленій о грифахъ, существахъ, тѣсно связанныхъ съ культомъ Аполлона, мы имѣемъ извѣстія гораздо болѣе раннія, чѣмъ свидѣтельства вышеупомянутыхъ монетъ

¹⁾ [Ср. надпись на киликѣ, упомянутую выше, стр. 86, прим. 5].

²⁾ Pick, l. cit. Pl. IX, 17, 18.

³⁾ Schol. Pind. Nem. V, 81.

⁴⁾ Paus. II, 32, 2.

или надписей. Именно, еще Геродотъ, описывая дворецъ Скила въ Ольвіи (IV, 79), говоритъ: τὴν περίξ λευκοῦ λίθου σφίγγες τε καὶ γρύπες ἕστασαν. Грифы постоянно встрѣчаются въ живописи на вазахъ, найденныхъ въ области сѣвернаго Евксина; наиболѣе интереснымъ въ этомъ отношеніи предметомъ является вышеупомянутая общеизвѣстная ваза Ксенофанта, на которой туловище грифовъ выкрашено въ синій цвѣтъ, а рога и часть крыльевъ позолочены. Эта ваза была найдена около Пантикапея въ 1836 г. ¹⁾ Хорошо извѣстны грифы пантикапейскихъ монетъ. А. J. Evans ²⁾ прослѣживаетъ связь между грифами и богомъ солнца до египетскаго солнечнаго круга. Онъ указываетъ на микенскіе цилиндры и геммы, на которыхъ встрѣчаются изображенія пары грифовъ, въ качествѣ геральдическихъ опоръ для священной колонны божественнаго пирамидальнаго камня, который, какъ мы видѣли, до поздняго времени неизмѣнно оставался эмблемой Аполлона въ его роли Ἄγριός.

Древнѣйшее упоминаніе о грифахъ было у Гесіода, по показанію схолиаста на Aesch. Prom. 803: (οἱ γρύπες) περί ὧν Ἡσίοδος πρῶτος ἐτεράτευσσато; однако, намъ неизвѣстно, въ какомъ именно сочиненіи Гесіодъ говорилъ о нихъ. Такъ какъ этотъ же авторъ писалъ объ Ипербореяхъ, то возможно, что уже въ столь раннюю пору было предположеніе о существованіи грифовъ по направленію къ сѣверу. Далѣе, мы знаемъ о поэмѣ Аристея Проконнескаго (начало VI вѣка до Р. X. ?), благодаря Геродоту (IV. 13—15), у котораго есть одно мѣсто, имѣющее большое значеніе въ этомъ отношеніи: τὰ ἔπεα ταῦτα τὰ ὡν ὅπ' Ἑλλήνων Ἀριμάσπεα καλέεται. По свидѣтельству Свида, „Аримаспея“ была поэма, написанная гексаметромъ, въ трехъ книгахъ. D ü r g b a c h ³⁾ говоритъ, что извѣстіе объ Аримаспахъ вѣроятно принадлежитъ скиѣскому миѳу, и что у Аристея, повидимому, явилась идея о тождествѣ извѣстныхъ уже въ Греціи грифовъ со сказочными животными, у которыхъ, по фабулѣ, Аримаспы воровали золото.

Но если мы вмѣстѣ съ Эвансомъ прослѣдимъ до самыхъ раннихъ эпохъ соотношеніе между грифами и богомъ солнца, то, конечно, должны будемъ объяснить локализацию грифовъ въ области сѣвернаго

¹⁾ Ant. du Bosph. Cimm., Pl. 45, 46.

²⁾ Mys. Tree and Pillar Cult. J. H. S. 1901. Vol. XI, part. 1.

³⁾ U Darem berg - S a g l i o, s. v. Gryphon.

Евксина существованіемъ мѣна объ Аполлонѣ и Иперборейхъ, о которомъ мы будемъ еще говорить. Въ настоящее время вообще мѣнамъ о солнцѣ не придають довѣрія, но врядь-ли можно объяснить какимъ-либо инымъ образомъ существовавшую съ незапамятныхъ временъ связь Аполлона и Ипербореевъ (δαμόν Ἰπερβορέων. . . Ἀπόλλωνος θεράποντα¹⁾). Смутные рассказы о странѣ, гдѣ въ теченіе части года солнце никогда не заходитъ, должны были проникнуть въ Элладу еще въ очень древнюю эпоху; при этомъ грифами, хорошо извѣстными въ качествѣ спутниковъ Аполлона, по изображающимъ его произведеніямъ искусства, населена была, по представленіямъ Грековъ, именно эта страна чудесъ. Затѣмъ появился Аристей, — Марко Поло древности; мы вполне можемъ вѣрить, что онъ дѣйствительно посѣтилъ описываемыя имъ страны. Но грифы имѣли уже здѣсь свое мѣстопробываніе, и Аристей не могъ бы изгнать ихъ, даже если бы онъ захотѣлъ пожертвовать этой столь художественной чертой поэмы. Повидимому, онъ рѣшилъ изложить рассказъ въ той формѣ, которая впредь была принята, какъ узаконенная версія. (Слѣдуетъ обратить вниманіе на соотношеніе Аристея и Аполлона, указанное Геродотомъ въ рассказѣ о появленіи Аристея въ Метапонтѣ и о приказаніи его жителямъ воздвигнуть алтарь Аполлову и статую ему самому). Съ того времени мѣна о грифахъ и Аримаспахъ приобрѣлъ удивительную обаятельность. Уже отъ Эскила до насъ дошли слѣдующія строки (Prom. 803 сл.):

ὄξυστόμους γὰρ Ζηνὸς ἀκραγεῖς κόνας
 γρῦπας φύλαξαι, τὸν τε μουνῶπα στρατὸν
 Ἄριμασπὸν ἱπποβάμον', οἱ χρυσόρροτον
 οἰκοῦσιν ἀμφὶ νᾶμα Πλούτωνος πόρον.

Мильтонъ („Потер. рай“, II, 948) вдохновляется тѣмъ же мѣномъ:

„As when a gryphon through the wilderness
 With winged course o'er hill or movry dale
 Pursues the Arimasian, who by stealth
 Has from his wakeful custody purloined
 The guarded gold“.

Памятники, на которыхъ имѣются иллюстраціи этихъ легендъ о грифахъ и Аримаспахъ, относятся къ эпохѣ не древнѣе V вѣка до Р. Х.,

¹⁾ Пиндаръ, Олимп. III, 17.

но, какъ мы уже видѣли, въ продолженіе многихъ столѣтій грифы являлись въ искусствѣ мотивомъ, заимствованнымъ съ Востока. По аттическимъ тетрадрахамъ мы знаемъ, что по бокамъ статуи Аполлона въ Дельфійскомъ храмѣ были расположены грифы ¹⁾.

Ктесій, отождествляя грифовъ съ индійскими золотороющими муравьями, упомянутыми Геродотомъ (III, 102), даетъ весьма точное ихъ описание: „γρῦπες, ὄρνεα τετράποδα, μέγεθος ὅσον λόχος, σκέλη καὶ ὄνουες οἷάπερ λέων, τὰ ἐν τῷ ἄλλῳ σώματι μέλανα, ἐρυθρὰ δὲ τὰ ἐν τῷ στήθει“ ²⁾. Павсаній (VIII, 2, 7) добавляетъ еще штрихъ къ ихъ описанію: „ἤδη δὲ καὶ ἄλλα ἤκουσα, τοῖς γρυφὶ στίγματα ὁποῖα καὶ τοῖς παρδάλεσιν εἶναι“.

Со времени мивенскихъ печатей въ качествѣ спутниковъ грифовъ встрѣчаются сфинксы, несомнѣнно также восточнаго происхожденія. Они находились въ связи съ культомъ какъ Діониса, такъ и Аполлона; возможно, что они стояли вокругъ дворца Скила въ Ольвіи, какъ созданія изъ вакхическаго цикла, согласно тому, что Геродотъ повѣствуетъ о посвященіи Скила въ вакхическія мистеріи, бывшемъ въ послѣдствіи причиною его смерти.

О тѣсной связи Аполлона и Ипербореевъ, берущей свое начало, повидимому, въ самыхъ отдаленныхъ эпохахъ древности, не оставившихъ намъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, мы можемъ только упомянуть. Совершенно оставить ее безъ вниманія нельзя, если есть основанія для сдѣланнаго уже заключенія, что устойчивость культа Аполлона въ Ольвіи была отчасти обязана чувству особой пригодности сѣвернаго бога въ качествѣ божества для наиболѣе къ сѣверу расположеннаго греческаго государства, чувству, которое художники по мѣрѣ силъ старались увѣковѣчить. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что среди произведеній искусства, найденныхъ въ этой мѣстности, постоянно встрѣчаются изображенія грифовъ. Безъ сомнѣнія, во времена самой сѣдой древности Греки кое-что знали о странахъ дальняго сѣвера; первыя литературныя указанія въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Одиссеѣ (X, 84—86):

ἔνθα κ' αὔπνοσ ἀνὴρ δοιοὺς ἐξήρατο μισθοῦσ,
τὸν μὲν βουκολέων, τὸν δ' ἄργυρα μῆλα νομεύων·
ἐγγὺσ γὰρ νοκτὸс τε καὶ ἡματὸс εἶσι κέλευθοι.

¹⁾ Furtwängler, Arch. Zeit. 1882, p. 332.   ²⁾ Ktesis, Indica, 12, ed. Bähr.

Сообщеніе Геродота (IV, 33—35) о жертвоприношеніяхъ, послывшихся Иперборейми на Делось, особенно интересно въ этомъ отношеніи, такъ какъ Делось съ древнихъ временъ былъ центромъ іоническаго культа Аполлона и такъ какъ здѣсь мы имѣемъ доказательство очень древнихъ сношеній между сѣверомъ и Эгейскимъ моремъ. Путь этихъ сношеній, по описанію Геродота, долженъ быть внимательно замѣченъ. Проф. Ridgeway а у говоритъ ¹⁾: „Во дни древности единственной дорогой изъ Греціи въ верхнюю Европу была та, которая, начинаясь отъ Додоны, шла черезъ Эпиръ къ верхней части Адриатическаго моря“. Изъ этого слѣдуетъ, что Черное море, повидимому, было неизвѣстно Грекамъ до той поры, когда Милеть началъ колонизацію его береговъ. Нельзя-ли вывести изъ этой связи между „проѣзжей артеріей“, какъ дорогу эту называетъ проф. Ridgeway, и служеніемъ Аполлону, что именно въ этой связи слѣдуетъ искать источнигъ или, по крайней мѣрѣ, древній и замѣтный факторъ, подъ влияніемъ котораго Аполлону были присвоены функціи бога путешествій и дорогъ? Обратимъ вниманіе также на существованіе недалеко отъ Додоны, на Адриатикѣ, города Аполлоніи, служившаго, быть можетъ, станціей на пути Ипербореевъ. Первымъ по этому, повѣствовавшимъ объ Иперборейхъ, по Геродоту и Павсанію (VIII, 21, 3), былъ Олень. Геродотъ говоритъ: οὗτος δὲ ὁ Ὀλὴν καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς παλαιοὺς ὕμνους ἐποίησε ἐκ Λυκίης ἐλθὼν, τοὺς ἀειδομένους ἐν Δῆλῳ. Здѣсь мы видимъ, что въ тѣсное общеніе съ Делосомъ и сѣверомъ введена также Ликія, одна изъ мѣстностей, съ древнихъ временъ связанныхъ съ культомъ Аполлона. Павсаній цитируетъ слова гимна: Ὀλὴν θ' ὃς γένετο πρῶτος Φοίβοιο προφάτας (X, 5, 7). Олена мы можемъ сравнить съ Аристеемъ, который также, повидимому, является одновременно поэтомъ, путешественникомъ и жрецомъ Аполлона. Снова обратимъ вниманіе на связь между „путешествіемъ“ и культомъ Аполлона Ἀρχηγέτης ²⁾, являющуюся выдающейся чертой позднѣе, въ работѣ Дельфійскаго оракула при развитіи колонизаціи.

Алкей ³⁾ говоритъ о томъ, что лебеди доставили новорожденнаго Аполлона въ землю Ипербореевъ. Лебеди были въ числѣ существъ, введен-

¹⁾ Early Age of Greece, I, p. 368.

²⁾ См. у Pauly-Wissowa sub v. Π¹, p. 44 свѣдѣнія о культахъ Аполлона съ этимъ эпитетомъ.

³⁾ Приводимый Имеріемъ. См. Bergk, P. L. G. III, p. 146.

ныхъ въ культъ Аполлона¹⁾. Выше было уже указано на упоминаніе Пиндара объ Иперборейхъ, какъ „служителяхъ Аполлона“; кромѣ того, въ Puth. IV, 5 имѣется указаніе на временное, періодическое пребываніе бога на сѣверѣ: οὐκ ἀποδάμου Ἀπόλλωνος τοχόντος.

Позднѣйшихъ поэтовъ нѣтъ надобности цитировать. Все, чего мы хотѣли здѣсь достигнуть, сводится въ слѣдующему: 1) указать вѣроятность того, что съ теченіемъ времени культъ Аполлона въ Ольвіи усиливался и укрѣплялся, и 2) постепенно сдѣлать очевидной, по даннымъ литературы и искусства, древнюю связь этого культа съ окрестными землями.

Деметра.

Разсмотрѣніе культа Деметры должно слѣдовать непосредственно за разборомъ культовъ Аполлона, такъ какъ есть основанія считать Деметру особой богиней города. Изображенія головы ея часто встрѣчаются на монетахъ; повидимому, принявъ во вниманіе волосья ячменя на „согопа mugalıs“, слѣдуетъ отождествить съ Деметрою типъ Τύχη, существовавшей въ Ольвіи. По поводу видимо совмѣстнаго существованія въ Ольвіи двухъ гражданскихъ божествъ, Аполлона и Деметры, слѣдуетъ вспомнить положеніе Аѣины и Посидона-Эрехея въ Аѣинахъ. Тотъ фактъ, что изображенія Аполлона и Деметры встрѣчаются на ольвійскихъ монетахъ, имѣющихъ одинаковый рисунокъ обратной стороны, заставляетъ признавать вѣроятность бывшей въ Ольвіи ассоціаціи этихъ божествъ, подобной аѣинской. Однако, по всей вѣроятности, Аполлонъ занималъ господствующее положеніе, какъ уже достаточно показываетъ его эпитетъ Προστάτης. Кромѣ того, не лишенъ значенія и тотъ фактъ, что, между тѣмъ какъ многія изъ найденныхъ ольвійскихъ надписей имѣютъ отношеніе къ Аполлону, ни на одной изъ нихъ не встрѣчено имя Деметры²⁾, и изъ всей области сѣвернаго Евксина это имя встрѣ-

¹⁾ Ср. Cic. Tusc. I. 30, 37 (цитата изъ Платона, Phaedo, 85. B): „Itaque commemorat ut cygni, qui non sine causa Apollini dicati sint, sed quod ab eo divinationem habere videantur, qua providentes quid in morte boni sit cum cantu et voluptate moriantur, sic omnibus bonis et doctis esse faciendum“.—См. также Preller - Robert, Gr. Myth. I, p. 243.

²⁾ [В. В. Л а т ы ш е в ъ предположительно восстанавливаетъ имя Деметры въ ольвійской надписи, найденной въ 1904 г. и изданной имъ въ Изв. И. Арх. Ком.и., в. 14 стр. 98, № 4].

чено только на трех пантикапейских надписях¹⁾. Разумѣется, для мѣстности, гдѣ находимые остатки столь фрагментарны, какъ въ Ольвіи, нельзя отсутствіе надписей вообще признавать доказательнымъ, но все же весьма любопытно, что ни одной подобной надписи не было найдено, несмотря на то, что Деметра занимала столь выдающееся положеніе. Но отсутствію надписей можетъ быть противопоставленъ тотъ фактъ, что изображеніе Деметры постоянно встрѣчается въ живописи на вазахъ, происходящихъ изъ этой мѣстности. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что миѣны о Деметрѣ доставили художникамъ болѣе матеріала, чѣмъ какіе-либо иные²⁾. Затѣмъ Геродотъ (IV, 53) говоритъ о существованіи храма Деметры напротивъ Ольвіи; это извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, еслибы не существовало варианта чтенія *Μητρος* вмѣсто *Δήμητρος*, а въ этомъ случаѣ указанное мѣсто Геродота имѣетъ цѣну только какъ возможная поддержка мнѣнію о значеніи культа Деметры въ Ольвіи въ это отдаленное время. Во всякомъ случаѣ, здѣсь несомнѣнно долженъ былъ существовать храмъ Деметры, безразлично, являлась-ли она главной богиней города, или нѣтъ, такъ какъ культъ ея былъ обычнымъ явленіемъ во всѣхъ іоническихъ государствахъ³⁾. Приведемъ здѣсь слова Preller-Robert'a относительно значенія культа Деметры, какъ древне-эллинской богини и какъ богини цивилизаціи⁴⁾: „Die hohe Bedeutung der Demeter für das attische Staatsleben (zeigt sich) deutlich darin, dass sie mit Zeus und Apollon zusammen Schwurgöttin ist sowohl bei politischen Verträgen, als im Eid der Beamten und Richter“⁵⁾. На это слѣдуетъ обратить вниманіе въ виду вѣроятной ассоціаціи Аполлона и Деметры, какъ гражданскихъ божествъ въ Ольвіи.

Ольвійскія монеты съ изображеніемъ головы Деметры подають поводъ къ постановкѣ довольно трудно разрѣшимыхъ вопросовъ. Head⁶⁾ говоритъ, что преобладающимъ изображеніемъ на ольвійскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ является голова Деметры. Однако, это утверженіе

¹⁾ Двѣ изъ нихъ (IosPE. II, 7, 20) относятся къ IV вѣку до Р. X., а третья (ibid. II, 13), съ именемъ Деметры *Θεσιφορος*, — къ III вѣку до Р. X.

²⁾ См. *Compte-rendu*, passim.

³⁾ См. Preller-Robert, *Gr. Myth.* I², p. 754. Относительно другихъ извѣстій о культѣ Деметры въ іоническихъ государствахъ см. Герод. VI, 16 (Эфесъ); IX, 97 (Милетъ); Страб. XIV, 633. Dittenberger, *Sylloge* 2, 655; I. G. A. 501.; Diog. Laert. IX, 43. Athen. II, p. 46, F.

⁴⁾ *Gr. Myth.* I², p. 781.

⁵⁾ См. C. I. A., I, 9, 13; II, 49 в. 578.

⁶⁾ *Hist. Num.* p. 233.

не вполне соотвѣтствуетъ истинѣ. Берлинскій каталогъ даетъ только одну золотую монету изъ Ольвіи (исключая новую монету Фарзоя, № 146) съ изображеніемъ головы Деметры¹⁾. Изъ описанныхъ семи серебряныхъ монетъ (№№ 31—37) только на двухъ мы видимъ голову богини (включая № 37, съ головой Деметры - *Tύχη*).

Въ каталогѣ Британскаго музея описана только одна серебряная монета (№ 1) съ изображеніемъ Деметры. Von Sallet, описывая № 31 по Берлинскому каталогу, говоритъ, что № 1 Британскаго музея является экземпляромъ монеты того-же чекана, изготовленнымъ изъ низкопробнаго серебра, и указываетъ, что очень хорошій экземпляръ изданъ въ *Zeitsch. f. Num.* X, Taf. III. На немъ рисунокъ головы многимъ красивѣе, чѣмъ на экземплярѣ Британскаго музея. Кене, описавшій около 160 ольвійскихъ монетъ, даетъ только 9 монетъ съ головой Деметры, въ томъ числѣ три серебряныя и шесть мѣдныхъ²⁾. Пикъ въ первомъ томѣ своего труда, многократно нами упоминавшемся, даетъ пять таблицъ ольвійскихъ монетъ, на которыхъ, вѣроятно, приведены примѣры каждаго извѣстнаго типа; но, къ сожалѣнію, опись этихъ таблицъ еще не издана, такъ что мы не знаемъ числа существующихъ экземпляровъ каждаго типа монетъ и не можемъ пользоваться помощью издателя при рѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ объ идентификаціи. На таблицахъ Пика помѣщено 108 монетъ, изъ которыхъ только на 17 можно съ достовѣрностью признать изображенія Деметры. Среди этихъ монетъ имѣются двѣ золотыя (единственныя золотыя монеты, имѣющіяся въ коллекціи, если не считать трехъ очень позднихъ) и четыре серебряныя; всѣ остальные — мѣдныя. Такимъ образомъ, утвержденіе Head'a могло быть выражено имъ болѣе рѣзко относительно золотыхъ монетъ, на которыхъ изображеніе Деметры въ раннюю эпоху, повидимому, было единственнымъ типомъ; что же касается серебряныхъ монетъ, то здѣсь мнѣніе Head'a нуждается въ поправкѣ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ добавить, что голова Деметры нерѣдко встрѣчается на мѣдныхъ монетахъ.

Прежде чѣмъ разсматривать различные типы изображеній Деметры, встрѣчающихся на монетахъ, мы полагаемъ, будетъ излишнимъ выяснитъ значеніе пшеничнаго волоса, представляющаго рисунокъ обратной сто-

¹⁾ № 30, табл. II, 18. Похожа на экземпляръ Pick'a, табл. IX, 18, но не одинакова съ нимъ.

²⁾ *Musée du Prince Kotschoubey*, I, p. 64, 65.

роны на многих монетахъ, и пшеничнаго зерна, встрѣчающагося на нѣкоторыхъ (пшеничный колосъ встрѣчается также въ качествѣ клейма). Эти эмблемы часто встрѣчаются съ изображеніемъ рыбы (если ему придать этотъ общій, хотя и не научный терминъ), такъ что разсматривать ихъ слѣдуетъ совмѣстно. Если рисунокъ рыбы представляетъ намъ осетра или стерлядь, рыбъ, столь распространенныхъ въ рѣкахъ южной Россіи, то вполне правильно будетъ признать это изображеніе коммерческой эмблемой; къ этой-же категоріи можно отнести и пшеничный колосъ. Если же рыба представляетъ собою дельфина, то врядъ-ли возможно допустить коммерческое значеніе. Lepoignant¹⁾ признаетъ ее за стерлядь („type de la monette saisissant le poisson sterlet“) и говоритъ, что рисунокъ имитируетъ монеты Синопы. Дѣйствительно, при разсмотрѣннн синопскихъ монетъ, относящихся къ 415 г. до Р. X.²⁾, бросается въ глаза близкое сходство ихъ съ типомъ ольвійскихъ монетъ. По всей вѣроятности указанныя синопскія монеты древнѣе ольвійскихъ, такъ что рисунокъ послѣднихъ могъ быть заимствованъ изъ Синопы. Въ свое время, когда рѣчь будетъ ити о Гелиосѣ, мы уважемъ другой допустимый примѣръ ольвійской монеты съ изображеніемъ, заимствованнымъ изъ Синопы.

Въ каталогѣ Британскаго музея оба эти типа описаны, какъ изображенія дельфиновъ. Несомнѣнно, нѣкоторые типы ольвійскихъ монетъ дѣйствительно имѣютъ изображенія дельфиновъ, напр., типъ обратной стороны экземпляра Пика (Pl. IX. 24), имѣющаго на лицевой сторонѣ, по всей вѣроятности, изображеніе Посидона. Однако, существуютъ монеты и другого типа, напр. у Пика (Pl. IX. 3), гдѣ длинное рыло, положеніе глазъ и прямизна рыбы указываютъ скорѣе на стерлядь, чѣмъ на дельфина. Вообще, будетъ благоразумно признавать дельфина въ тѣхъ изображеніяхъ, гдѣ рыба изогнута, въ особенности въ виду того, что спинной плавникъ, находящійся у дельфина около головы и представляющій характерную черту его, а не осетра, очень ясно изображенъ на большинствѣ ольвійскихъ монетъ этого типа³⁾. Быть можетъ, въ

¹⁾ La monnaie dans l'antiquité, I, p. 158.

²⁾ B. M. Cat. Pontus, p. 95 sq., Pl. XXI, XXII.

³⁾ Если спинной плавникъ является дѣйствительно характерной чертой, то этотъ фактъ можетъ помочь рѣшенію вопроса объ ольвійскихъ монетахъ, имѣющихъ форму рыбы, въ пользу объясненія G. F. Hill'a, что онѣ представляютъ собою выродившееся изображеніе свинокъ бронзы, такъ какъ вообще свинки металла иногда назывались *δελφίς* (ср. французское saumon. Handbook of Gr. and Rom. Coins, p. 3). Особенно замѣтной характеристикой этихъ рыбообразныхъ монетъ является спинной плавникъ сейчасъ-же за головой рыбы.

настоящее время даже невозможно рѣшить, какую именно рыбу граверы ольвійскихъ штемпелей хотѣли изобразить. Мы полагаемъ, не будетъ слишкомъ рискованно заключить, что общая форма монетнаго типа, а именно, морской орелъ на рыбѣ, была заимствована изъ Синопы, и что мысль автора типа колебалась между аллегорическимъ дельфиномъ и чисто коммерческимъ осетромъ. При помощи такой гипотезы можно объяснить значительную разницу въ типахъ этихъ рыбоподобныхъ существъ. Да и трудно отрицать правдоподобность коммерческаго объясненія, разъ мы на одной и той-же монетѣ находимъ хлѣбный колосъ или зерно и изображеніе рыбы и затѣмъ вспомнимъ, что въ числѣ главныхъ предметовъ экспорта Ольвіи были зерно и сушеная рыба ¹⁾. Дельфинъ не являлся наиболѣе очевидной эмблемой Аполлона; равнымъ образомъ не существуетъ увѣренности и въ томъ, чтобы именно дельфинъ былъ избранъ въ дополненіе къ пшеничному колосу, когда имѣлось въ виду представить Аполлона и Деметру вмѣстѣ, какъ гражданскія божества ²⁾. Лицевая сторона этихъ монетъ имѣетъ изображенія иногда Аполлона, иногда Деметры.

Обратимся теперь къ самымъ монетамъ. На золотой монетѣ, данной Пикомъ на табл. IX. 1 вслѣдъ за мѣдными, изображенными на табл. VIII, мы не можемъ съ достаточной ясностью усмотрѣть пшеничныхъ колосевъ въ волосахъ богини, но это происходитъ отъ того, что монета выбита неровно и на ней осталось слишкомъ мало мѣста у макушки головы, гдѣ именно могли бы быть изображены колосья. На обратной сторонѣ изображены орелъ и рыба; надъ орломъ виднѣется пшеничный колосъ. Относительно монетъ № 2 (сер.) и № 3 (мѣдн.) мы можемъ съ большею достовѣрностью заключить, что здѣсь мы имѣемъ изображенія Деметры, такъ какъ на обѣихъ ясно видны въ волосахъ, надъ лбомъ, два пшеничныхъ колоса. Обѣ эти монеты, а также №№ 4, 5, 6, имѣющія

¹⁾ Замѣтимъ, что von Sallet признаетъ голову рыбы, изображенную вмѣстѣ съ хлѣбнымъ зерномъ на обратной сторонѣ № 83-го по Берл. каталогу, за голову осетра. На лицевой сторонѣ монеты имѣется голова Аполлона; монета исполнена въ очень хорошемъ стилѣ и одинакова съ монетой Pick'a, табл. IX, 14.

²⁾ Тунцы на алтарѣ изъ Кизика, описанные Nasluc'омъ (*J. H. S.* XXII, 1902, p. 128), были признаны за таковыхъ на мѣстѣ крестьянами. Было бы интересно знать, отождествить-ли южно-русскій крестьянинъ ольвійское изображеніе рыбы съ осетромъ? Рыба на монетахъ Pick'a, табл. IX, 3 и 22, совершенно не похожа на типичнаго дельфина, изображеннаго, напр., на монетахъ Тарента (см. Gardner, *Tyres of Greek Coins*, Pl. I. 22, etc.).

изображеніе Деметры на лицевой сторонѣ, на обратной имѣютъ изображеніе орла на рыбѣ въ различныхъ видахъ. Относительно этихъ монетъ Von Sallet говорить въ Берлинскомъ каталогѣ подь № 38: „Головы на монетахъ съ этимъ рисункомъ обратной стороны иногда безусловно принадлежатъ Деметрѣ въ легкомъ вѣнѣ, иногда — Аполлону, увѣнчанному лаврами (можетъ быть). Различить ихъ затруднительно вслѣдствіе неаккуратной работы“. Головы №№ 7 и 8 возбуждаютъ большія сомнѣнія. Слѣдующая монета, на которой ясно изображена Деметра, — это № 15. На обратной сторонѣ она имѣетъ рыбу, такъ же, какъ и слѣдующіе №№ 17, 18 и 19. На № 16 мы видимъ какъ рыбу, такъ и пшеничный колось.

Голова монеты № 30 очень сходна съ нѣкоторыми головами изъ тѣхъ, которыя безусловно принадлежатъ Деметрѣ, но здѣсь рисунокъ обратной стороны изображаетъ лукъ въ футлярѣ и топоръ. На табл. X приведены монеты также съ орломъ и рыбой на обратной сторонѣ; изъ нихъ №№ 12 и 13, повидимому, имѣютъ изображеніе Деметры. Остальныя монеты имѣютъ болѣе сомнительныя изображенія.

Затѣмъ идетъ рядъ монетъ, имѣющихъ на лицевой сторонѣ женскую голову въ башенной коронѣ, а на обратной — волѣнопрекленнаго лучника ¹⁾. Ячменные колосья на монетѣ № 16, повидимому, дѣлаютъ отождествленіе Деметры - Τούη несомнѣннымъ, хотя намъ не извѣстенъ другой примѣръ согопа *thugalis* на головѣ Деметры. Обыкновенно согопа *thugalis* составляетъ принадлежность Кибелы и часто — Афродиты ²⁾ и Анаитисъ ³⁾. Артемида изображена въ ней на позднихъ императорскихъ монетахъ Геразы въ сирійскомъ Деваполѣ ⁴⁾ и Херсонеса ⁵⁾. Британскій музей обладаетъ однимъ экземпляромъ изъ подобныхъ ольвійскихъ монетъ (№ 17), описаніе котораго гласитъ слѣдующее: „Голова (богини) города, влѣво, въ согопа *thugalis* и въ ожерельѣ“. Головы Τούη города, или богини города, представ-

¹⁾ Pick, Pl. X, 1—4. Монета табл. X. 1 соответствуетъ № 119 по Берлинскому каталогу. [У Бурачкова изображены сходныя монеты: табл. VII, 152, 154]. Не выражается ли въ выборѣ стрѣлка для рисунка обратной стороны мѣстное чувство, подобно выбору лука и бердыша для Борисенской серіи?

²⁾ Особенно на Кипрѣ, см. Fagnell, Gr. Cults, II, p. 704.

³⁾ Напр. на монетахъ Амастріи въ Пафлагоніи, начала третьяго вѣка до Р. X. См. B. M. Cat. (Pontus).

⁴⁾ Fagnell, Gr. Cults, II, p. 585.

⁵⁾ Von Sallet говорить при описаніи монеты № 4 Берл. кат., табл. I. 6: «Здѣсь Артемида, какъ богиня города, повидимому, имѣетъ сходство съ Τούη, подобно, вѣроятно, Деметрѣ на мѣдныхъ монетахъ Ольвіи (съ лучникомъ на обор. сторонѣ).»

ляютъ собою слишкомъ обычное явленіе на монетахъ, чтобы встрѣтилась надобность въ иллюстраціи, но случай отождествленія ея съ Деметрой, повидимому, единиченъ. Замѣтимъ, что монета, изданная Пикомъ (табл. XI, 1), съ женской головой въ башенномъ уборѣ на лицевой сторонѣ, на обратной имѣетъ изображеніе орла (на рыбѣ?), весьма сходное съ рисункомъ монетъ, имѣющихъ несомнѣнно Деметру на лицевой сторонѣ¹⁾. Последняя ольвійская монета изъ экземпляровъ Пика, а именно, серебряная монета царя Инисмея, имѣетъ голову Τύχη также и на обратной сторонѣ.

Число и разнообразіе этихъ монетъ свидѣтельствуесть о важномъ значеніи Деметры въ Ольвіи, уступающемъ только Аполлону; этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, если вспомнимъ, что главной статьёй торговли въ Ольвіи былъ экспортъ зерна.

Кибела.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію культа Кибелы, не потому, что имѣемъ основаніе считать его особо важнымъ въ Ольвіи, а только по той причинѣ, что мы уже дважды упоминали объ этой богинѣ при разборѣ культа Деметры. Латышевъ даетъ только одну надпись, относящуюся къ этому культу въ Ольвіи, принадлежащую римскому времени²⁾:

[Ἡ δεινα . . .]ωντος τοῦ Διονυσίου
[θυγά]τηρ, Σωκρατίδου γυνή.
[Σωκρ]ατίδης Φιλίνου τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα
Μητρὶ θεῶν ἱερησαμένην.

Имѣется пантивалейская надпись еще III вѣка до Р. Х.³⁾, которую мы можемъ цитировать здѣсь въ доказательство существованія въ этой области культа Великой Матери уже въ болѣе древнія времена: Βασιλεύοντος Παρισιάδου τοῦ Σπартόκου Ἑστιαία Μηνοδώρου θυγάτηρ ἱερομένη ἀνέθηκεν Μητρὶ Φρυγίαι.

¹⁾ Слѣдуетъ различать два типа согопае тугалис: 1) типъ, принадлежащій изображенію Τύχη, и 2) типъ съ покрываломъ, болѣе тяжелый, относящійся къ Кибелѣ. См. по этому вопросу De Koehne (о. cit. p. 68). Опъ относитъ эти ольвійскія монеты къ 250—200 г. до Р. Х., т. е. къ тому времени, когда олицетвореніе Τύχη города сдѣлалось общераспространеннымъ явленіемъ среди греческаго міра.

²⁾ IosPE. I, 107.

³⁾ Ibid. II, 17.

Затѣмъ вышеупомянутое чтеніе „Μητρός“ вмѣсто „Δήμητρος“ (у Герод. IV. 53), въ случаѣ его правильности, конечно, послужило бы доказательствомъ еще большей древности этого культа. Вѣдь ни одна изъ ольвійскихъ надписей, содержащихъ наименованіе какихъ-либо божествъ, не можетъ по древности своей быть сравниваема съ посѣщеніемъ Ольвіи Геродотомъ, такъ что онъ является для насъ наиболѣе древнимъ авторитетомъ относительно всего того, что касается культовъ города.

Пикъ ¹⁾ даетъ одну монету съ изображеніемъ головы Кибелы. Повидимому, монета эта крайне рѣдка, такъ какъ подобнаго экземпляра въ Берлинской коллекціи не имѣется, а Кёне ²⁾ описываетъ только одинъ, во всей вѣроятности тождественный съ экземпляромъ Пика:

Лиц. ст.

Голова, покрытая покрываломъ, спадающимъ назадъ; на головѣ согопа muralis; сзади головы, въ видѣ контрмарки, вѣтвь.

Обр. ст.

ΟΛΒΙΟ — ΠΟΛΙ

Τιμπανή.

Æ. 2¼.

Во всякомъ случаѣ, изображеніе Кибелы является часто встрѣчающимся типомъ на монетахъ императорскаго періода изъ области сѣвернаго Еввсина. У Пика приведены (табл. XVIII) многочисленные экземпляры, на которыхъ имѣются полныя изображенія богини; особенно интересенъ № 14, — монета изъ Истра, гдѣ очень отчетливо изображены львы подъ ея трономъ. Кёне ³⁾ упоминаетъ о находкѣ въ Пантикапеевѣ колоссальной сидячей статуи Кибелы, которой весьма точно соответствуетъ изображеніе на монетѣ; поэтому почти навѣрное можно заключить, что монетный рисунокъ является копіей со статуи. Аѳинская статуя Матери боговъ, произведеніе Фидіа ⁴⁾, повидимому, не имѣла украшенія въ видѣ согопа muralis. Арріанъ ⁵⁾ не упоминаетъ о послѣдней среди прочихъ атрибутовъ; затѣмъ, ея нѣтъ на многочисленныхъ аттическихъ обѣтныхъ рельефахъ, для которыхъ эта статуя должна была послужить оригиналомъ ⁶⁾. Культъ Кибелы въ различныхъ

¹⁾ Pl. X. № 35. [Монета описана также у Бурачкова, l. cit. табл. VII, 151, стр. 68. Бурачковъ относитъ эту монету къ типу Деметры].

²⁾ L. cit. p. 66.   ³⁾ L. cit. p. 67.

⁴⁾ Фидію приписывается она Павсаніемъ (I. 3, 5) и Арріаномъ; по Плинію (N. H. 36, 17), авторомъ былъ Агоракритъ. Богиня представлена съ кимваломъ въ рукѣ и со львами подъ трономъ.

⁵⁾ Periopl., p. 9.   ⁶⁾ Stephani, Heracl. p. 67.

его видахъ такъ тѣсно соприкасался съ культурами другихъ богинь, что разграниченіе ихъ нерѣдко представляетъ нелегкую задачу. Кибелу почитали, какъ основательницу государствъ и городовъ, стѣнами которыхъ ее украшали, какъ короной, на подобіе Сирийской Астарты; отсюда происходятъ ея наименованія „mater turrigata“ или „turrigera“¹⁾.

Ч А С Т Ъ II ²⁾.

А ф р о д и т а.

Относительно культа Афродиты въ Ольвіи мы не имѣемъ извѣстій ни литературныхъ, ни нумизматическихъ, но зато до насъ дошла одна надпись³⁾ выдающагося интереса:

[Ἀφρο]δίτη: Εὐπλοίαι

[Ποσ]ίδεος Ποσιδείου

χαριστήριον.

Эта надпись относится въ первому вѣку по Р. X.; несомнѣнно, Посидей, сынъ Посидея, тождественъ съ тѣмъ лицомъ, которое посвящало приношенія въ Неаполѣ⁴⁾ Зевсу Атабирію, Аѳинѣ Линдіи и Ἀχιλλεΐ νήσου [μεδέοντι]. Воескh⁵⁾ полагаетъ, что этотъ Посидей былъ родомъ съ о. Родоса, безъ сомнѣнія по причинѣ посвященій Аѳинѣ Линдіи и Зевсу Атабирію, а также потому, что Афродита Εὐπλοία была чтима въ Книдѣ.

Эта надпись имѣетъ особое значеніе, такъ какъ эпитетъ Εὐπλοία встрѣчается очень рѣдко. Павсаній⁶⁾, описывая храмъ Афродиты, построенный Конономъ въ Пиреѣ, около моря, въ память морской побѣды его при Книдѣ, говоритъ, что въ Книдѣ были три храма Афродиты: „νεώτατον δὲ ἦν Κνιδίαν οἱ πολλοί, Κνίδιοι δὲ αὐτοὶ καλοῦσιν Εὐπλοίαν“⁷⁾.

¹⁾ Verg. Aen. VII, 785; Ovid. Fast. IV, 219. См. O. J a h n, Arch. Zeit. 1864, 174. А. З, гдѣ онъ говоритъ, что «corona muralis», по всей вѣроятности, перешла въ Грецію изъ Азіи (Böttiger, Kunst-Myth. I, p. 286). Когда она сдѣлалась общераспространенной здѣсь, неизвѣстно. См. также A. J. E v a n s, Mus. Tree and Pillar Cult, J. H. S., vol. XXI (1901), p. 166.

²⁾ J. H. S. Vol. XXIII (1903), p. 24. ³⁾ IosPE. I. 94.

⁴⁾ Ibid. I, 242, 243, 244. ⁵⁾ C. I. Gr. II, 2103. b. ⁶⁾ I. I, 3.

⁷⁾ Замѣтимъ, что F a g n e l l (Gr. Cults, II, p. 689) поддерживаетъ взглядъ, что книдская статуя Праксителя изображала Афродиту Εὐπλοία.

Павсаній не даетъ указаній, что храмъ Конона въ Пиреѣ былъ посвященъ Афродитѣ *Εὐπλοία*, но одна надпись ¹⁾, открытая въ Пиреѣ, дѣлаетъ возможнымъ такое предположеніе. (Вообще для эпитета „*Εὐπλοία*“ мы не имѣемъ ни одного эпиграфическаго указанія, которое относилось бы къ столь ранней эпохѣ, какъ время Конона). Надпись эта читается слѣдующимъ образомъ:

Ἄργεῖος Ἄργείου Τριχο[ρούσιος]
στρατηγῆσας ἐπὶ τῶν Πειρα[ιᾶ]
Ἀφροδίτῃ Εὐπλοίᾳ τ[ύχη] ἀγαθῇ?
ἀνέθηκεν.

Упоминаемый здѣсь Аргей былъ архонтомъ въ 97—96 гг. до Р. Х.²⁾ Кромѣ этой надписи и вышеприведенной ольвийской, намъ извѣстны только двѣ надписи, въ которыхъ встрѣчается этотъ эпитетъ Афродиты. Одна изъ нихъ ³⁾, происходящая изъ Эгеи въ Киликіи и относящаяся къ I вѣку до Р. Х., представляетъ собою совмѣстное посвященіе Афродитѣ *Εὐπλοία* и Посидону *Ἀσφάλειος*. Другая надпись изъ Миласъ ⁴⁾, по всей вѣроятности, болѣе поздней эпохи; она относится къ *ἱερὸς Ἀφροδίτης Εὐπλοίας*. Однако, нѣкоторые аналогичные эпитеты извѣстны изъ надписей; напр., одна надпись III вѣка до Р. Х. изъ Тризена ⁵⁾ даетъ имя τᾶς Ἀφροδίτας τᾶς ἐμ Βάσσαίς, а на другой надписи римскаго періода изъ Пантикапея ⁶⁾ мы находимъ стояція рядомъ имена Афродиты *Ναυαρχίς* и Посидона *Σωσίμεος* ⁷⁾.

Слово *ΕΥΠΛΟΙ* найдено на геммѣ, на которой изображенъ Эротъ, плывущій на дельфинѣ ⁸⁾. Извѣстна также надпись на лампѣ, имѣющей

¹⁾ С. I. A. II³, 1206.

²⁾ Слѣдуетъ отмѣтить странную ошибку Fagnell'я (Gr. Cults. II, p. 733), который относитъ эту надпись къ концу IV вѣка до Р. Х.

³⁾ С. I. G. 4443.

⁴⁾ Μουσ. καὶ βιβλιοθ. Σμύρνης 1875, p. 50; В. С. Н. V (1880), 108; XII (1888), 30.

⁵⁾ Collitz, Dial. - Inschr. 3364 b.

⁶⁾ IosPE. II, 25.

⁷⁾ Относительно этой связи съ Посидономъ ср. Paus. VII, 24, 2: πρὸς θαλάσσης Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Αἰγίῳ καὶ μετ' αὐτὸ Ποσειδῶνος, а также «Compte rendu» 1881, 134—5, 1877, 246 sq. и Атласъ, табл. V, № 1, гдѣ Афродита изображена на вазѣ съ дельфиномъ. С. I. G. 7390 даетъ надпись на чернофигурной вазѣ, гдѣ Посидонъ изображенъ въ повозкѣ вмѣстѣ съ женщиной: «Ἀφροδίτης, Ποσειδῶνος. Ποθοκλῆς καλός».

⁸⁾ С. I. G. 7309; къ этому комментарий Воеск'а: «pertinuit ad navigationem in pelago amoris».

форму судна¹⁾: „Εὐπλοια λαβέ με τὸν Ἥλιοσέραπιν“²⁾. Welcker³⁾ цитирует Schneidewin'a и одобряет его исправление Архилоха⁴⁾:

πολλὰ δ' εὐπλοκάμου Εὐπλοίης ἀλὸς
ἐν πελάγεσσιν θεοσάμενοι γλυκερὸν νόστον.

Болѣе детальное разсмотрѣніе культа Афродиты Εὐπλοια было бы здѣсь не уместно. См. объ этомъ Fagnell, vol. II, p. 636, 689 sq.

Афродита Ἀπάτουρος.

Такъ какъ надпись, посвященная Афродитѣ Εὐπλοια, относится къ болѣе позднему времени, мы должны также обратить вниманіе на надписи изъ другихъ мѣстностей сѣвернаго Евксина, имѣющія отношеніе къ культу Афродиты.

Древнѣйшая надпись изъ Сарматіи⁵⁾, относящаяся къ V вѣку до Р. X., представляетъ собою посвященіе Афродитѣ Ἀπάτουρος; найдена она около р. Кубани. Позднѣйшая фанагорійская надпись⁶⁾ заключаетъ въ себѣ посвященіе Афродитѣ Ἀπατουριάς. Къ этому-же культу относятся двѣ пантикапейскія надписи. Первая изъ нихъ, быть можетъ, I вѣка до Р. X.⁷⁾, содержитъ слова: „ἀνέθηκ[αν τὴν στή]λη[ν] Ἀφροδ[ε]ίτη Οὐ[ραν]ία Ἀπατούρ[ου] μεδεούση“.

Объ Ἀπάτουρον упоминаетъ Страбонъ (XI p. 495): „Ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου“. Подобные вышеприведеннымъ эпитеты имѣются и въ другой пантикапейской надписи⁸⁾, относящейся къ римскому періоду. Мы считаемъ полезнымъ привести также одну надпись изъ Фанагоріи⁹⁾, IV вѣка до Р. X.: Δῆμαρχος Σχούθεω ἀνέθηκεν Ἀφροδίτ[η]ι Οὐρανίηι Ἀπατούρο(υ) μεδεούσηι ἄρχοντος Δεύκωνος Βοσπύρ[ο]υ καὶ Θεοδοσίης.

Относительно этого проявленія характера Афродиты см. Preller-Robert'a¹⁰⁾, который, повидимому опираясь на эту надпись, утверждаетъ,

¹⁾ C. I. G. 8514.

²⁾ Не будетъ-ли кстати, имѣя въ виду, что Посидей былъ родомъ съ о. Родоса, замѣтить, что на этой лампѣ изображенъ солнечный дискъ? «In extrema navicula caput radiatum Solis, quale esse solet in nummis Rhodiorum» (Boeckh.).

³⁾ Gr. Götterlehre, II, p. 706.

⁴⁾ Zeitschr. f. d. Alterth. 1845. S. 166.

⁵⁾ C. I. G. 2133. IosPE. II, 469.

⁶⁾ Ibid. II, 352.

⁷⁾ IosPE. II, 19.

⁸⁾ Ibid. II, 28.

⁹⁾ Ibid. II, 347. Другая надпись — въ IosPE. IV, 418 (IV-ый вѣкъ до Р. X.).

¹⁰⁾ Gr. Myth. I, p. 378.

что въ Фанагоріи не отличали Афродиту 'Απάτορος отъ Афродиты Ούρανία, и обращаетъ вниманіе на господство культа Афродиты по берегамъ Чернаго моря, какъ племенной богини¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Херсонесѣ Таврическомъ найдено много изображеній Афродиты, преимущественно терракотовыхъ, объ одномъ изъ которыхъ мы въ своемъ мѣстѣ упомянемъ. Fagnell²⁾ рассматриваетъ этотъ утонченный культъ богини-покровительницы семейной жизни, какъ имѣющей естественный греческій характеръ развитія. Не видимъ-ли мы въ этомъ мнѣніи Fagnell'я еще одного дополнительнаго доказательства чисто греческаго характера колоній, расположенныхъ на берегахъ сѣвернаго Евксина? Добавимъ еще, что въ іоническомъ календарѣ одинъ изъ мѣсяцевъ назывался 'Απατορέων³⁾.

Что-же касается свидѣтельствъ объ интересующемъ насъ культѣ въ произведеніяхъ скульптуры, то, повидимому, мы должны согласиться съ Fagnell'емъ. Онъ справедливо говоритъ (стр. 705), что мы не имѣемъ несомнѣннаго скульптурнаго изображенія Афродиты, какъ богини племени или гражданской общины, если не признать подлиннымъ рельефъ съ надписью Θεο Απατορο, упомянутый нами выше. Этотъ рельефъ изображаетъ Афродиту съ Эротомъ и Ареемъ; стиль его находится въ совершенной дисгармоніи съ датой надписи... Скульпторъ не нашелъ иного способа изобразить Афродиту богиней племени, какъ только добавивъ фигуру Арея—для идеи брака и фигуру Эрота—для идеи любви; не будь надписи, никто не могъ бы признать здѣсь богиню 'Απατορη. Стефани⁴⁾ принимаетъ одинъ терракотовый рельефъ за изображеніе Афродиты 'Απάτορος, но, повидимому, это произошло вслѣдствіе того, что онъ считаетъ „'Απάτορος“ и „Πάυδημος“ эпитетами равнозначущими. По его описанію, на рельефѣ изображена богиня, одѣтая въ хитонъ и гиматій и покрытая покрываломъ; она сидитъ на козлѣ, быстро бѣгущемъ въ правую сторону отъ зрителя; внизу рѣзвится пара козлятъ, что указываетъ на Афродиту, какъ богиню производительной силы. Присутствіе находяща-

¹⁾ Слово 'Απάτορος произошло, конечно, отъ іоническаго праздника 'Απατορία.

²⁾ Gr. Cults, II, p. 656 sq.

³⁾ См. Pauly-Wissowa п. сл. «Apaturon», I. p. 2680. Одинъ изъ ольвійскихъ мѣсяцевъ также носилъ это названіе. См. IosPE. I, 28.

⁴⁾ Comptes rendus 1859, p. 126. Атл., табл. IV, № 1. Fagnell, Gr. Cults, II, p. 686, прим.

гося за богиней Эроты и летящаго впереди голубя доказываетъ, что изображенная здѣсь богиня—несомнѣнно Афродита, представленная, по словамъ Стефани, въ ея роли „'Απάτορος“ или „Πάνδημος“. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ онъ считаетъ вазовое изображеніе Афродиты на козлѣ образомъ Афродиты 'Απάτορος и приводитъ для сравненія хорошо извѣстную статую Скопаса. Но, въ виду того, что, по нашему мнѣнію, эпитеты „'Απάτορος“ и „Πάνδημος“ совершенно различны, разсмотрѣніе здѣсь указанныхъ типовъ Афродиты мы считаемъ излишнимъ.

Замѣтимъ, что имя 'Απατόριος часто встрѣчается, какъ собственное, въ надписяхъ изъ области сѣвернаго Евксина; между прочимъ оно имѣется въ одной ольвійской надписи, относящейся къ V вѣку до Р. Х., одной изъ двухъ надписей, извѣстныхъ отъ столь древняго времени ²⁾.

Афродита Οὐρανία.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ эпитетѣ Афродиты—Οὐρανία, встрѣчающемся въ трехъ фанагорійскихъ надписяхъ IV вѣка до Р. Х. ³⁾ и въ двухъ позднѣйшихъ пантикапейскихъ ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ надписяхъ, за исключеніемъ одной (II, 347), эпитетъ Οὐρανία соединенъ съ 'Απάτορος. Здѣсь можно вспомнить Геродота, который говоритъ (IV, 59), что Афродита Уранія была однимъ изъ божествъ, чтимыхъ Скиѳами, и была извѣстна у нихъ подъ именемъ Артимпасы. Впрочемъ, если справедливо наше предположеніе, что скиѳскіе религіозные или какіе-либо иные обычаи оказывали лишь весьма незначительное вліяніе на Ольвію въ древнѣйшій періодъ ея существованія, то свидѣтельство Геродота не имѣетъ особаго значенія. Гагелл ⁵⁾ говоритъ: „Наиболѣе яснымъ признакомъ восточной богини въ греческой общинѣ является эпитетъ Οὐρανία“. Далѣе, приводя въ примѣръ Пантикапей, какъ милетскую колонію, онъ обращаетъ вниманіе на то, что, судя по находкамъ, культъ этой богини былъ особенно распространенъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имѣли сношенія съ Азіей. Кёне ⁶⁾ также приписываетъ происхожденіе культа Геліуса въ Ольвіи ея связямъ съ Синопою. Подобнымъ-же образомъ, конечно, могъ быть введенъ и культъ Афродиты Ураніи.

¹⁾ Comptes rendus 1871, табл. V, № 3 и стр. 138, 184.

²⁾ InsPE. IV, 28a.

³⁾ Ibid. II, 343, 347; IV, 418.

⁴⁾ Ibid. II, 19, 28.

⁵⁾ Gr. Cults, II, p. 629.

⁶⁾ Mus. du P. K. I, 59.

Взвѣсивая всѣ данныя за существованіе въ Ольвіи культа Афродиты, мы должны признать, что прямыхъ доказательствъ въ пользу его существованія мы не имѣемъ, за исключеніемъ одной позднѣйшей надписи съ именемъ Афродиты *Εὐφροία*. Но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основаніе предполагать, что культъ Афродиты имѣлъ нѣкоторое значеніе и въ Ольвіи, такъ какъ намъ извѣстно, что почитаніе Афродиты *Ἀπάτουρος* вообще господствовало въ области сѣвернаго Евксина. Кроме того, въ пользу нашего предположенія свидѣтельствуетъ большое количество найденныхъ въ этой области, а особенно въ Херсонесѣ Таврическомъ, изображеній Афродиты.

Артемида.

Извѣстія относительно культа Артемиды въ Ольвіи обратны тѣмъ, которыя мы разсмотрѣли для культа Афродиты: извѣстія о культѣ Артемиды мы можемъ черпать изъ монетъ, а не изъ надписей¹⁾. Этотъ типъ ольвійскихъ монетъ сравнительно болѣе рѣдокъ. Въ Британскомъ музеѣ имѣется экземпляръ (№ 16), на лицевой сторонѣ котораго изображена голова Артемиды, а на обратной — волчанъ съ ремнемъ. Повидимому, эта монета сходна съ той, которая приведена Пикомъ²⁾. Три монеты даны въ Берлинскомъ каталогѣ (№№ 128—130); онѣ похожи на вышеуказанную. Кёне³⁾ описываетъ 6 монетъ, но изъ нихъ четыре признавались иногда монетами типа Деметры; здѣсь на обратной сторонѣ изображенъ дельфинъ или морской орелъ или тотъ и другой вмѣстѣ, такъ что нѣтъ основанія признавать изображеніе головы на лицевой сторонѣ принадлежащимъ Артемидѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ изученію тѣхъ литературныхъ источниковъ, которые касаются культа Артемиды на сѣверномъ Евсинѣ, мы считаемъ полезнымъ указать на надписи, сюда относящіяся. Изъ Фанагоріи мы имѣемъ одну надпись IV вѣка до Р. Х.⁴⁾, начинающуюся словами: *Ξενοκλείδης Πόσιος ἀνέθηκε τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι Ἀγροτέραι*. Съ этимъ можно сравнить одну фанагорійскую-же серебряную мо-

¹⁾ [Въ 1903 г. въ Ольвіи найдена надпись, заключающая въ себѣ прямое свидѣтельство о культѣ Артемиды въ этомъ городѣ. См. *Извѣстія И. Арх. Ком. в. 10*, стр. 7 сл., № 4].

²⁾ *Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands*, I, 1. Табл. X, № 6.

³⁾ *L. cit.* pp. 62, 63.

⁴⁾ *IosPE*. II, 344.

нету I вѣва до Р. Х., на обратной сторонѣ которой изображена голова "Артемис 'Αγροτέρα¹⁾). Въ Пантикапеѣ найдена надпись IV вѣва до Р. Х. о посвященіи Артемидѣ 'Εφρασίη; она интересна тѣмъ, что лишній разъ указываетъ на связь Пантикапея съ Азіей²⁾. Затѣмъ известна надпись римскаго періода изъ Танаида, начинающаяся словами: θεᾶ Ἀρτέμιδι μεθεούση³⁾.

Большій интересъ, пожалуй, представляютъ двѣ надписи изъ Херсонеса⁴⁾, гдѣ, какъ мы видѣли, Артемида почиталась какъ богиня - покровительница города и изображалась на монетахъ въ согопа muralis⁵⁾. Первая изъ этихъ надписей, относящаяся къ III или II вѣву до Р. Х., фрагментарна, но содержитъ слова „τῆς Παρθένου“⁶⁾. Вторая надпись, представляющая собою весьма длинный декретъ въ честь Діофанта Синопскаго, полководца Мнѳрата Евпатора, содержитъ (1. 24) слова: „ἃ διὰ παντὸς Χερσονησιτῶν προστατοῦσα Παρθένος“, которыя мы уже приводили для сравненія съ эпитетомъ Аполлона Προστάτης. Далѣе въ декретѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о праздникѣ Παρθένεια въ честь Артемиды (1. 48 sq.):

„Δεδόχθαι ταῖ βουλαῖ καὶ τῶι δάμωι στεφανῶσαι Διόφαντον Ἀσκληπιοδῶρου χρυσέωι στεφάνωι Παρθενείοις ἐν ταῖ πομπαῖ. . . . σταθῆμεν δὲ αὐτοῦ καὶ εἰκόνα χαλκίαν ἑνοπλον ἐν ταῖ ἀκροπόλει παρὰ τὸν τᾶς Παρθένου βωμὸν καὶ τὸν τᾶς Χερσονάσου“.

Еще одна надпись изъ Херсонеса, относящаяся, вѣроятно, къ 150 г. до Р. Х.⁷⁾, содержитъ формулу присяги, дававшейся молодыми гражданами: „Ὀμνῶ Δία, Γᾶν, Ἄλιον, Παρθένον, θεοὺς Ὀλυμπίους καὶ Ὀλυμπίας“.

Такимъ образомъ, даже не прибѣгая къ помощи литературныхъ извѣстій, мы уже имѣемъ ясныя доказательства выдающагося значенія культа Артемиды въ Херсонесѣ⁸⁾.

¹⁾ Катал. Брит. муз., Понтъ, стр. 3, табл. I. 6.

²⁾ IosPE. II, 11. Dittenberger, Syll.², № 326; см. также Павс., 4, 31, 8: Ἐφεσίῳ δὲ Ἀρτεμιν πόλει τε νομίζουσαν αἱ πάντα καὶ ἄνθρωποι ἰδίᾳ θεῶν μάλιστα ἄγουσιν ἐν τιμῇ.

³⁾ IosPE. II, 421.   ⁴⁾ Ibid. I, 184, 185.

⁵⁾ См. Берлинскій катал., отд. Херсонеса; особенно см. табл. I, 6.

⁶⁾ [О восстановленіи этой надписи см. IosPE. IV, стр. 277].

⁷⁾ Приводится Fagnell'emъ, Gr. Cults, II. 567, изъ «Revue des Etudes Grecques» 1891, p. 338. [См. IosPE. IV, 79. Документъ датированъ авторомъ невѣрно: онъ не позднѣе начала III в. до Р. Хр.]

⁸⁾ [За послѣдніе годы число найденныхъ въ Херсонесѣ надписей съ упоминаніемъ богини Παρθένος; значительно увеличилось].

Исторія легендарной связи Артемиды съ Херсонесомъ Таврическимъ представляетъ много затрудненій. Прежде всего вспомнимъ Геродота; онъ говоритъ (IV, 103), что Тавры приносили лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, въ жертву Дѣвѣ, и продолжаетъ: τὴν δὲ δαίμονα ταύτην τῆ θύουσι λέγουσι αὐτοὶ Ταῦροι Ἰφιγένειαν τὴν Ἀγαμέμνονος εἶναι. Къ этому Stein замѣчаетъ: „αὐτοὶ Ταῦροι, nicht die Hellenen“.

Fagnell¹⁾ полагаетъ, что культъ Артемиды Таврической въ Атикѣ былъ первобытнымъ и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ перейти первоначально съ Чернаго моря, такъ какъ культъ Бравронскій указываетъ на очень ранній періодъ, между тѣмъ, какъ Крымъ открылся для греческой колонизаціи уже въ сравнительно позднюю эпоху. Видимо, культъ Артемиды Таврической находился въ связи съ очень примитивнымъ типомъ кумира и съ неясной легендой о кровопротліи, и Fagnell предполагаетъ, что когда чрезъ древнѣйшихъ крымскихъ колонистовъ распространились рассказы о жестокихъ религіозныхъ обрядахъ въ честь туземной богини, то произошло отождествленіе вслѣдствіе созвучія между названіемъ полуострова и названіемъ культа въ Бравронѣ (вѣроятно, Ταυροπόλος). Далѣе, онъ считаетъ, что имя Ифигеніи было мѣстнымъ именемъ Артемиды, и цитируетъ Павсанія²⁾: Ἀρτέμιδος ἐπιχλήσιν Ἰφιγένειαν ἐστὶν ἱερόν; ср. также Исихія п. сл. Ἰφιγένεια ἢ Ἄρταμις.

Однако, замѣчается нѣкоторое несоотвѣтствіе между этимъ взглядомъ и тѣмъ, который тотъ-же Fagnell проводитъ на первыхъ страницахъ II тома, а именно, что культъ Артемиды можетъ быть прослѣженъ въ древности до доисторическаго періода и что онъ открытъ во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстахъ греческихъ доисторическихъ поселеній; отсюда, а также по нѣкоторымъ примитивнымъ чертамъ культа, онъ заключаетъ, что культъ этотъ былъ „первобытнымъ наслѣдіемъ греческой націи“. Затѣмъ онъ говоритъ объ его диффузіи при посредствѣ различныхъ токовъ греческой колонизаціи и указываетъ, что „онъ утвердился въ очень раннее еще время . . . въ Херсонесѣ Таврическомъ“. По указанію проф. Ridgeway³⁾, слѣды микенской культуры были найдены по берегамъ южной Россіи. Имѣя это въ виду, не можемъ-ли мы сдѣлать правдоподобное заключеніе, что варварская богиня Крыма была

¹⁾ Gr. Cults II. 452, 3.   ²⁾ II. 35, 1.

³⁾ Early Age of Greece, vol. I. p. 182.

прямымъ потомкомъ Артемиды, почитавшейся жителями той-же области во времена микенской эпохи, и что Бравронская Артемида была потомкомъ той-же богини, но въ самой Греціи? Такимъ путемъ мы могли бы объяснить причину сходства между этими культурами. Съ теченіемъ времени должно было сказаться вліяніе литературы, возникшей на почвѣ мѣста объ Ифигеніи; при этомъ культъ потерялъ отчасти свой примитивный характеръ, и Артемида оказалась главной богиней Херсонеса. какъ мы уже упоминали выше, говоря о культѣ Аполлона въ Ольвіи и мненческой его связи съ сѣверомъ. Несомнѣнно ольвійскій культъ Геракла подобнымъ-же образомъ подвергся воздѣйствію со стороны литературы.

Изъ вышесказаннаго мы можемъ вывести заключеніе объ извѣстномъ значеніи культа Артемиды въ Ольвіи; хотя прямыхъ тому доказательствъ, за исключеніемъ немногихъ приведенныхъ монетъ, мы не имѣемъ¹⁾, но все же надо полагать, что Артемида имѣла свою долю почета въ городѣ, богомъ покровителемъ котораго былъ Аполлонъ.

Аѣнна.

Изъ прочихъ богинь мы остановимся только на культѣ Аѣнны, такъ какъ извѣстій о культѣ въ Ольвіи остальныхъ богинь, кромѣ четырехъ вышеуказанныхъ, мы не имѣемъ; при этомъ замѣтимъ, что культъ Аѣнны не имѣетъ связи съ культурами этихъ четырехъ богинь, тогда какъ эти послѣднія имѣютъ нѣчто общее между собою. Въ ольвійскихъ надписяхъ совершенно не встрѣчаются упоминанія объ Аѣннѣ. Изъ всей области сѣвернаго Евксина съ именемъ ея извѣстны только двѣ надписи, а именно, посвященіе Аѣннѣ $\Sigma\omega\tau\epsilon\iota\rho\alpha$ изъ Херсонеса, IV вѣка до Р. X.²⁾, и посвященіе Аѣннѣ Линдійской изъ Неаполя³⁾. Однако, эта послѣдняя надпись имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Ольвіи, такъ какъ лицомъ, посвятившимъ ее, былъ Посидей, сынъ Посидея, по нашему мнѣнію тотъ-же самый, который посвятилъ въ Ольвіи надпись Афродитѣ Εὐπλοία .

За то изображенія Аѣнны и Горгоны представляютъ весьма обычный типъ на ольвійскихъ монетахъ. Весьма вѣроятно, что проис-

¹⁾ [Ср. надпись, указавшую на стр. 112, прим. 1].

²⁾ IosPE. IV, 82.   ³⁾ Ibid. I, 243.

хождение изображенія Аѳины было скорѣе коммерческаго характера, чѣмъ религіознаго, въ виду того, что Ольвія вела торговлю преимущественно съ Аѳинами, при чемъ аѳинскія монеты должны были быть хорошо извѣстны въ Ольвіи, какъ, впрочемъ, и во всемъ греческомъ мірѣ. Дѣйствительно, вполне возможно, что отсутствіемъ древнѣйшихъ монетъ изъ Ольвіи мы обязаны обращенію тамъ аѳинской монеты и (вѣроятно, немного позднѣе) кизикскихъ статеровъ въ качествѣ законной ходячей монеты. Что-же касается до большихъ, отлитыхъ изъ бронзы, монетъ, на которыхъ мы вскорѣ остановимъ вниманіе читателя, то онѣ должны были служить мелкой размѣнной монетой для внутренняго обращенія¹⁾.

Мы имѣемъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно обращавшейся въ Ольвіи монеты въ одной надписи, изданной Латышевымъ²⁾. Надпись эта, относящаяся къ началу IV вѣка до Р. Х., представляетъ собою декретъ ольвійскихъ гражданъ, изданный съ цѣлью регулированія продажи золота и серебра. Послѣ постановленія о свободномъ впредь ввозѣ и вывозѣ „*χρυσίον ἐπίσημον ἢ ἀργύριον ἐπίσημον*“, декретъ далѣе устанавливаетъ слѣдующее: *πωλεῖν δὲ καὶ ὠνεῖσθαι πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆς πόλεως, πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριον τὸ Ὀλβιοπολιτικόν.*

Отсюда ясно, что Ольвія въ эту эпоху не имѣла своей золотой монеты (повидимому, вскорѣ послѣ того были выпущены въ обращеніе и золотыя монеты, такъ какъ другая надпись³⁾ говоритъ о 1000 золотыхъ монетъ); изъ этого мѣста можно также вывести заключеніе, что мѣдная монета обращалась въ большемъ количествѣ, чѣмъ серебряная, такъ какъ она упомянута на первомъ мѣстѣ, а не въ порядкѣ цѣнности, какъ было сказано въ началѣ декрета по отношенію къ золоту и серебру.

Нѣсколько далѣе тотъ-же декретъ опредѣляетъ: *τὸ δὲ χρυσίον πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι τὸν μὲν στατήρα τὸν Κυζικηνὸν ἐνδεκάτου ἡμισιατήρου καὶ μήτε ἀξιώτερον μήτε τιμώτερον. τὸ δ' ἄλλο χρυσίον τὸ ἐπίσημον ἅπαν καὶ ἀργύριον τὸ ἐπίσημον πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι ὡς ἂν ἀλλήλους πεῖθωσι.*

На основаніи specialнаго упоминанія о статерахъ Кизика мы могли бы заключить, что въ эту эпоху они были наиболѣе распростра-

¹⁾ Ср. Lepoint, La monnaie dans l'antiquité, vol. I, p. 157.

²⁾ IosPE, I, 11.

³⁾ IosPE, I, 12. Нѣтъ необходимости считать эти монеты безусловно ольвійскими: онѣ могли быть изъ Паптикапея или Кизика.

ненными въ Ольвіи монетами. Но сношенія между Ольвіей и Аѳинами были особенно дѣятельны въ болѣе древній періодъ, еще до Пелопоннесской войны, и торговля поднялась до наибольшей высоты, вѣроятно, въ эпоху Геродота, такъ что весьма возможно, что въ древнѣйшее время узаконенной монетной системой въ Ольвіи была аѳинская. Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся на ольвійскихъ монетахъ клеймъ является голова Аѳины. По этому поводу проф. Percy Gardner высказалъ (частнымъ образомъ) слѣдующее интересное соображеніе: „Клеймо часто выставляется на монетѣ, чтобы показать, что она имѣетъ свободное обращеніе въ какой-либо мѣстности за предѣлами того мѣста, гдѣ монета была чеканена. Не значить-ли это, что монета прошла черезъ кабую-либо аѳинскую факторію“?

Но вообще относительно коммерческой исторіи сѣвернаго Евксина нужно замѣтить, что въ этой научной области чувствуется нѣкоторый недостатокъ въ свѣдѣніяхъ, дать которыя могъ бы намъ столь компетентный Геродотъ. Но онъ, повѣствуя такъ много о торговлѣ во дни сѣдой древности, въ то-же время очень мало говоритъ объ Ольвіи и о греческихъ колоніяхъ этой области и почти не упоминаетъ о торговлѣ на сѣверномъ Евсинѣ, за исключеніемъ одного мѣста (IV, 17), гдѣ онъ говоритъ о Скиѳахъ, „οἱ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπαίρουσι τὸν σίτον ἀλλ' ἐπὶ πρήσι“.

Во всякомъ случаѣ, большинство нумизматовъ согласно опредѣляютъ мѣсто для большихъ отлитыхъ изъ бронзы монетъ среди древнѣйшихъ ольвійскихъ монетъ ¹⁾. На лицевой сторонѣ одной изъ меньшихъ по размѣру подобныхъ монетъ ²⁾ изображена голова Аѳины весьма архаическаго характера. Относительно изображенной на нѣкоторыхъ другихъ монетахъ этого типа головы Горгоны будетъ упомянуто ниже.

Въ каталогѣ Британскаго музея нѣтъ ни одной монеты съ головой Аѳины; въ Берлинской коллекціи имѣется только одна такая монета (№ 133), повидимому, болѣе поздняго времени, хотя нужно замѣтить, что вслѣдствіе очень скупого указанія дать въ каталогѣ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ великолѣпномъ, нерѣдко бываетъ затруднительно опредѣлить въ точности тотъ періодъ, къ которому издатель относитъ данную монету.

¹⁾ Кене относитъ ихъ къ началу V вѣка или даже къ болѣе ранней эпохѣ.

²⁾ Pick, табл. VIII, 1.

Кене (стр. 35) даетъ 4 литыя монеты, подобныя вышеуказаннымъ монетамъ Пика, и четыре бронзовыя чеканенныя (стр. 61). Изъ этихъ послѣднихъ одна (№ 101), повидимому, сходна съ монетой, данной Пикомъ¹⁾. На лицевой ея сторонѣ изображена голова Паллады, а на обратной—сова. Двѣ предшествующія монеты на таблицѣ Пика (№№ 15 и 16), повидимому, также имѣютъ изображенія головы Аѣины; на оборотной сторонѣ ихъ изображена сова. № 36 Пика сходенъ съ № 100 Кене и съ № 133 Берлинской коллекціи. На лицевой сторонѣ этой послѣдней монеты изображена голова Паллады и помѣщено клеймо въ видѣ вѣтви; на обратной сторонѣ ея видны копы и щитъ. На монетѣ Пика № 37, вѣроятно, изображена также Аѣина; на обратной сторонѣ здѣсь помѣщенъ щитъ.

Въ этомъ заключаются главнѣйшія нумизматическія извѣстія о культѣ Аѣины въ Ольвіи; кромѣ того, необходимо упомянуть объ извѣстномъ медальонѣ, найденномъ въ области сѣвернаго Евксина²⁾ и нынѣ хранящемся въ Эрмитажѣ. Онъ изображаетъ Аѣину Παρθένος и, по всей вѣроятности, происходитъ изъ Аѣинъ.

Въ данномъ у Farnell'я спискѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ существовалъ культъ Аѣины, совершенно отсутствуютъ какія-либо мѣстности изъ области сѣвернаго Евксина. Но въ то-же время онъ говоритъ³⁾: „Въ виду того, что уже съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ культъ Аѣины установившимся въ самыхъ различныхъ частяхъ греческаго міра, мы можемъ вывести заключеніе, что она была первобытнымъ эллинскимъ божествомъ „Ахейскаго“ періода и что она или первоначально была почитаема также дорическими и іоническими племенами, или-же культъ ея былъ принятъ ими на мѣстахъ новыхъ ихъ поселеній“. Съ другой стороны мы знаемъ, что Аѣина была чтима въ Милетѣ, родномъ городѣ первыхъ ольвійскихъ колонистовъ⁴⁾. Мы естественно должны ожидать, что Аѣинѣ принадлежало почетное мѣсто среди боговъ Милета, города, съ гордостью считавшаго себя аѣинской колоніей; Милетъ въ свою очередь, весьма вѣроятно, долженъ былъ передать этотъ культъ своей колоніи Ольвіи, гдѣ, благодаря коммерческимъ сношеніямъ ея съ Аѣинами, онъ могъ еще усилиться.

¹⁾ Табл. X. 17.

²⁾ Harrison and Verrall, *Myth, and monum. of ancient Athens*, p. 454.

³⁾ Gr. Cults, I, p. 454.   ⁴⁾ Herod. I, 19.

Изображеніе Горгоны, встрѣчающееся на ольвійскихъ монетахъ, даетъ поводъ къ вопросамъ значительной трудности по отношенію какъ къ типу, такъ и къ божеству, съ которымъ это изображеніе находится въ связи. Разсказъ о томъ, что Аѳина собственноручно умертвила Медузу, не очень древняго происхожденія; Гесіодъ не упоминаетъ о немъ; Еврипидъ, повидимому, былъ первымъ литературнымъ авторитетомъ для этого мифа ¹⁾. Fagnell считаетъ первоначальной причиною его участіе Аѳины въ Персею. Furtwängler (въ словарѣ Roscher'a) устанавливаетъ, что изображеніе Аѳины съ Горгонеюномъ не встрѣчено на памятникахъ ранѣе VII вѣка, и полагаетъ, что не имѣется литературнаго извѣстія болѣе древняго, чѣмъ вышеприведенное, о томъ, что Аѳина носила Горгонеюнъ въ видѣ эмблемы или употребляла его какъ орудіе ужаса ²⁾. Разумѣется, дата ассоціаціи Аѳины съ Горгоной достаточно уже древняя, чтобы мы имѣли право разсматривать изображеніе Горгоны на ольвійскихъ монетахъ какъ эмблему Аѳины; но существуетъ и иной взглядъ, согласно которому Горгонеюнъ имѣетъ связь съ Аполлономъ. Homolle ³⁾ въ своей статьѣ по поводу изображенія Горгоны, найденнаго на пьедесталѣ одной статуи на Делосѣ, которое онъ считаетъ простымъ „ἀποτρόπαιον“, высказываетъ мнѣніе о существованіи тѣсной связи между Аполлономъ и Горгоной, цитируя Гомера (Иліада XV, 229, 308, относительно употребленія Аполлономъ эгиды) и Макробія (I, 17, 67). Послѣдній авторъ, описывая статую Аполлона въ Тераполѣ, говоритъ: „Summisque ab humeris Gorgoneum velamentum redimitum anguibus tegit scapulas“. Homolle замѣчаетъ, что изображеніе Горгоны встрѣчается на монетахъ совмѣстно съ эмблемами Аполлона, и приводитъ, въ качествѣ примѣра, изображеніе дельфина на ольвійскихъ монетахъ. Но такое заключеніе намъ кажется не убѣдительнымъ, такъ какъ изображенія дельфина или вообще рыбъ, какъ мы видѣли выше, встрѣчаются на ольвійскихъ монетахъ не только вмѣстѣ съ Аполлономъ, но и съ иными божествами; напр., такія изображенія есть на монетахъ, на лицевой сторонѣ которыхъ помѣщена голова Деметры. Вопросъ этотъ, по всей вѣроятности, не можетъ быть разрѣ-

¹⁾ Ion. 987 sq.

²⁾ Онъ смотритъ на два упоминанія о Горгонеюнѣ въ Иліадѣ (XI, 35 и V, 741), какъ на позднѣйшія вставки.

³⁾ Bull. de corr. Hell. XII (1888), 471, Pl. XII.

шенъ теперь, но тотъ фактъ, что единственными типами большихъ бронзовыхъ ольвийскихъ монетъ являются изображенія Аѳины и Горгоны (включая также великолѣпную голову на позднѣйшей изъ этихъ монетъ), долженъ имѣть нѣкоторое значеніе; на основаніи этого мы вполнѣ можемъ ассоціировать изображеніе Горгоны на этихъ монетахъ скорѣе съ Аѳиной, чѣмъ съ Аполлономъ. Если мы были въ правѣ настаивать на значеніи аѳинскаго вліянія при установленіи изображенія Аѳины въ качествѣ ольвийскаго монетнаго типа, то вышесказанное можетъ служить дополнительнымъ подтвержденіемъ нашего заключенія.

Разсмотрѣніе монетнаго типа съ изображеніемъ Горгоны представляетъ нѣкоторыя трудности. По всей вѣроятности, онъ заимствованъ съ Востока около конца VIII или начала VII вѣка до Р. Х.; древнѣйшій извѣстный экземпляръ представляетъ собою плитка изъ Камира, относящаяся къ VII вѣку¹⁾. Всѣ древнѣйшія изображенія Горгоны имѣли отвратительный видъ, изъ котораго, путемъ постепеннаго перехода, выработался со временемъ великолѣпный типъ.

Цѣлый рядъ бронзовыхъ монетъ, открытыхъ на аѳинскомъ акрополѣ, можетъ иллюстрировать эти постепенныя измѣненія; начало монетъ средняго типа въ Аѳинахъ относится ко времени ранѣе 480 г. до Р. Х.²⁾ Въ области-же Чернаго моря этотъ типъ извѣстенъ ранѣе 450 г. до Р. Х.; здѣсь онъ открытъ въ долинѣ р. Кубани³⁾. Во второй половинѣ V вѣка онъ сдѣлался общераспространеннымъ⁴⁾. Замѣтимъ здѣсь, что типъ Горгоны, подобный вышесказанному кубанскому, найденъ также въ Крыму; онъ принадлежитъ времени ближе къ IV столѣтію⁵⁾. Золотыя „Горгоны“ были найдены въ Керчи въ могилахъ V вѣка. Наиболѣе совершенный типъ головы Горгоны появляется уже въ V вѣкѣ, но обычнымъ онъ дѣлается лишь въ IV столѣтіи; сперва появляется спокойный стиль, а затѣмъ—патетическій⁶⁾.

Несмотря, однако, на несомнѣнную эволюцію болѣе привлекательнаго типа Горгоны, авторъ не считаетъ возможнымъ признать велико-

¹⁾ D a r e m b e r g - S a g l i o, fig. 3633.

²⁾ Ibid., fig. 3639.   ³⁾ Comptes rendus 1877, Pl. 1 и стр. 7.

⁴⁾ См. J. H. S. XIII (1892), p. 236, fig. 4; p. 238, fig. 10; (здѣсь fig. 4 отнесена къ VI вѣку).

⁵⁾ Antiqu. du Bosph. Cim. Pl. XXI, 12, etc.

⁶⁾ Экземпляръ съ изображеніемъ прекрасной головы, безъ крыльевъ, приводится въ «Comptes rendus» 1876, pl. III, 28, p. 147

лѣпную голову на монетѣ, описанной Пикомъ ¹⁾, за голову Горгоны. Во взглядѣ на эту монету авторъ встрѣтилъ поддержку со стороны проф. Percy Gardner'a. Онъ указываетъ (въ частномъ письмѣ), что здѣсь недостаетъ крыла, но не даетъ опредѣленія для этого типа, хотя и предполагаетъ типъ нимфы(?). Это предположеніе стоитъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться. Всякій, кто видѣлъ различныя головы нимфъ en face, изображенныя въ трудѣ проф. Гарднера „Types of Greek coins“, не можетъ не признать сходства ихъ съ головой, изображенной на интересующей насъ большой ольвийской монетѣ. Для сравненія укажемъ сперва на сиракузскую монету ²⁾ съ головой Ареусы, работы художника Кимона, затѣмъ обратимъ вниманіе на нимфъ, изображенныхъ на монетахъ Лариссы ³⁾ и Кизика ⁴⁾. Безъ сомнѣнія, сходство этихъ изображеній съ изображеніемъ головы на ольвийской монетѣ достаточно близко для того, чтобы оправдать соблазнительное отождествленіе ея съ головой нимфы ⁵⁾ и избѣгнуть опредѣленія ея, какъ типа Горгоны. Приводимъ здѣсь описаніе подобнаго-же экземпляра изъ Берлинскаго каталога, № 2:

Лиц. стор.

Женская голова en face, съ развѣвающимися волосами, въ ожерельѣ изъ шариковъ, хорошаго стиля.   Æ. 17¼.

Обр. стор.

ОΛΒΙΝ ⁶⁾. Орелъ на дельфинѣ; голова слѣва повернута вправо; крылья распростерты. Внизу Γ или похожая буква ⁷⁾.

Добавимъ къ этому, что von Sallet въ Берлинскомъ каталогѣ (изд. 1888 г.) описываетъ этотъ типъ только какъ „женскую голову“, тогда какъ раньше, при описаніи этой монеты ⁸⁾, онъ называлъ ее „хорошимъ образцомъ очень рѣдкихъ большихъ литыхъ ольвийскихъ монетъ или медальоновъ съ изображеніями женской головы (Горгоны?)“

¹⁾ L. cit. Pl. VIII, 4. Она дана въ Берлинскомъ каталогѣ, р. 19. Коллекція Британскаго музея, со времени напечатанія каталога ольвийскихъ монетъ, обогатилась еще однимъ экземпляромъ.   ²⁾ Types of Greek coins. Pl. VI, 22.

³⁾ Ibid. Pl. VII, 35.   ⁴⁾ Ibid. Pl. X, 46.

⁵⁾ Относительно обширнаго класса монетъ съ изображеніями головъ нимфъ en face см. Gardner, l. cit., p. 154.

⁶⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе на эту форму названія города.

⁷⁾ Кене (р. 35, № 6) описываетъ подобную монету слѣдующимъ образомъ: «Tête de Meduse d'un style plus moderne et avec une belle expression».

⁸⁾ Zeitschr. f. Num. 1887, p. 5.

и орла, изящнаго стиля“. Мы въ правѣ заключить изъ этого, что von Sallet при изданіи каталога отказался отъ своего прежняго сомнительнаго опредѣленія. Описание этой монеты помѣщено между описаніями монетъ № 1 (у Пика № 3) и № 3 (у Пика № 2). Эти двѣ монеты описаны слѣдующимъ образомъ:

Лиц. стор.

№ 1. Изображеніе Горгоны en face, архаическаго стиля, съ высунутымъ языкомъ ¹⁾.

№ 3. Изображеніе Горгоны en face, архаическаго стиля, съ высунутымъ языкомъ.

(№№ 4—12 представляютъ собою монеты меньшихъ размѣровъ, болѣе или менѣе сходныхъ типовъ).

Если такое расположеніе основано на хронологіи, хотя это весьма сомнительно, въ виду указаннаго уже недостатка дать въ каталогѣ, то, конечно, отождествленіе этого типа съ Горгоной становится невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ. Врядъ-ли можно думать, чтобы монеты съ изображеніемъ головъ, столь отличныхъ другъ отъ друга типовъ, могли быть въ обращеніи въ одномъ и томъ-же городѣ въ одно и то-же время и относиться, притомъ, къ одному и тому-же божеству. Въ Берлинскомъ каталогѣ имѣется описаніе монеты (№ 13), которая не встрѣчается у Пика:

Лиц. стор.

Изображеніе Горгоны, безъ высунутаго языка, стариннаго стиля.

Обр. стор.

О.А.І. Орель съ поднятыми крыльями, на дельфинѣ, влѣво.

Æ. 11.

Монета № 14 сходна съ этой.

Всѣ вышеприведенныя монеты отлиты изъ бронзы и имѣютъ большіе размѣры. Въ Берлинскомъ каталогѣ подъ № 36 дано описаніе еще одной серебряной монеты, скорѣе позднѣйшаго періода:

Лиц. стор.

Голова Горгоны en face, повидимому, безъ высунутаго языка ²⁾.

Обр. стор.

О.А.В.Ю, надъ дельфиномъ влѣво.
Внизу: КРІ Æ. 2.

¹⁾ [См. подобную монету у Бурачкова, табл. I. № 3, стр. 38].

²⁾ Не есть-ли это та-же монета, которая дана у Пика, табл. X, 10?

Кёне ¹⁾ относитъ эту монету къ началу III вѣка, что не отличается особенно отъ той даты, которую можно было бы опредѣлить по мѣсту этой монеты въ Берлинскомъ каталогѣ. Не говоритъ-ли это также противъ того, чтобы признавать великолѣпную голову на бронзовой монетѣ, относящейся почти несомнѣнно къ болѣе раннему времени, за голову Горгоны?

Зевсъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію культа Зевса. На первомъ мѣстѣ въ числѣ ольвійскихъ культовъ необходимо было поставить культъ Аполлона. Слѣдующее мѣсто по справедливости должно было принадлежать Деметрѣ, послѣ которой вполне естественно было обратиться къ остальнымъ богинямъ, по ихъ тѣсной связи. Слѣдующаго же мѣста никто не можетъ оспаривать у Зевса. Относительно общихъ замѣчаній по поводу отсутствія на памятникахъ Зевса отличительныхъ религіозныхъ атрибутовъ (такъ какъ культъ его былъ преимущественно эллинскимъ, а не мѣстнымъ), мы сошлемся на Fagnell'я ²⁾. Такимъ образомъ мы не можемъ ожидать встрѣтить въ Ольвіи для Зевса эпитеты такого спеціального интереса, какъ для нѣкоторыхъ другихъ боговъ, хотя здѣсь какъ разъ имѣется одно замѣчательное исключеніе въ видѣ Зевса Ὀλβιοςъ.

Первой ольвійской надписью, гдѣ встрѣчается имя Зевса, является декретъ ³⁾, которымъ жалуются 1000 золотыхъ монетъ и статуя Каллинику, сыну Еввсена. Декретъ этотъ, отнесенный Латышевымъ къ IV вѣку до Р. Х., оканчивается словами: Ὁ δῆμος Διὶ Σωτῆρι. Имя Зевса-Спасителя встрѣчается еще въ двухъ ольвійскихъ надписяхъ, изъ коихъ одна ⁴⁾ относится уже во II вѣку по Р. Х., а отъ другой ⁵⁾ сохранился лишь отрывокъ. Первая изъ этихъ надписей содержитъ посвященіе Зевсу-Спасителю отъ частнаго лица: Εὐχαριστήριον ὑπὲρ εἰρήνης καὶ σωτηρίας τῆς πόλεως. Съ этою надписью можно сравнить одну надпись изъ Херсонеса ⁶⁾, II вѣка по Р. Х., въ которой говорится, что лицо съ несохранившимся именемъ τὸ τεῖχος οἰκοδόμησεν ἐκ τῶν ἰδίων Διὶ Σωτῆρι ὑπὲρ ἑαυτοῦ καὶ τῆς πόλεως εὐσταθείας ⁷⁾.

¹⁾ L. cit., p. 42, № 3.

²⁾ Gr. Cults, I, p. 121, §1.

³⁾ IosPE, I, 12.

⁴⁾ IosPE, I, 91.

⁵⁾ Ibid. I, 92.

⁶⁾ Ibid. I, 202.

⁷⁾ [Ср. выше стр. 40].

Извѣстна также одна пантисапейская надпись ¹⁾ съ именами Ζεὺς Σωτήρ и Ἦρα Σώτειρα ²⁾; надпись относится къ императорскому періоду, и посвященіе сдѣлано ὑπὲρ βασιλέως Τειράνου νείκης ³⁾.

Найдена одна фрагментарная надпись III вѣка до Р. Х. съ именемъ Зевса Ἐλευθέριος ⁴⁾; это—хорошо извѣстный эпитетъ Зевса, хотя онъ и не встрѣченъ ни въ какомъ иномъ мѣстѣ изъ области Понта Евксинскаго.

Эпитетъ Зевса „Βασιλεύς“ встрѣчается въ одной надписи, изданной Латышевымъ ⁵⁾ и отнесенной имъ къ III вѣку до Р. Х.:

[Ὁ δῆμος] Εὐρησίβιον Δημητρίου Διὶ Βασιλεῖ
[ἀρετῆς] ἔνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς αὐτόν ⁶⁾.

Зевсу Полиарху была посвящена одна башня, по свидѣтельству надписи, изданной Латышевымъ ⁷⁾ и отнесенной имъ къ II вѣку по Р. Х. Fagnell ⁸⁾ говоритъ о третьемъ вѣкѣ до Р. Х., но не объясняетъ причинъ такого опредѣленія. Какого-либо иного примѣра для этого эпитета онъ не приводитъ; сходный съ этимъ эпитетъ Зевса „Πολιεύς“ встрѣчается во многихъ мѣстахъ, а особенно въ Аѳинахъ. Этотъ культъ выражалъ собою союзъ государства.

Однако, наиболѣе интереснымъ для нашего изслѣдованія эпитетомъ Зевса является Ὀλβίος, встрѣчающійся въ одной надписи, изданной Латышевымъ ⁹⁾ и отнесенной имъ къ царствованію Септимія Севера, 193—211 по Р. Х. Она представляетъ собою декретъ въ честь Каллисѳена, въ которомъ между прочимъ говорится: ἱερεὺς δὲ γενόμενος τοῦ προεστῶτος τῆς πόλεως ἡμῶν θεοῦ Διὸς Ὀλβίου.

Остановимся на довольно любопытныхъ разсужденіяхъ Fagnell'a относительно послѣдняго эпитета. Онъ говоритъ ¹⁰⁾: „Зевсъ былъ не только охранителемъ царскаго достоинства, но также и покровителемъ семейной собственности, и былъ почитаемъ какъ Зевсъ Κτήσιος.... Этотъ культъ былъ, главнымъ образомъ, аттическимъ; мы находимъ подобныя-же культы Зевса Πλούσιος въ Спартѣ (Paus. III, 19, 7) и Зевса

¹⁾ Ibid. II, 29.

²⁾ Ср. посвященіе Аѳинѣ Σώτειρα изъ Херсонеса, IV вѣка до Р. Х., IosPE. IV, 82.

³⁾ Fagnell не приводитъ въ своемъ географическомъ указателѣ ни одной изъ упомянутымъ здѣсь надписей. ⁴⁾ IosPE. IV, 458. ⁵⁾ Ibid. I, 105.

⁶⁾ Для другихъ свидѣній о культѣ Зевса Βασιλεύς'a см. Pauly-Wissowa, Real-Encycl. III, p. 82 и особенно статью Greenwell'a, J. H. S., vol. II, p. 78.

⁷⁾ IosPE. I, 101. ⁸⁾ Gr. Cults, p. 161.

⁹⁾ IosPE. I, 21. ¹⁰⁾ Gr. Cults, I, p. 55.

ἽΟλβιος въ Киликіи“. Въ подтвержденіе послѣдняго онъ цитируетъ надпись, относящуюся ко времени около 200 г. до Р. X. и изданную Hicks'омъ¹⁾: Διὶ ἽΟλβίῳ ἱερεὺς Τεῦκρος Ταρχάριος. Но, повидимому, самъ Hicks объясняетъ эпитетъ въ томъ смыслѣ, что онъ относится къ „царямъ“ Ольбы и носить скорѣе мѣстный, чѣмъ описательный характеръ.

Fagnell приводитъ еще одно извѣстіе, а именно надпись С. I. G. 2017, представляющую декретъ изъ еракійскаго Херсонеса: „Κάλλιστος ὁπὲρ τοῦ υἱοῦ Ἀλεξάνδρου Διὶ ἽΟλβίῳ εὐχαριστήριον“. Воескh замѣчаетъ къ этой надписи: „Zeὺς ὄλβιος non notus“. Въ послѣдней изъ упомянутыхъ надписей было бы вполне естественно разсматривать ὄλβιος, какъ описательный эпитетъ, и сравнить его съ κτήσιος; но, несомнѣнно, и въ Ольбѣ, и въ Ольвіи онъ былъ первоначально мѣстнымъ эпитетомъ, при чемъ въ значеніи его заключалась игра словъ. Preller-Robert²⁾, комментируя надпись Латышева (I. 24), говоритъ: „Zeὺς ἽΟλβιος былъ, повидимому, городскимъ богомъ Ольвіи“. Врядъ-ли это заключеніе правильно въ обычномъ смыслѣ этого термина: вѣдь мы уже видѣли, что Аполлонъ былъ настоящимъ городскимъ божествомъ Ольвіи. Поэтому правильнѣе было бы сказать: „ἽΟλβιος, имя Зевса, подъ которымъ онъ былъ почитаемъ въ Ольвіи“³⁾.

Кромѣ вышеприведенныхъ эпитетовъ Зевса, на ольвийскихъ надписяхъ иныхъ не встрѣчается, но мы можемъ привести одну надпись изъ Неаполя⁴⁾: Διὶ Ἀταβύριω Ποσιδέος Ποσιδέου χαριστήριον. Этотъ Посидей, безъ сомнѣнія, то-же лицо, отъ котораго до насъ дошло посвященіе Афродитѣ Εὐπλοία въ Ольвіи. На Родосѣ была гора Атабиръ. ἐξ οὗ ὁ Zeὺς Ἀταβύριος (Steph. Byz.). Аѳина, вмѣстѣ съ Зевсомъ Атабиріемъ, была чтима въ Агригентѣ⁵⁾. Preller-Robert⁶⁾ цитируетъ Пиндара, Ol. VII. 87: „Zeῦ πάτερ νότισιν Ἀταβυρίου μεδέων“.

Ольвийскія монеты, для которыхъ изображеніе Зевса служить типомъ, не отличаются особою многочисленностью и не представляютъ

¹⁾ J. H. S. 1891, p. 226.   ²⁾ Gr. Myth. I². 867.

³⁾ См. Brit. Mus. Cat. of Coins, Ликаонія, p. 1 VI, замѣтка: «ἽΟλβιος, хорошо извѣстный эпитетъ Зевса, можетъ означать: 1) бога благоденствія, 2) бога Ольбы (или, въ нашемъ случаѣ, Ольвіи). Абстрактная идея благоденствія представлена конкретно въ видѣ бога Зевса ἽΟλβιος». Монеты изъ Ольбы съ треномъ и перунами Зевса ἽΟλβιος относятся, вѣроятно, къ концу перваго вѣка до Р. X. и началу слѣдующаго вѣка.

⁴⁾ IosPE. I, 242.   ⁵⁾ Welcker, Gr. G. II, 282; Polyb. XI, 27.   ⁶⁾ Gr. Myth. I, 136.

большого интереса. Первая изъ такихъ монетъ, приводимыхъ Пикомъ, изображена у него на табл. XI, № 3, и, повидимому, тождественна съ описанною въ Берлинскомъ каталогѣ подь № 125. На лицевой сторонѣ ея изображена увѣнчанная лаврами голова Зевса; на обратной—скипетръ, нижній конецъ котораго представляетъ собою копье, а верхній имѣетъ видъ лиліи (или лотоса?).

Этотъ типъ обратной стороны у Кёне ¹⁾ нѣсколько странно описанъ, какъ „*flèche, pointe en bas*“: на монетѣ Пика этотъ предметъ имѣетъ весьма отдаленное сходство со стрѣлой. Затѣмъ Кёне говоритъ, что на монетѣ представлень, по всей вѣроятности, Зевсъ-Сотеръ, но не приводитъ соображеній въ пользу такого отождествленія. Монеты Берлинскаго каталога №№ 126 и 127 — подобны; на основаніи мѣста ихъ какъ въ каталогѣ, такъ и у Пика, нужно думать, что онѣ относятся къ болѣе позднему времени. Слѣдующая приводимая Пикомъ монета ²⁾ имѣетъ на лицевой сторонѣ очень изящную голову Зевса, а на обратной—орла съ распростертыми крыльями; оба изображенія исполнены сравнительно очень выпуклой работою. Монета № 5 сходна, но не одинакова съ № 63 по Берлинскому каталогу; разница между ними въ томъ, что монета Берлинскаго каталога имѣетъ на щекѣ Зевса вклеймо въ видѣ кадуцея. На обратной сторонѣ—изображеніе орла. Монета № 6 имѣетъ кадуцей на лбу головы Зевса. У Кёне имѣются описанія нѣсколькихъ императорскихъ монетъ съ изображеніями возсѣдающаго Зевса ³⁾, тогда какъ Пикъ на своихъ таблицахъ помѣстилъ только одну ⁴⁾. На лицевой сторонѣ изображена сидящая фигура, держащая скипетръ, а на обратной—стоящая фигура Фортуны съ рогомъ изобилія и рулемъ. Вѣроятно, присутствіе скипетра заставляеть Кёне признать въ сидящей фигурѣ Зевса; въ Берлинскомъ каталогѣ (№ 134) она отождествлена съ Аполлономъ ⁵⁾.

Гермесъ.

Займемся теперь культомъ Гермеса. Извѣстія о немъ даютъ какъ надписи, такъ и монеты ольвійскія. Вообще нерѣдки случаи сов-

¹⁾ L. cit., p. 59.

²⁾ Pl. XI, 4.

³⁾ De Koehn e, l. cit., p. 88.

⁴⁾ Табл. XI, 22.

⁵⁾ Если признать правильнымъ отождествленіе фигуры съ Зевсомъ, то не представится-ли возможнымъ, принявъ во вниманіе рисунокъ обратной стороны, считать эту фигуру за изображеніе Ζεὺς Ὀλβιοςъ?

мѣстнаго почитанія Аполлона и Гермеса, какъ братской четы, при чемъ Аполлонъ считался глашатаемъ и пророкомъ Зевса, а Гермесь олицетворялъ его распростертую десницу; таковыми считались ихъ роли, когда изображенія ихъ помѣщались рядомъ на улицахъ и передъ дверьми домовъ,—Аполлона, какъ Ἀγχιεύς, а Гермеса какъ Ἐνόδιος ¹⁾. Уже въ виду этого мы можемъ ожидать свидѣтельствъ о культѣ Гермеса въ Ольвіи, гдѣ Аполлонъ занималъ столь почетное положеніе. Гермесь былъ богомъ ремеслъ, рынковъ и торговли какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; поэтому на рыночной площади каждаго значительнаго города находилась статуя Гермеса Ἀγοραῖος. Въ качествѣ рыночнаго бога онъ упоминается и въ двухъ ольвійскихъ надписяхъ (см. ниже).

Древнѣйшая ольвійская надпись съ именемъ Гермеса относится къ третьему вѣку до Р. Х. ²⁾; начинается она слѣдующими словами:

[Νικόδρο]μος Διονυσίου [γυμνασ]ιαρχήσας
[τὸν οὐ]δὸν (?) Διονύσιον Ἑρμ[ῆ] καὶ Ἴρακλεῖ.

Повидимому, эта надпись представляетъ собою посвященіе Гермесу въ его роли ἀγώνιος ³⁾.

Гермесь Ἀγοραῖος былъ богомъ, которому ольвійскіе агораномы совершали приношенія. Двѣ изъ подобныхъ посвятительныхъ надписей дошли до насъ ⁴⁾. Надъ первой изъ нихъ имѣется рѣзьба, которую Латышевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Super titulo Fortunae rota incisa est. infra manu admodum rudi Mercurii protome, dextra marsupium tenentis, sinistra caduceum, utrimque foliola, e quibus id, quod ad dextram spectanti est, caput humanum in medio incisum habet“. Приведемъ также окончаніе самой надписи; послѣ именъ агораномовъ читается: Ἑρμῆ Ἀγοραῖωι ἀνέθηκαν Νείκην ἀργυρέαν ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθείας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Вторая надпись отличается только именами архонта и агораномовъ. Обѣ надписи принадлежатъ очень позднему періоду ⁵⁾.

¹⁾ Preller-Robert, Gr. Myth. I, 385.

²⁾ IosPE. IV, 459. ³⁾ Относительно другихъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются вмѣстѣ Гермесь и Гераклъ, см. Preller-Robert, I, p. 415, n. 4.

⁴⁾ IosPE. I. 75, 76.

⁵⁾ [Въ 1902 г. найдена въ Ольвіи еще одна надпись, относящаяся къ разсматриваемому культу. Она представляетъ собою написанное по латыни посвященіе Меркурію алтаря двумя солдатами въ 248 г. по Р. Хр. См. Изв. II. Арх. К. в. 10, стр. 6, № 4].

У Пика ¹⁾ описаны двѣ монеты съ изображеніемъ Гермеса; въ Берлинской коллекціи нѣтъ ни одной подобной монеты. На лицевой сторонѣ обѣихъ монетъ Пика изображена голова Гермеса въ петасѣ; типы головы на этихъ монетахъ совершенно различны. Монета № 32 отчеканена весьма неудовлетворительно: если представить себѣ эту монету раздѣленною на четверти, то окажется, что голова почти вся помещается въ лѣвой нижней четверти кружка; петасъ здѣсь гораздо болѣе плоскій и болѣе отчетливый, чѣмъ на монетѣ № 33. На этой послѣдней, кромѣ того, выбито влеймо въ видѣ вѣтки, помещенное за головою. На обратной сторонѣ обѣихъ монетъ изображенъ кадудей.

Упомянемъ еще объ одной монетѣ, описанной Пикомъ ²⁾, а именно, о монетѣ скиѣскаго царя Инисмея; на обратной сторонѣ ея изображена женская голова въ согопа *megalis* (Τόχη Ольвіи). Кёне ³⁾ отождествляетъ изображенную на лицевой сторонѣ ея бородатую голову съ Гермесомъ, но мы не видимъ здѣсь никакихъ характерныхъ для Гермеса признаковъ, такъ что болѣе правдоподобно признать въ этомъ изображеніи портретъ Инисмея. Кёне относитъ монету къ эпохѣ реставраціи Ольвіи, т. е. ко времени между 60 г. до Р. Х. и 193 г. по Р. Х.

Посидонъ.

Строго говоря, едва-ли возможно рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о культѣ Посидона въ Ольвіи, такъ какъ ни въ одной надписи не встрѣчено его имя, а изображенія его на монетахъ весьма сомнительны. Однако, извѣстна одна интересная надпись изъ Пантисаея ⁴⁾, которую *Πανταλέων ναύαρχος* посвящаетъ *Ποσιδῶνι Σωσιπέ[ω]ι καὶ Ἀφροδίτῃ Ναυαρχίδι*. Относительно этой надписи Латышевъ замѣчаетъ: „*Dei et deae epitheta, quae in titulo leguntur, primum hic videntur innotuisse*“. Объ этомъ соединеніи Посидона съ Афродитой мы упоминали уже выше, при разсмотрѣніи культа Афродиты *Ἐβλόα*.

Кёне ⁵⁾ даетъ двѣ монеты, на которыхъ, по его мнѣнію, изображенъ Посидонъ. Первую (№ 43) онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Лиц. стор. Голова Посидона.—Обр. стор. Сѣкира, налучье и болчанъ.

¹⁾ Табл. X, 32, 33. См. также De Koehne, l. cit. I, p. 66.

²⁾ Табл. XII, 9. ³⁾ L. cit. I, 71.

⁴⁾ Юс-РЕ. II. 25. ⁵⁾ L. cit., p. 44, 45.

При этомъ Кёне допускаетъ возможность отождествленія головы съ Зевсомъ. Но присутствіе сѣкиры и лука въ чехлѣ на обратной сторонѣ дѣлаетъ болѣе правдоподобнымъ отождествленіе съ Бориссеномъ ¹⁾.

Вторая монета Кёне (№ 44), вѣроятно, одинакова съ монетой табл. IX, 24 у Пика. Кёне даетъ слѣдующее ея описаніе:

Лиц. стор.

Обр. стор.

Голова Посидона, влѣво.

ΟΔΒΙ. Дельфинъ влѣво, внизу ΦΟ.

Если-бы не изображеніе дельфина на обратной сторонѣ, то вполне возможно было бы признать въ рисунокѣ лицевой стороны изображеніе рѣчного бога ²⁾, такъ какъ лобъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были бы помѣститься рога, сохранился не ясно. Но такъ какъ серія монетъ съ изображеніемъ Бориссена имѣетъ для рисунка обратной стороны изображенія сѣкиры и лука въ чехлѣ, то можно согласиться съ опредѣленіемъ Кёне. Вообще надо полагать, что культъ Посидона имѣлъ нѣкоторое значеніе въ Ольвіи, во-первыхъ потому, что Ольвія была приморскимъ городомъ, и во-вторыхъ потому, что въ Іоніи культъ Посидона занималъ главное мѣсто ³⁾.

Діонисъ.

Діонису также должно быть удѣлено мѣсто среди тѣхъ божествъ, культъ которыхъ существовалъ въ Ольвіи, такъ какъ мы имѣемъ у Геродота ⁴⁾ извѣстія о празднованіи здѣсь его мистерій, послужившихъ причиною смерти скискаго царя Скила.

Извѣстна также надпись, упоминающая о Діонисіяхъ въ Ольвіи; это—упомянутый выше декретъ въ честь Каллиника ⁵⁾, заканчивающійся словами: τὸν δὲ στέφανον ἀναγορεύθηαι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ. Латышевъ относитъ этотъ декретъ къ IV вѣку до Р. X.

¹⁾ Эта монета, повидимому, тождественна съ изображенной у Пика на табл. IX, 32.

²⁾ На такое опредѣленіе имѣется намекъ въ Берлинскомъ каталогѣ, № 66.

³⁾ Среди прочихъ извѣстій укажемъ на Herod. I. 148; Paus. VII, 24, 5 (замѣтка Frazer'a); *Mith. d. Arch. Inst.* 10 (1885), p. 32; *Bull. de corr. Hell.* 13 (1889), p. 279.

⁴⁾ Herod. IV. 78, 79. Это мѣсто имѣетъ важное значеніе по многимъ причинамъ, такъ какъ оно служитъ иллюстраціей высокаго уровня греческой цивилизаціи въ Ольвіи и повѣствуетъ о впечатлѣніи, произведенномъ ею на скискаго царя. Rawlinson (ad loc.) говоритъ: «Милетскіе колонисты, повидимому, перенесли въ Ольвію культъ фригійскаго Бакха (Сабазія). Вслѣдствіе того и сама Ольвія носила названіе «Σαζία» или «Στοία» (Peripl. P. Eux., p. 151)». Это объясненіе намъ кажется весьма неправдоподобнымъ. [Ср. о немъ В. В. Латышева «Исслѣд. о госуд. стрѣхъ Ольвіи», Спб. 1887, стр. 35 сл.] ⁵⁾ *InsPE.* I, 12.

Затѣмъ имя Діониса встрѣчается въ двухъ пантисапейскихъ надписяхъ ¹⁾. Особенно интересна вторая изъ нихъ, состоящая изъ словъ: Διονύσω[ι 'Α]ρείωι.

Этотъ эпитетъ Діониса ранѣе былъ извѣстенъ только изъ одного орфическаго гимна (30. 4). По опредѣленію Латышева, приведенная надпись, открытая въ 1892 г., относится къ IV вѣку до Р. Х. ²⁾.

Нѣсколько странно, что на ольвійскихъ монетахъ не встрѣчено изображеній Діониса; но за то мы часто находимъ Діониса, Ариадну и близкіе къ нимъ мотивы среди вазовой живописи, открытой въ этой области ³⁾.

Арей.

Право Арея занять мѣсто среди прочихъ боговъ въ этомъ изслѣдованіи нѣсколько сомнительно. Правда, можно указать на хорошо извѣстныя мѣста у Геродота ⁴⁾, гдѣ онъ говоритъ объ алтарѣ изъ хвороста и о почитаніи стариннаго меча. Но прежде всего у насъ совершенно нѣтъ доказательствъ того, что въ этомъ заключался культъ именно Арея; здѣсь скорѣе всего дѣло идетъ о какомъ-либо варварскомъ почитаніи меча. Далѣе, если-бы даже было доказано, что Арей былъ предметомъ особаго культа у Скивовъ, изъ этого вовсе не слѣдовало бы, что этотъ культъ существовалъ и въ Ольвіи. Къ тому же неизвѣстно ни одной ольвійской надписи, относящейся къ Арею. Только монеты еще могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о культѣ этого божества. Въ Берлинскомъ каталогѣ описаны три монеты (№№ 136—138), на обратной сторонѣ которыхъ изображена стоящая фигура Арея. Обратная сторона монеты № 136 ⁵⁾ описана въ каталогѣ слѣдующимъ образомъ: „ΟΑΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ. Стоящій Арей вправо; лѣвая рука опирается на копье. Въ лѣвой части поля буква Α“. На лицевой сторонѣ этой монеты изображенъ бюстъ Геты. Двѣ другія берлинскія монеты сходны съ описанной. Кёне ⁶⁾ полагаетъ, что здѣсь изображена бультовая статуя Ахилла Понтарха, но для такого опредѣленія, повидимому, нѣтъ достаточнаго основанія. Точно такъ же Кёне относитъ къ Ахиллу

¹⁾ Ibid. II, 18; IV, 199.

²⁾ [Въ послѣдніе годы найдены въ Ольвіи еще двѣ посвятивительныя надписи Діонису IV вѣка до Р. Хр. См. *Изв. II. Арх. Ком.м.* в. 18, стр. 109, № 13, и вып. 23, стр. 30, № 4. Въ послѣдней упоминается жречество Діониса].

³⁾ *Compte rendu (passim)* и *Antiq. du Bosph. Cimm.*, напр. табл. IX.

⁴⁾ Herod. IV, 59, 62.

⁵⁾ См. Pick, табл. XII, 1. [Подобная монета у Бурачкова, табл. VIII, 190 и стр. 76].

⁶⁾ L. cit. I, p. 84.

изображеніе на монетѣ, данной Пикомъ ¹⁾, но не указанной въ Берлинскомъ каталогѣ; однако, изображенная здѣсь стоящая фигура съ воплемъ скорѣе похожа на Арея, а не на Ахилла, и имѣетъ видъ копія съ какой-либо архаической статуи. На обратной сторонѣ этой монеты изображенъ кадуцей. Всѣ эти монеты относятся къ позднему періоду.

Гелиосъ.

О культѣ Гелиоса въ Ольвіи мы имѣемъ нѣсколько очень интересныхъ нумизматическихъ данныхъ. Монета № 114 ²⁾ по Берлинскому каталогу описана слѣдующимъ образомъ:

Лиц. стор.		Обр. стор.
Голова Гелиоса впрямь, съ лучами.		ОΛ надъ передними частями двухъ концовъ, соединенныхъ спинами.
Æ. 5.		

Эта монета описана также у Пика ³⁾; она относится къ сравнительно ранней эпохѣ. Von Sallet замѣчаетъ, что эти монеты обнаруживаютъ слѣды возникновенія въ Ольвіи новаго монетнаго типа. Описанія этихъ монетъ имѣются и у Кёне ⁴⁾; онъ добавляетъ, что онѣ представляютъ единственное свидѣтельство о существованіи въ Ольвіи культа Гелиоса ⁵⁾. Кёне предполагаетъ, что этотъ культъ былъ принесенъ въ Ольвію изъ Синопы, такъ какъ на одной синопской монетѣ ⁶⁾ изображена голова Гелиоса, а на другой ⁷⁾ извѣстно клеймо въ видѣ головы съ надписью ΣΙΝΩΠ[ΕΩΝ] между лучей. Болѣе правдоподобно было бы предположеніе, что культъ Гелиоса занесенъ изъ Родоса ⁸⁾, бывшаго отчизною этого культа. Въ качествѣ нагляднаго примѣра близкихъ отношеній между обоими государствами въ сравнительно позднее время мы можемъ указать еще разъ на надпись Посидея. Затѣмъ мы имѣемъ доказательство коммерческихъ сношеній между Родосомъ и Ольвіей въ томъ фактѣ, что въ мѣстности близъ послѣдняго города найдено множество амфорныхъ ручекъ съ клеймами, свидѣтельствующими о происхожденіи

¹⁾ Табл. XI, 21.

²⁾ Монеты №№ 115 и 116 сходны съ № 114.

³⁾ Табл. IX, 31.

⁴⁾ L. cit., p. 58, 59.

⁵⁾ Въ Берлинскомъ каталогѣ описана одна монета (№ 32) съ изображеніемъ Геракла на обратной сторонѣ, «выше головы котораго выбито небольшое круглое клеймо въ видѣ юной головы Гелиоса съ лучами».

⁶⁾ *Mionnet*. Suppl. IV, p. 574, 131.

⁷⁾ *British Museum Catalogue*. Pontus, табл. XXII, 15 (время: около 290—250 г.г. до Р. Хр.).

⁸⁾ Однако, возможно допустить усвоеніе Ольвіей типа обратной стороны монетъ, а именно орла, стоящаго на рыбѣ, изъ Синопы; см. выше культъ Деметры.

ихъ съ о. Родоса ¹⁾; но особенно настаивать на этомъ аргументѣ мы не въ правѣ, такъ какъ подобныя ручки извѣстны почти изъ всѣхъ мѣстъ греческаго міра.

Ольвійскихъ надписей съ именемъ Гелиоса мы не знаемъ, но имѣется одна надпись изъ Пантикапея ²⁾, поздняго періода, и одна изъ Горгиппіи ³⁾, 41 г. по Р. Х. Обѣ онѣ относятся къ освобожденію рабовъ. Въ обѣихъ встрѣчается одна и та-же формула: ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἦλιον. По поводу этой формулы Латышевъ ⁴⁾ приводитъ для сравненія одну надпись изъ Оерма въ Этоліи ⁵⁾, которая также имѣетъ отношеніе къ освобожденію раба.

Діоскуры.

Неад ⁶⁾ говоритъ, что культъ Діоскуровъ былъ очень распространенъ вообще по берегамъ Евксина. Въ частности, мы имѣемъ два извѣстія о существованіи этого культа въ Ольвіи. Первое даетъ мраморная плитка съ фрагментарной надписью III или II вѣка до Р. Х. ⁷⁾. Выше надписи видны двѣ шапки Діоскуровъ, половина звѣзды и, повидимому, слѣды второй половины. Затѣмъ, у Пика (табл. X. 31) дано описаніе одного монетнаго типа, два экземпляра котораго имѣются также въ Берлинскомъ каталогѣ (№№ 67, 68). На обратной сторонѣ этой монеты изображенъ дельфинъ между шапками Діоскуровъ и сверху большая звѣзда. По объясненію Кёне ⁸⁾, дельфинъ здѣсь помѣщенъ въ качествѣ символа связи Діоскуровъ съ моремъ, какъ покровителей моряковъ. Кёне даетъ также нѣсколько пантикапейскихъ монетъ съ символами Діоскуровъ; затѣмъ они встрѣчаются очень нерѣдко на монетахъ Танаида и Діоскуриады въ Колхидѣ. На основаніи хорошо извѣстной связи Діоскуровъ съ мореплаваніемъ вполне естественно встрѣтить культъ Діоскуровъ и въ Ольвіи. Достаточное подтвержденіе этого заключенія мы видимъ въ вышеупомянутой мраморной плиткѣ и монетѣ.

Кабирь.

Въ виду тѣсной связи между Діоскурами и Кабирами мы считаемъ умѣстнымъ рассмотретьъ культъ послѣднихъ вслѣдъ за культомъ

¹⁾ Büchsenschütz, Besitz und Erwerb, p. 422—4. См. Inscr. Gr. Insul. Maris Aeg. I, p. 175 (добавленіе о родосскихъ амфорныхъ ручкахъ), а также см. статью Векеръа (Mélanges Gréco-Rom. vol. I, p. 416).

²⁾ IosPE. II, 54.

³⁾ Ibid. II, 400.

⁴⁾ Ibid. I, 98.

⁵⁾ Dittenberger, Syll. II², 837.

⁶⁾ Historia Numorum, p. 235 (Истръ).

⁷⁾ IosPE. I. 18. C. I. G. II, add. p. 1000. № 2083b.

⁸⁾ L. cit. p. 57.

Диоскуровъ. Въ 1897 году была найдена очень интересная надпись, имѣющая отношеніе къ культу Кабировъ въ Ольвіи ¹⁾. Она высѣчена на пьедесталѣ изъ бѣлаго мрамора; Латышевъ относитъ ее ко II вѣку до Р. Х. Она гласитъ слѣдующее:

Εὐβίωτος Ἀρίστωνος.
 Ἐπιχράτης Νικηράτου
 τὸν θεῖον
 θεοῖς τοῖς ἐν Σαμοθράκη[ι]
 ἱερησάμενον.

Въ виду того, что эта надпись содержитъ въ себѣ единственное упоминаніе о культѣ Кабировъ не только въ Ольвіи, но, повидимому, и по всей области сѣвернаго Евксина, она имѣетъ особо важное значеніе. Извѣстно ²⁾, что культъ Кабировъ существовалъ въ Милетѣ, вѣроятно, въ храмѣ Дидимейскаго Аполлона; поэтому вполне возможно, что этотъ культъ перешелъ въ Ольвію изъ ея митрополи. Возможно и другое предположеніе, а именно, что культъ перешелъ непосредственно изъ Самоэраки: на это прямо намекаетъ формула надписи (θεοῖς τοῖς ἐν Σαμοθράκηι). Мы уже видѣли, что въ Ольвіи существовали культы Деметры, Гермеса, Діониса и, по всей вѣроятности, также Диоскуровъ; въ виду того, что эти божества связаны были съ самоэракійскимъ культомъ, весьма понятно, что въ Ольвіи долженъ былъ существовать и культъ Кабировъ.

Асклепій.

О существованіи культа Асклепія въ Ольвіи мы имѣемъ два извѣстія. Одно изъ нихъ имѣетъ второстепенное значеніе; именно, оно представляетъ случайное упоминаніе въ декретѣ Протогена ³⁾ о πύργος Ἐπιδαυρίου, на основаніи чего можно предположить, что неподалеку находился храмъ Асклепія, отъ котораго получила свое названіе и башня. Другое свидѣтельство болѣе важно; это—найденный въ Ольвіи и упо-

¹⁾ IosPE. IV, 27. [Надпись приведена здѣсь по чтенію, исправленному В. В. Латышевымъ въ *Изв. II. Арх. К.* в. 10, стр. 9]. ²⁾ C. I. G. 2882.

³⁾ IosPE. I. 16, B. 46.

минаемый у Кёне ¹⁾ барельефъ. Mr. Rouse ²⁾ гадательно опредѣляетъ, что сидящая фигура на этомъ рельефѣ представляетъ Ахилла. Но при изслѣдованіи оказывается, что такое опредѣленіе не допустимо; на стѣнѣ помѣщено изображеніе человѣческаго торса ³⁾, повидимому, посвященнаго въ качествѣ приношенія по обѣту. Этотъ фактъ говоритъ рѣшительно въ пользу предположенія, что сюжетомъ для рельефа послужилъ Асклепій. Уваровъ считаетъ этотъ рельефъ наиболѣе важнымъ памятникомъ подобнаго рода изъ найденныхъ въ Ольвіи. На основаніи указанныхъ двухъ фактовъ можно заключить, что и Асклепій имѣлъ свое мѣсто среди божествъ ольвійскаго пантеона, чего и слѣдовало ожидать, даже безъ прямыхъ свидѣтельствъ, уже вслѣдствіе тѣсной связи Асклепія съ Аполлономъ.

Въ области Евксина найдены двѣ надписи, относящіяся къ Асклепію. Одна изъ нихъ—херсонесская ⁴⁾, относящаяся къ римской эпохѣ; въ ней указывается, что копія декрета должна быть поставлена ἐν τῷ ἱερῶι τοῦ Ἀσκληπιῶ. Другую надпись, происходящую изъ Пантуканея ⁵⁾, приводимъ цѣликомъ: Θεῶ Ἀσκληπιῶ σωτ[ῆρι] καὶ εὐεργέτῃ τῆν τ[ράπε]ζαν ἀνέστησε Στρ[ατόδη]μος Μενεστράτου.

Ахиллъ Понтархъ.

Во введеніи мы подвергли уже обсужденію вопросъ о томъ, былъ ли ольвійскій культъ Ахилла Понтарха греческаго, или скиѣскаго происхожденія; теперь намъ остается рассмотретьъ эпиграфическій и иной матеріалъ, касающійся этого культа въ Ольвіи. Литературнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи является Діонъ Хрисостомъ ⁶⁾; онъ говоритъ: „τοῦτον (т. е. Ахилла) μὲν γὰρ ὑπερφυῶς τιμῶσι, καὶ νεῶν τὸν μὲν ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ἀχιλλέως καλουμένη ἴδρουνται, τὸν δὲ ἐν τῇ πόλει, ὥστε οὐδὲ ἀκούειν ὑπὲρ οὐδενὸς ἄλλου θέλουσιν ἢ Ὀμήρου. καὶ τᾶλλα οὐκέτι σαφῶς ἐλληνίζοντες διὰ τὸ ἐν μέσοις οἰκεῖν τοῖς βαρβάροις, ὅμως τὴν γε Ἰλιάδα ὀλίγου δεῖν πάντες ἴσασιν ἀπὸ στόματος“. Не выяснено, подразумѣваетъ ли здѣсь Діонъ подъ именемъ „острова Ахилла“ Левку, или Бере-

¹⁾ L. cit. p. 7. Рельефъ изданъ гр. Уваровымъ въ „Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale“, 120, табл. 13.

²⁾ „Greek votive Offerings“, p. 20. Mr. Rouse здѣсь слѣдуетъ автору статьи „Герои“ у Roscher'a (I, 2571), относящему изображеніе на рельефѣ къ Ахиллу.

³⁾ См. Rouse, l. cit. p. 210—212, относительно обычая посвящать изображеніе больного мѣста: «Глаза, посвящаемые по обѣту . . . составляютъ 2/3 всего количества посвященій. Затѣмъ слѣдуетъ торсъ».

⁴⁾ IosPE. I. 129.

⁵⁾ Ibid. II, 30.

⁶⁾ Orat. XXXVI, 439. M.

зань, небольшой островъ при устьѣ Борисѣена. По мнѣнію Escher'a ¹⁾ и Fleischer'a ²⁾, здѣсь подразумѣвается Березань ³⁾; въ общемъ такое предположеніе болѣе вѣроятно. Конечно, и на островѣ Левкѣ существовалъ храмъ. Древніе писатели, какъ и современные, постоянно смѣшивали Левку и Березань какъ между собою, такъ и съ „δρόμος Ἀχιλλέως“. Этотъ „Ахилловъ бѣгъ“ представляетъ собою узкую полосу земли въ югу отъ Ольвіи и устья Борисѣена, западная оконечность которой омывается моремъ, а восточная находится въ заливѣ; съ материкомъ коса соединяется по срединѣ узкимъ перешейкомъ. Всѣ упомянутыя мѣста были посвящены Ахиллу Понтарху. По извѣстіямъ столь поздняго автора, какъ Діонъ, конечно, нельзя съ достовѣрностью опредѣлить древность культа Ахилла, но можно всетаки заключить, что культъ подобнаго значенія былъ установленъ въ болѣе древнія времена. Изъ цитированныхъ нами выше строкъ Алгея мы знаемъ, что уже съ самыхъ древнихъ временъ Ахиллъ былъ почитаемъ въ качествѣ бога-покровителя сѣвернаго Евесина. Изъ древнѣйшихъ ольвійскихъ надписей, правда, мы не знаемъ ни одной, которая бы имѣла отношеніе къ Ахиллу. Одна надпись, весьма важная въ данномъ отношеніи, отнесена Латышевымъ къ началу перваго вѣка до Р. X. ⁴⁾; она несомнѣнно относится къ эпохѣ до разрушенія города, происшедшаго приблизительно за 150 лѣтъ до посѣщенія его Діономъ. Эта надпись представляетъ собою декретъ въ честь Императора, сына Папія, защитившаго гражданъ отъ непріятелей: декретомъ опредѣлено, чтобы онъ былъ погребенъ на общественный счетъ. Здѣсь читаются слѣдующія слова: ἐν τῷ ἀγῶνι τὰχιλλεῖ κατὰ τὸ ποδόδρομον τῆς ἱπποδρομίας.

Это—древнѣйшая надпись, относящаяся къ Ахиллу, изъ самой Ольвіи; но за то извѣстна одна надпись, гораздо болѣе древняя, изъ мѣстности, лежащей рядомъ съ Ольвіей. Именно, при устьѣ Борисѣена и Ипанида находится „роца Геваты“, представляющая песчаную косу, которою обанчивается полуостровъ, нынѣ носящій названіе Кинбурнскаго. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ этого мѣста рыбаки въ 1885 году вытащили изъ моря жертвенникъ съ надписью: Ἀχιλλεῖ

¹⁾ У Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. п. сл. Achilles.

²⁾ Въ лексиконѣ Roscher'a п. сл. Achilles.

³⁾ Таковъ и взглядъ Köhler'a, но по мнѣнію Латышева, здѣсь разумѣется Левка (op. cit. I, p. 167). Замѣтимъ, что Латышевъ сомнѣвается въ достовѣрности указанія происхожденія надписи С. I. G. 2, 2076 (=IosPE. I, 77), которую Fleischer приводитъ, какъ найденную на Березани.

⁴⁾ IosPE. I, 17.

τὸν βωμὸν καὶ τὸ κέδρον ¹⁾). Латышевъ относитъ эту надпись къ IV или, по крайней мѣрѣ, къ III вѣку до Р. Х. Она представляетъ особый интересъ и значеніе, такъ какъ указываетъ намъ, что культъ Ахилла на сѣверномъ Евксинѣ былъ даже болѣе распространенъ, чѣмъ можно было предполагать ²⁾).

Слѣдуетъ полагать, что въ указанной мѣстности существовалъ если не храмъ, то, по крайней мѣрѣ, алтарь, посвященный Ахиллу. Здѣсь культъ его былъ распространенъ, по всей вѣроятности, среди рыбаковъ, такъ какъ мы не имѣемъ данныхъ предполагать, что коса эта была заселена. Въ виду того, что жертвенникъ былъ найденъ въ морѣ, довольно далеко отъ берега, слѣдуетъ думать, что песчаная коса перемѣнила свое положеніе со времени древности.

Отъ той же эпохи или даже нѣсколько болѣе ранней (IV вѣкъ до Р. Х.) до насъ дошла надпись съ острова Левки ³⁾), представляющая собою посвященіе Ахиллу отъ неизвѣстнаго ольвийскаго гражданина:

[Ὁ δεῖνα Δημόστρατο(υ) Ἀχιλλεῖ
[Λευκ]ῆς μεδέοντι Ὀλβιοπολίτ[ης].

Эту надпись можно считать равносильной прямому доказательству существованія культа Ахилла въ самой Ольвіи уже въ сравнительно раннюю эпоху ⁴⁾). На томъ же островѣ былъ найденъ важный декретъ ольвийскихъ гражданъ въ честь неизвѣстнаго лица, повидимому, обитателя острова ⁵⁾); Латышевъ относитъ его къ концу IV или началу III вѣка до Р. Х. Въ Ольвіи найденъ отрывокъ почетнаго декрета ⁶⁾ того же времени; по мнѣнію Латышева, эта надпись, подобно предыдущей, относится къ какому-либо обитателю Левки ⁷⁾). Но, по свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, островъ былъ необитаемъ и морякамъ запрещалось ночевать на немъ ⁸⁾), изъ чего можно заключить, что лица, упомянутыя въ приведенныхъ надписяхъ, были жрецами или попечителями храма Ахилла на Левкѣ. Если упоминаемый Діономъ островъ есть дѣйстви-

¹⁾ IosPE. IV, 63.

²⁾ См. также отрывокъ надписи изъ Неаполя, второго вѣка до Р. Х., представляющей, повидимому, посвященіе Ахиллу (IosPE. IV, 192).

³⁾ IosPE. I, 172.

⁴⁾ Относительно формы ср. посвященіе Посидея Ἀχιλλεῖ νόστο [μεδέοντι] изъ Неаполя. IosPE, I, 244.

⁵⁾ IosPE. I, 171.

⁶⁾ IosPE. I, 13.

⁷⁾ [Такого мнѣнія я не высказывалъ. В. Л.].

⁸⁾ Scyl. Peripl. 68; Arrian. Per. 32; Anon. Peripl. 66; Amm. Marc. XXII. 8, 35; Max. Tyr. diss. XX. 7.; Philostr. Heroic. 20, 35.

тельно Левка, то можно заключить, что попеченіе о храмѣ на этомъ островѣ лежало на обязанности ольвійскихъ гражданъ.

Цѣлый рядъ посвячительныхъ надписей, изданныхъ Латышевымъ ¹⁾ и относящихся, вѣроятно, во II или III столѣтію по Р. Х., говоритъ въ пользу того, что культъ Ахилла имѣлъ важное значеніе и въ позднѣйшій періодъ исторіи города. По мнѣнію Латышева, всѣ эти надписи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были найдены не на самомъ мѣстѣ древней Ольвіи ²⁾, безусловно происходятъ изъ нея, такъ какъ онѣ сходны по формѣ съ несомнѣнно ольвійскими надписями и такъ какъ почти всѣ встрѣчающіяся въ нихъ имена попадаютъ и въ другихъ ольвійскихъ надписяхъ. Нѣкоторые авторы полагали, что эта серія надписей принадлежитъ городу Одессу, но онъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы имѣть пять архонтовъ и шесть стратеговъ или чтобы надписи его упоминали о состязаніяхъ. Интересно отмѣтить нѣкоторую разницу между надписями о посвященіяхъ Ахиллу и надписями о посвященіяхъ Аполлону Простату, относящимися къ той же эпохѣ: въ этихъ послѣднихъ всегда называется предметъ, приносимый въ даръ, тогда какъ въ надписяхъ о посвященіяхъ Ахиллу, имѣется лишь общее упоминаніе о *χαριστήριον*. Исключеніе представляютъ только надписи №№ 77 и 81; въ первой изъ нихъ выпущено даже слово *χαριστήριον*, а во второй указано, что предметъ дара составлялъ *στέφανος* (принесенный жрецомъ). Въ видѣ примѣра подобныхъ надписей приведемъ № 79: *Ἀγαθῆ τύχη. Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ οἱ περὶ Καλλισθένην Σατόρου στρατηγῶ: Μηνόδωρος Ποντικοῦ, Νάβαζος Νομηγίου, Ἀχιλλεὺς Συν(τ)ρόφου, Βάδαγος Ἰεζδράδου, Δάδαγος Κουζαίου ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθίας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας χαριστήριον.*

Надпись № 82 интересна тѣмъ, что представляетъ собою посвященіе *Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ καὶ Θετίδῃ*; культъ Ахилла, Тетиды и Нерейды, какъ извѣстно, существовалъ въ іонійскомъ городѣ Эриорахъ ³⁾.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что имя Ахилла очень часто встрѣчается въ Ольвіи [въ качествѣ личнаго имени для людей]; цѣлую дюжину примѣровъ можно найти въ надписяхъ, изданныхъ Латышевымъ.

¹⁾ IosPE. I, 77—83; IV, 17—19. [*Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 3, № 2; вып. 18, стр. 110, № 14; выше, стр. 35, № 32; двѣ послѣднія найдены на о. Березани].

²⁾ По поводу разбросанности камней Ольвіи Латышевъ ссылается на Уварова (*Rech.* p. 32). Надпись IV, 18 найдена среди развалинъ Ольвіи.

³⁾ Dittenberger, *Syll.* 2. 600; Michel, *Recueil*, 839, B. 2, 27.

Вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы кавія-либо нумизматическія извѣстія объ ольвійскомъ культѣ Ахилла, остается еще не рѣшеннымъ. Кёне ¹⁾ даетъ три монеты, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ изображеніе Ахилла. Но, какъ мы уже видѣли, на двухъ изъ нихъ можно признать съ большей долей вѣроятія изображенія Арея. Что касается третьей, то возможно, что на ней изображенъ Ахиллъ. По виду эта монета сходна, но не тождественна съ монетой, описанной Пивомъ ²⁾. Обратная сторона ея описана у Кёне слѣдующимъ образомъ:

„ΟΑΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ. Homme nu, tourné à gauche, posant le pied droit sur une élévation et tenant dans la droite un objet indistinct. Devant lui une meta. Dans le champ Γ“.

Если изображенный на монетѣ предметъ дѣйствительно представляетъ собою „мету“, то заключеніе о томъ, что на монетѣ изображенъ Ахиллъ, является вполнѣ основательнымъ; изъ всѣхъ извѣстныхъ ольвійскихъ монетъ эта монета оказывается единственною съ изображеніемъ Ахилла.

Геракль.

Голова Геракла нерѣдко фигурируетъ въ качествѣ типа на ольвійскихъ монетахъ. Уже на основаніи связи Геракла съ сѣверомъ, хорошо извѣстной изъ Пиндара (Олупр. III), мы могли надѣяться встрѣтить въ Ольвіи особый культъ Геракла. Вспомнимъ также одно мѣсто у Геродота, гдѣ онъ повѣствуетъ, по рассказамъ обитавшихъ по берегамъ Понта Грековъ, что Гераклъ, послѣ похищенія имъ стада Геріона, пройдя черезъ Скиюю, прибылъ ἐς τὴν Ἰλαίην καλομένην γῆν ³⁾ (ср. у Пиндара: „τόθι δένδρεα θάμβαινε σταθείς“).

Далѣе Геродотъ сообщаетъ ⁴⁾, что въ Эксампеѣ, мѣстности, лежавшей неподалеку отъ Ольвіи, показывали слѣдъ ноги Геракла; но этотъ „слѣдъ ноги“ не имѣетъ какого-либо особеннаго значенія, такъ какъ, по видимому, по всѣмъ землямъ греческаго міра считались принадлежащими Гераклу предметы, подобные тѣмъ, которые въ Англіи обыкновенно считаются собственностью діавола, напр. „чортовы стрѣлы“, „дьяволовъ кубокъ“ и т. д. Культъ Геракла вообще былъ столь общераспространеннымъ, что врядъ-ли мы можемъ предполагать специально-мѣстное значеніе его въ Ольвіи; но все же надо признать, что здѣсь Гераклъ былъ особенно

¹⁾ L. cit. I, p. 84, 85, 88.   ²⁾ Табл. XII, 2.   ³⁾ Herod. IV, 8, 9.   ⁴⁾ Herod. IV, 82.

подходящимъ объектомъ для культа, если принять во вниманіе легендарную связь его съ сѣверомъ.

Переходя въ эпиграфическимъ извѣстіямъ объ ольвийскомъ культѣ Геракла, нужно замѣтить, что они довольно любопытны. Латышевъ ¹⁾ издалъ одну надпись, вырѣзанную на камнѣ, весьма сходномъ съ военскими надгробными камнями IV вѣка до Р. Х.; матеріаломъ для этой плиты послужилъ, повидимому, аттический мраморъ. На этомъ основаніи сдѣлано заключеніе, что плита была привезена изъ Аѳинъ въ Ольвію для погребальныхъ цѣлей, но здѣсь, по тѣмъ или инымъ причинамъ, была употреблена не для надгробнаго памятника, а для посвященія. Надпись весьма плохо сохранилась; очевидно, она была нарочно испорчена еще въ древности. Латышевъ восстанавливаетъ ее слѣдующимъ образомъ: [Κλεόμβροτος Παντακλέους ἀνέθ]ηκε τ[ὸν πύργον] Ἡ[ρ]α[κ]λεῖ [καὶ] τῶιδήμ[ωι].

Затѣмъ слѣдуетъ эпиграмма изъ шести строкъ; изъ нихъ мы приведемъ первыя двѣ:

Ἡράκ[λ]εε[ς], σοὶ [τ]ὸνδε Κλεόμβροτος εἶσ[α]τ[ο] π[ύ]ργον
καὶ δῆμωι ποταμ[οῦ] τ[οῦ]δε [πα]ρ' ἡῖ[όνα].

Мы встрѣтили уже примѣръ постройки башни частными лицами въ декретѣ Протогена ²⁾. Выше мы указали надпись ³⁾, въ которой со- вмѣстно упоминаются Гермесъ и Гераклъ. Любопытно, что и на этой надписи видны слѣды преднамѣренной порчи, изъ чего Латышевъ заключаетъ, что въ извѣстную эпоху культъ Геракла былъ въ Ольвіи упраздненъ и имя его стерто съ памятниковъ.

Имя Геракла встрѣчается также въ надписяхъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ сѣвернаго Евксина ⁴⁾. Одна пантикапейская надпись ⁵⁾, 216 г. по Р. Х., начинается слѣдующимъ образомъ: Τὸν ἀφ' Ἡρακλέους καὶ Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιζέριον Ἰούλιον Ῥησχοῦποριν. . .

Эта легендарная генеалогія можетъ объяснить намъ причину, по которой на монетахъ царей Боспорскихъ встрѣчаются различныя эмблемы Посидона и Геракла ⁶⁾.

¹⁾ IosPE. I, 99. Замѣтимъ, что на оборотной сторонѣ плиты помѣщена надпись гораздо болѣе поздней эпохи, изданная въ IosPE. I, 67.

²⁾ IosPE. I, 16.   ³⁾ Ibid. IV, 459.

⁴⁾ Изъ Никиты, вѣроятно 3-го в. до Р. Х., *ibid.* I, 245; изъ Пантикапея, 4-го в. до Р. Х., *ibid.* II, 24; изъ Фанагоріи, 2-го в. до Р. Х., *ibid.* II, 350.

⁵⁾ Ibid. II, 41. Имѣются также двѣ подобныя надписи изъ Фанагоріи, II, 358, 361.

⁶⁾ Съ этимъ небезполезно сравнить пантикапейское посвященіе Διὶ Γενάρ-χῃ (*ibid.* IV, 200).

Относительно нумизматических извѣстій о культѣ Геракла въ Ольвіи замѣтимъ прежде всего, что 8 монетъ съ изображеніемъ головы его описаны у Кёне, 7 представлены на таблицахъ Пика и 3 даны въ Берлинскомъ каталогѣ, тогда какъ въ Британскомъ музеѣ подобныхъ монетъ не имѣется вовсе. Экземпляры Пика подраздѣляются на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Изъ этихъ монетъ три ¹⁾ имѣютъ изображеніе юной головы Геракла въ львиной шкурѣ; типы монетъ различны, но всѣ они вполне хорошаго стиля; на всѣхъ монетахъ представлена безбородая голова вправо, а на обратной сторонѣ—палица. Первые два экземпляра Пика изготовлены изъ серебра и сходны съ № 32 по Берлинскому каталогу; третья монета Пика, сходная съ №№ 117 и 118 по Берлинскому каталогу,—мѣдная. Монета № 117 описана слѣдующимъ образомъ:

Лиц. ст.	Обр. ст.
Юная голова Геракла въ львиной шкурѣ, вправо. Два неясныхъ круглыхъ клейма.	ОΛΒΙΟ, надъ положенной горизонтально палицей. Внизу ΕΙΡΗΝΑ ²⁾ . (Æ. 5.).

Von Sallet полагаетъ, что буквы ΒΑ на обратной сторонѣ монеты представляютъ сокращеніе слова βασιλεύς; это слово могло или составлять титулъ жреца, или же относиться къ скинскимъ царямъ. Последнее предположеніе болѣе правдоподобно, такъ какъ изъ послѣдней цитированной пантикапейской надписи можно заключить, что не только Боспорскіе, но и иные скинскіе цари могли претендовать на происхожденіе отъ Геракла.

На четырехъ остальныхъ монетахъ Пика ³⁾ изображенія головы по стилю совершенно отличаются отъ предыдущихъ; типы обратной стороны этихъ монетъ различны. Всѣ эти монеты серебряныя; изображенія головы на лицевой сторонѣ ихъ исполнены грубо и тяжело, обращены влѣво и болѣе или менѣе сходны между собою. На обратной сторонѣ этихъ монетъ имѣются слѣдующія изображенія:

№ 21 — вертикально поставленная палица, окруженная вѣнкомъ изъ колосьевъ.

№ 22—вѣнокъ.

№ 23—вертикально расположенный лукъ въ коритѣ.

¹⁾ Табл. X, 18—20. Ср. Берлинскій каталогъ, 32, 117, 118.

²⁾ Буквы ΡΗ изображены вязью.

³⁾ Табл. X, 21—25. Ср. De Kœhne, l. cit., p. 49, № 54.

№ 24—лузь въ коритѣ, расположенный надъ палицей ¹⁾).

Разсматривая связь Геракла съ Ольвией, считаемъ нелишнимъ напомнить, что имя Καλλίνικος, которое часто встрѣчается въ литературѣ въ качествѣ эпитета Геракла, дважды открыто и въ ольвійскихъ надписяхъ ранней эпохи ²⁾).

Рѣчной богъ Борисѡенъ.

О культѣ Борисѡена сохранилось болѣе пумизматическихъ данныхъ, чѣмъ о какихъ-либо другихъ ольвійскихъ культахъ, за исключеніемъ культа Аполлона; если судить по количеству экземпляровъ монетъ, хранящихся въ коллекціяхъ, то должно заключить, что въ Ольвіи было чеканено монетъ съ изображеніемъ головы Борисѡена болѣе, чѣмъ монетъ какого-либо иного типа. Въ Берлинской коллекціи имѣется такихъ монетъ всего 26 изъ общаго числа 126 (кромѣ того, со времени изданія каталога приобрѣтено еще нѣсколько монетъ); Британскій музей имѣетъ 9 подобныхъ монетъ изъ 23; музей Fitzwilliam'a въ Кембриджѣ—4 монеты изъ 7; у Кёне имѣется 26 подобныхъ монетъ изъ общаго числа около 160-ти (онъ относитъ ихъ къ Ипаниду). Господствующее значеніе въ Ольвіи рѣчного бога легко объясняется тѣмъ фактомъ, что въ южной Россіи наиболѣе импонирующими чертами характера мѣстности являются рѣки ³⁾; совершенно понятно, что онѣ сдѣлались объектами культа для древнихъ колонистовъ. Такъ, изъ Геродота (IV, 59) мы знаемъ, что Скиѡмъ почитали Дунай. Относительно Борисѡена въ частности проф. Percy Gardner ⁴⁾ говоритъ: „Мы находимъ слѣды особаго почитанія греческими колонистами въ Ольвіи бога рѣки Борисѡена, изображеніе головы котораго встрѣчается на ольвійскихъ монетахъ. Совершенно ясно, что типъ этой головы измѣненъ въ подражаніе характернымъ чертамъ лица Скиѡвъ, населявшихъ степи по берегамъ рѣки, такъ что сходство между чертами головы Борисѡена и физиономіей Скиѡвъ бросается въ глаза“. Легко видѣть эти скиѡскія характерныя черты на ольвійскихъ монетахъ ⁵⁾. „Рѣки, вообще, имѣютъ столь опредѣленно выраженный мѣстный характеръ, что представляется

¹⁾ Относительно этихъ монетъ Кёне говоритъ; „Les dernières pièces de ce type indiquent déjà une époque de décadence“.

²⁾ IosPE. I. 12, 114.

³⁾ Ср. Herod. IV, 47 sq., и особенно IV, 82; Θωμάσις δὲ ἡ χώρα αὐτῆ ὅση ἔχει, χωρὶς δὲ: ποταμοῦ; τε πολλῶ μεγίστους; καὶ ἀριθμὸν πλείστους.

⁴⁾ Transactions of Royal Soc. of Literature, vol. XI, second series, p. 174 et sq.

⁵⁾ [См. Бурачкова Общій кат., табл. IX, №№ 214—223. См. также ниже ссылки на Пика].

весьма естественнымъ олицетвореніе ихъ. Весьма нерѣдко онѣ изображаются на монетахъ олицетворенными подъ видомъ быка. Быть можетъ, изображеніе выступающаго быка, встрѣченное на лицевой сторонѣ одной ольвійской монеты, также можно принять за олицетвореніе рѣчного бога¹⁾? Врядъ ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ, если принять во вниманіе другія монеты типа Борисеена; монета эта, повидимому, очень поздней эпохи. Затѣмъ извѣстна одна монета императорскаго періода съ изображеніемъ быка на обратной сторонѣ²⁾. Указанныя выше монеты относятся къ другому типу: „человѣческое лицо съ всклокоченной бородой, со лбомъ, рогами и ушами быка“³⁾. На ольвійскихъ монетахъ встрѣчаются изображенія только головы бога.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ типовъ монетъ съ Борисееномъ. Въ каталогахъ Берлинскаго и Британскаго музеевъ они различаются только по монограммамъ на обратной сторонѣ, но слѣдуетъ отмѣтить, что и самыя изображенія рѣчныхъ боговъ на лицевой сторонѣ ихъ сильно различаются по своимъ типамъ.

Монета, изображенная у Пива, табл. IX, 26⁴⁾, не имѣетъ скинскаго типа; повидимому, при гравировкѣ формы этой монеты, художникъ старался по возможности ближе воспроизвести очертанія головы быка; въ общемъ это изображеніе представляетъ голову быка, слегка очеловѣченную. Въ особенности характерны для быка лобъ съ короткими рогами и борода. Можно думать, что въ данномъ случаѣ граверъ копировалъ рисунокъ съ какой-либо иной монеты; во всякомъ случаѣ, этотъ типъ не представляетъ ничего чисто-мѣстнаго.

На монетѣ Пива, табл. IX, 27⁵⁾, изображеніе головы приближается къ скинскому типу, но все-же лобъ и короткіе рога остаются характерно бычачьими. Уши быка менѣе отчетливы, чѣмъ на предыдущей монетѣ. Волосы попрежнему принадлежатъ условному типу рѣчного бога и кажутся мокрыми.

¹⁾ Pick, табл. XI, 23; Берлинскій каталогъ, 132; De K o h n e, l. cit., p. 84, объясняетъ этотъ типъ, какъ указаніе на богатства Ольвіи, состоявшія преимущественно изъ стада. ²⁾ Pick, табл. XII, 3.

³⁾ Проф. Jebb, къ «Zobopros», Софокль, Trach. 13. Ахелой въ такомъ видѣ изображенъ на архаической монетѣ изъ Метапонта въ Луканіи у Millinge'n, Anc. Coins of Greek Cities and Kings, Pl. I, 21. Монета, описанная He a d'omъ, Hist. Num., p. 63, не тождественна съ этою. [У Бурачкова см. подобный типъ головы на табл. IX, 219]. ⁴⁾ Коллекція Imhoof-Blumer'a.

⁵⁾ Только лицевая сторона; обозначенная же подъ № 27 обратная сторона относится къ монетѣ изъ коллекціи Imhoof-Blumer'a, разсматриваемой нами ниже. Въ Британскомъ музеѣ имѣется одинъ подобный экземпляръ, № 10, изображенный на стр. 12 (Каталогъ «Фракія»).

Далѣ, въ коллекціи Imhoof-Blumer'a имѣется монета, на лицевой сторонѣ которой изображеніе головы довольно любопытно. Оно имѣетъ характеръ уже вполне человѣческой головы, за исключеніемъ отличительныхъ для рѣчного бога короткихъ роговъ на лбу; вполне отчетливо видны человѣческія уши. Вообще типъ этой монеты болѣе условенъ и менѣе похожъ на скиѣскій, чѣмъ типъ двухъ слѣдующихъ монетъ. Странно, что Пикъ не далъ описанія этой монеты, хотя типъ ея ясно отличается отъ типа остальныхъ монетъ.

Наиболѣе типичная скиѣская голова изображена на монетѣ, подобной экземпляру Пика, табл. IX, 28 ¹⁾, и находящейся въ Берлинской коллекціи (но не въ каталогѣ). Изображеніе головы отчеканено не въ центрѣ кружка, такъ что для роговъ не осталось мѣста, хотя, безъ сомнѣнія, они были выгравированы на монетной формѣ; во всемъ остальномъ голова—вполнѣ человѣческая, по характеру скиѣская, того типа, изъ котораго произошли хорошо извѣстныя изображенія головы Пана на монетахъ Пантикапея. Скиѣы, изображенные на упомянутой выше вазѣ Ксенофанта, принадлежатъ къ тому же общему типу; для сравненія вспомнимъ изображенія раненыхъ скиѣовъ на одномъ очень интересномъ предметѣ изъ южной Россіи ²⁾. Фигура, изображенная на лѣвой сторонѣ этого предмета, имѣетъ по профилю весьма большое сходство съ головой, изображенной на второй изъ только-что перечисленныхъ монетъ.

Далѣ, извѣстна еще одна монета ³⁾ съ явственно-скиѣскими чертами изображенной на ней головы; здѣсь явственно замѣтны и рога; волоса болѣе похожи на волоса условнаго рѣчного бога. Типомъ обратной стороны всѣхъ этихъ монетъ служить изображеніе сѣкиры и лука въ коритѣ ⁴⁾, такъ что скиѣскій рѣчной богъ представленъ на монетахъ со скиѣскимъ же оружіемъ и типъ обѣихъ сторонъ отличается чисто-мѣстнымъ характеромъ ⁵⁾. Въ этомъ заключается особый

¹⁾ [См. подобныя монеты у Бурачкова, табл. IX, №№ 221, 222; здѣсь рога ясно видны]. ²⁾ Comptes rendus, 1864, p. 142.

³⁾ Берлинскій каталогъ, № 93. Съ нею имѣетъ нѣкоторое, не очень близкое, сходство монета, описанная Пикомъ, табл. IX, № 29.

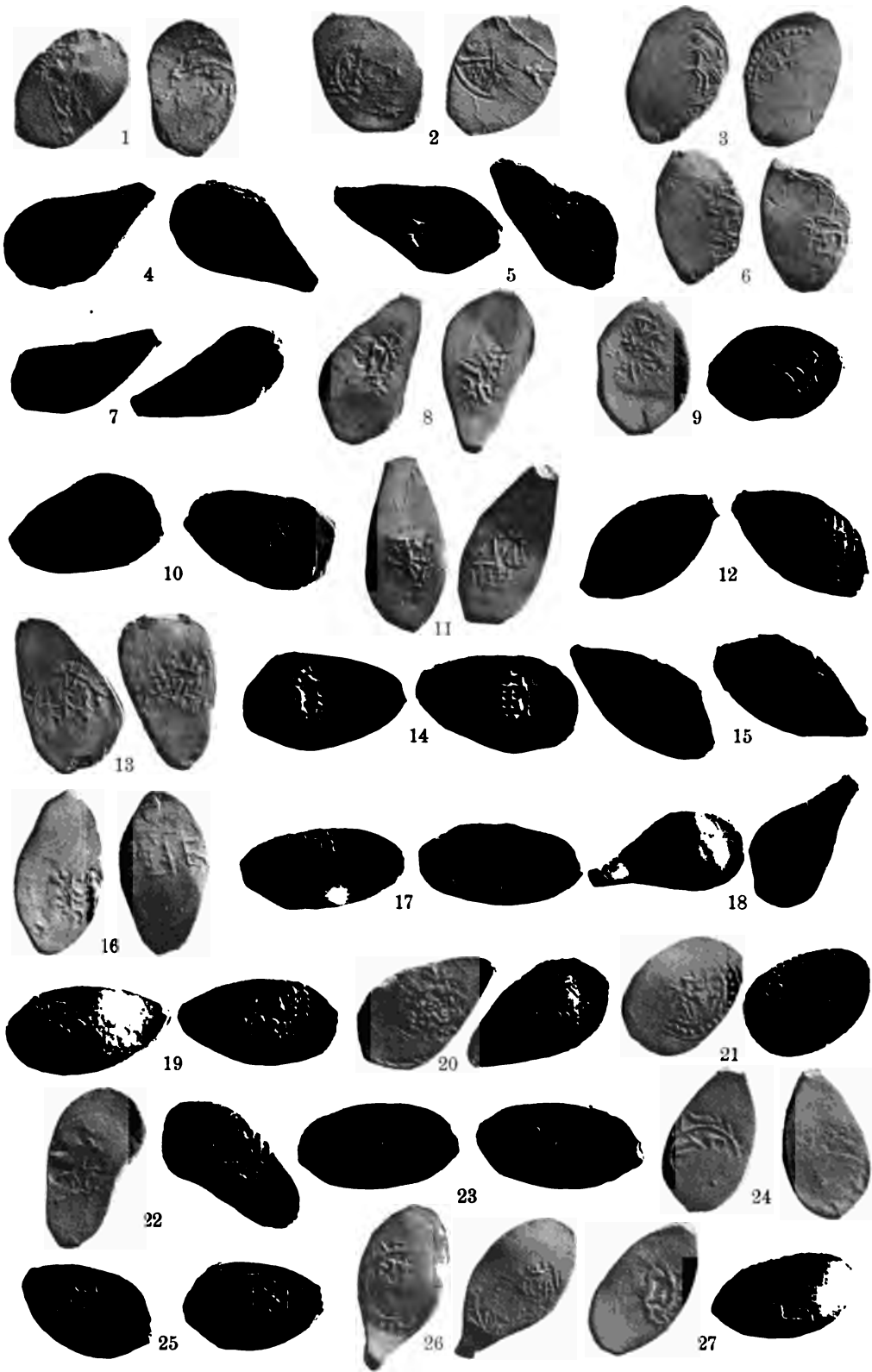
⁴⁾ Повидимому, къ этой-же серіи монетъ слѣдуетъ отнести монету Пика (табл. IX, 32), вслѣдствіе одинаковости типа обратной стороны ихъ (какъ упомянуто выше Кѣне приписываетъ ее Посидону). Типъ головы, изображенной на этой монетѣ, отличается отъ описанныхъ здѣсь; голова очень большая, почти заполняющая весь монетный кружокъ, при чемъ рога на лбу не видны. [См. Бурачковъ I. cit. табл. IX, 214—223].

⁵⁾ Одна ольвійская надпись, найденная въ 1900 г. (IosPE. IV, 460), IV вѣка Р. Х., касается состязаній въ стрѣльбѣ изъ лука, происходившихъ въ Ольвіи. Повидимому, эти состязанія заимствованы у Скиѣовъ, такъ какъ, насколько извѣстно, Греки въ другихъ мѣстахъ ими не занимались.

интересъ, представляемый описанною серією монетъ; по нимъ, а также на основаніи изображеній Скиѳовъ на вазахъ, мы видимъ, что въ Ольвіи существовали художники, которые, вмѣсто того, чтобы увѣковѣчивать только условные типы, изображали также тѣхъ людей, среди которыхъ они жили. Какъ мы утверждали уже выше, появленіе этихъ скиѳскихъ головъ среди другихъ, чисто греческихъ по типу, указываетъ на расовое чувство художника; это, въ свою очередь, заставляетъ думать, что Ольвія оставалась чисто греческимъ городомъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе раннюю и (въ то же время) болѣе счастливую эпоху. Согласно опредѣленію каталога Британскаго музея, эти монеты относятся къ эпохѣ до Александра Великаго; Кёне полагаетъ, что онѣ относятся къ періоду, обнимающему промежутокъ времени болѣе одного столѣтія. Когда же возникло смѣшанное греко-скиѳское населеніе, то, вполне естественно, вышеуказанный скиѳскій типъ перестали воспроизводить на монетахъ. Однако, можно думать, что и позднѣе Борисѳенъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ продолжалъ служить типомъ для монетъ, если принять въ расчетъ, въ какой сильной степени процвѣтаніе города зависѣло отъ рѣки. Напомнимъ, кстати, что однимъ изъ названій Ольвіи и, повидимому, древнѣйшимъ, было—„Борисѳенъ“. Геродотъ въ своемъ повѣствованіи о Скиѳѣ (IV, 18) называетъ городъ этимъ именемъ, а жителей его—Борисѳенитами, замѣчая при этомъ, что сами жители предпочитали называться Ольвіополитами. Собственно имя „Ольвіа“ у Геродота не встрѣчается.

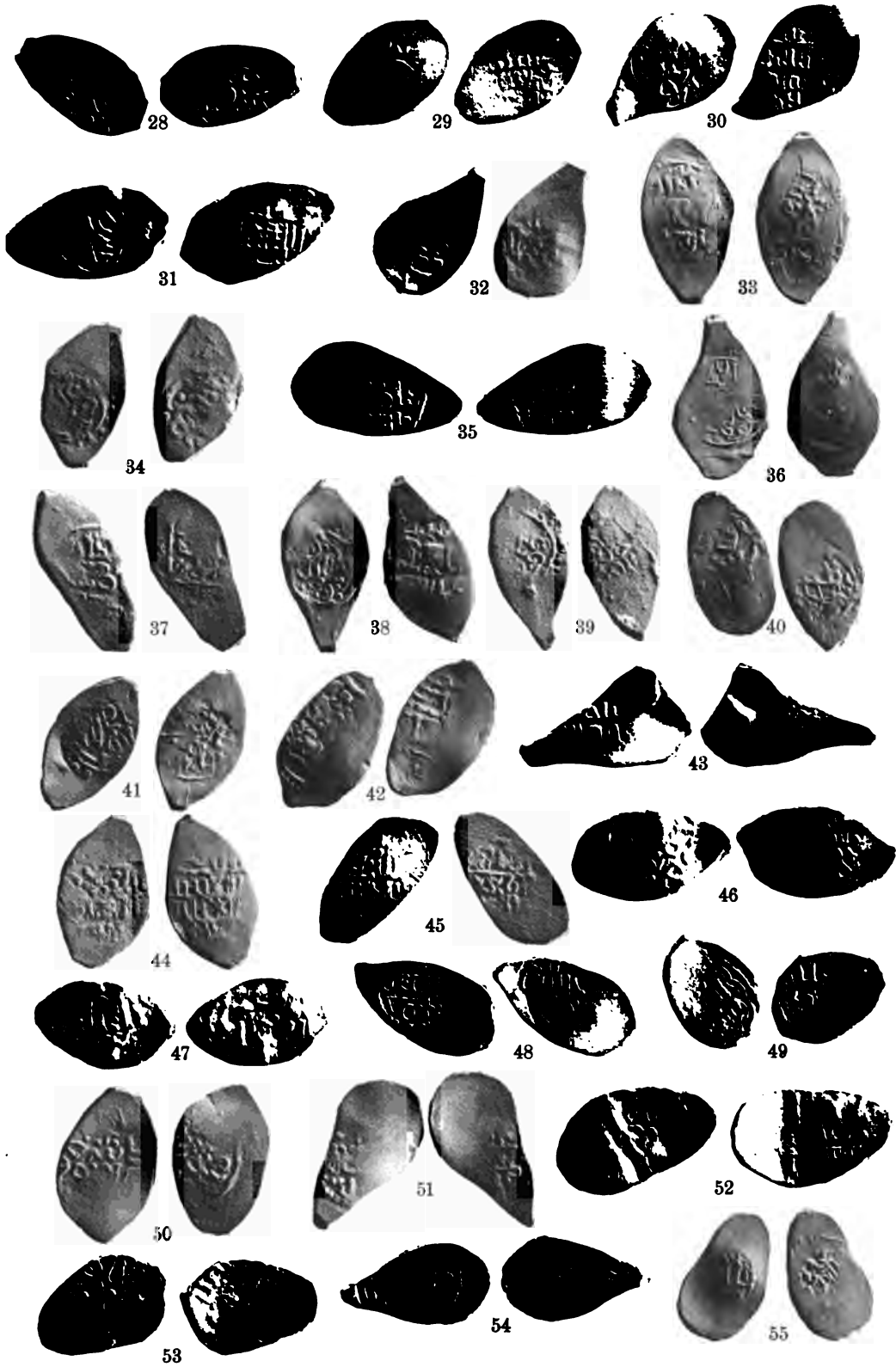
Изъ вышеприведенныхъ фактовъ ясно обрисовывается чисто греческій характеръ ольвійской религіи; мы не нашли слѣдовъ культа какого-либо исключительно мѣстнаго бога, кромѣ культа Борисѳена. Но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ кажущимся исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ изображение бога сосѣдней рѣки постоянно встрѣчается на монетахъ греческихъ государствъ. Мѣстный колоритъ представленъ на монетахъ только скиѳскими стрѣлами и лукомъ, а также, вѣроятно, осетромъ; прочіе типы нельзя признать, въ какомъ бы ни было смыслѣ, отличительными.

Перевелъ съ англійскаго П. Латышевъ.

10